

06
С-

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО · 2
· ВЕДЕНИЕ
1993

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

1993

МАРТ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

АПРЕЛЬ •

Содержание

ДИСКУССИИ

<i>Петрухин В. Я.</i> К дискуссии о начале славянской этнической истории	3
<i>Васильев М. А.</i> Славяне и анты: К проблемам этногенетических и раннеэтноисторических процессов в славянском мире	7
<i>Чешко С. В.</i> Этническая история славян с точки зрения проблем этнологии	15
<i>Иванов С. А.</i> Славянская этничность как методологическая проблема	23

СТАТЬИ

<i>Авенариус А.</i> Ранние славяне в Среднем Подунавье: автохтонная теория в свете современных исследований	27
<i>Флоря Б. Н.</i> Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей)	42
<i>Евзлин М.</i> Мифологическая структура преступления и безумия в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»	67

СООБЩЕНИЯ

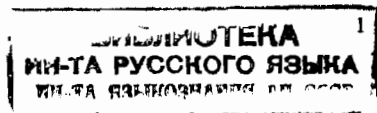
<i>Орел В.</i> Из комментария к «Списку народов» (Genesis 10)	81

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Аксенова Е. П., Васильев М. А.</i> Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930—1940-х годов	86

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

<i>Плетнева А. А.</i> Имя существительное (продолжение)	105
<i>Седакова О. А.</i> Церковнославянско-русские паронимы (продолжение)	117

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Studia Polonica</i> . К 60-летию В. А. Хорева	124
<i>Поттхофф В.</i> Данте в России. К восприятию Италии в русской литературе от романтизма до символизма	124
Книжная полка слависта	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. ПОП (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
А. А. ГУГНИН, В. А. ДБЯКОВ, М. С. КАШУБА, Г. Ф. МАТВЕЕВ,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, М. А. РОБИНСОН,
Л. А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), Б. Н. ФЛОРЯ,
Т. В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора), М. А. ВАСИЛЬЕВ (отв. секретарь)

Зав. редакцией *И. И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л. А., Веслова И. Ю.,
Кошкина Е. А., Мочалова В. В., Осипова М. А.,
Скворцова Н. М.*

К ДИСКУССИИ О НАЧАЛЕ СЛАВЯНСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Нарастающий интерес к начальной истории славянства, проявившийся в последнее время прежде всего в лингвистике и археологии, закономерно привел к тому, что исследователи оказались вынужденными «оглянуться» на тот, казалось бы, устоявшийся и содержащий, по преимуществу, «общие места» свод письменных источников о древних славянах, к каковому, так или иначе, «примеряли» свои построения большинство ученых. Вышедшие почти одновременно польский и отечественный своды [1] обнаружили столько новых проблем, что естественным представляется обращение одного из составителей отечественного свода, С. А. Иванова, к методическим вопросам проблемы славянского этногенеза — самим принципам их постановки [2]. Дело в том, что «широкие возможности» для построения теорий славянского этногенеза, которые, казалось бы, давали для прежних исследователей данные письменных источников, например, сведения Тацита и других авторов о венедах/венетах и т. п., в действительности оказались весьма ограниченными. *Венеды/венеты* — традиционный для античной этнографии этникон, входивший в ее научную номенклатуру; стало быть (как и в случае с этником *скифы* и т. п.), как бы ни относиться к возможностям приурочивания этого этникона к славянам (праславянам) уже в римское время (ср. замечания по этому поводу М. А. Васильева [3. С. 5, 16]), следует иметь в виду, что работа античных историографов состояла в соотношении новой информации с традиционными знаниями.

Весьма существенным аспектом в исследовании славянского этногенеза следует признать методические ограничения в использовании письменных источников, ибо ни лингвистические, ни, строго говоря, археологические материалы таких ограничений не дают, и *венеды* Тацита оказываются только «стартом» для реконструкции праславянской общности на Висле или Днепре чуть ли не в бронзовом веке. Поэтому самоограничительная установка историка, основанная на фиксации самоназвания славян у Прокопия и других авторов VI в. как наиболее раннем факте этнической истории славян, представляется совершенно необходимой, хотя бы и для того, чтобы искать праславян до VI в.

В этом смысле соблазнительным было бы, опираясь на абсолютно прозрачную с точки зрения этнической ономастики пару «словене» — «немцы» [3. С. 6], и «владеющие словом, членораздельной речью» — «немые», пред-

Петрухин Владимир Яковлевич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

положить, что этноним *словене* сформировался до появления его носителей на Дунае, в период тесных контактов с германцами. Неясно, однако, когда славяне стали использовать праславянский этникон *немыцы* применительно к германцам, а не всем «чужим». Ничего не дает для удреждения даты этнонима *словене* и этникон *чудь*: он был продуктивным обозначением «чужих» (народов) на протяжении всей истории славянства (включая русский фольклор XIX в.), но древность его неизвестна: соотношение этого этникаона со словом *thiudos* «народы» у Иордана и включение «чуди» в державу Германариха основаны на недоразумении [4].

Тем не менее появление самоназвания, как показателя сложившегося самосознания этноса, безусловно предполагает некоторый контекст, иноэтническое окружение: самоназвание не только выделяет народ, но и противопоставляет его другим народам (на что указывают, в частности, и участники дискуссии о славянской этнической истории [2; 3]). Для источников VI в. характерно объединение (но вместе с тем и различие!) славян (склавинов) и антов. Предлагаемая М. А. Васильевым реконструкция отношений этих двух групп основана на археологических построениях В. В. Седова и исторической схеме Иордана о былом единстве склавинов и антов под именем венетов [3. С. 14—15]. Реконструкция, так сказать, во второй степени (основанная на других реконструкциях) всегда выглядит уязвимой — неясно, была ли схема Иордана (Кассиодора) основана на реальных преданиях, тем более неясно соотношение пшеворской и пеньковской культур у В. В. Седова, неясна даже основательность ставшего традиционным соотношения антов и пеньковской культуры, так как последняя «пережила» объединение антов (если следовать источникам) на целое столетие. Можно лишь предположить, что противопоставление *словене* — *анты* — это традиционное для славянской этнической истории выделение маргинальной («лесостепной») группировки, отличающейся по культуре от остального этноса: до недавнего времени так различались русские и казаки и т. д. Относить выделение таких славянских этнических (субэтнических) групп ко времени до VI в. оснований мало.

Трудно говорить и о месте в этнической истории славян противопоставления *славяне* — *греки* (ср. [5]), учитывая отсутствие праславянской формы последнего этникаона [6]. Однако существеннейшей константой общеславянской культуры было представление о Дунае как границе *per excellence* (ср. [7]), не только между «Славией» и Византией, но и между своим и чужим миром. Эта граница была «зафиксирована» и первыми византийскими известиями о славянах («гуннов, и склавинов, и антов, которые обретаются за рекой Истром, недалеко от тамошнего берега». — Прокопий. История. V. 27. 2), и Начальной русской летописью: «По мнозех же временах сели суть словени по Дунаеви» [8]). Эта фраза летописца, построившего концепцию единства «славянского языка» (этнолингвистической общности), воспринимается иногда как свидетельство о «дунайской прародине»: в действительности Дунай остается для Начальной летописи границей, пределом, к которому стремятся русские князья (начиная с мифического Кия)¹, славяне «сели» на этой границе «накануне» своей истории и, прорвав ее, «врываються на страницы источников» [2. С. 8].

Показательно, что в недавно вышедшем сборнике исследований по этногенезу славян [9] археологи (М. Б. Щукин, Г. С. Лебедев, Д. А. Мачинский) придают особое значение «противостоянию» славян и Византии на Дунае для формирования культуры Прага — Корчак в пограничьи балто-славянского мира: славяне выделились из балто-славянской общности, олкнувшись с Византией, выйдя «из лесов и болот» на «истори-

¹ Достигнув этой границы, можно было добиваться выгодного договора с греками, как это сделал Игорь в 944 г.

ческие рубежи». В этом отношении подход С. А. Иванова к проблеме праславянской культуры нуждается в корректировке: культура Прага — Корчак считается самой ранней достоверно славянской не потому, что ее дата (VI—VII вв.) совпадает с первыми письменными известиями о славянах, а потому, что для археологов очевидна ее генетическая связь с последующими достоверно славянскими «историческими» культурами Средней и Восточной Европы, что нельзя сказать, например, о черняховской культуре.

Можно согласиться с критическим отношением М. А. Васильева [3. С. 18] к «отлучению» С. А. Ивановым археологов и лингвистов от использования «этнических категорий» в их исследованиях. Конечно, поиск совпадений — ареальных и хронологических — между данными исторических источников, археологии или, например, топонимики, можно считать «обманчивым соблазном» [2. С. 11]. Но когда археологические исследования действительно демонстрируют культурно-историческую общность группы памятников, связанных не только общими «хозяйственными» признаками (жилище, утварь и т. п.), но и собственно «культурными» — к примеру, погребальным обрядом, то связи этих памятников, особенно в догосударственную эпоху, следует признать этническими; это относится, в частности, к культуре пражского типа, демонстрирующей такие связи, которые, очевидно, отражают и представления об общности носителей культуры, т. е. самосознание, которому справедливо придается конституирующее значение в сложении этноса.

Очевидные этнические связи пражской культуры не отменяет естественное позднеимперское и византийское влияние (так, использование римских мер жидких и сыпучих тел сохранялось при производстве керамики пражского типа [10. С. 79], такое влияние прослеживается повсюду, где были контакты с Римской империей, включая и Восточную Европу [11]). Но то обстоятельство, что это общеевропейское влияние «вылилось» в специфическую форму — форму горшков пражского типа, свойственных для вполне определенного ареала, — указывает на самостоятельность в н у т р е н н и х с в я з е й пражской культуры. Это еще раз заставляет задуматься о «конституирующем» влиянии позднеимперского — византийского мира на формирование славянской общности: восприятие в праславянский период не только римских мер веса, различных реалий материальной культуры, но и форм культуры духовной (ср. происхождение слов «коляда», «русалии») обнаруживает воздействие этого мира на самые существенные стороны славянской народной жизни.

Опираясь на культурную общность пражских памятников VI—VII вв., можно, в соответствии с принятым в археологии ретроспективным подходом, искать генетически связанные с ними более ранние памятники — и уже находят основания относить наиболее ранние памятники пражского типа к V в. [12]². Но безусловной, на наш взгляд, вехой в этнической истории славян — временем «прорыва» их в историю — остается VI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Testimonia hajdawniejszych dziejow Slowian. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc., 1989. Z. 2. Seria grecka; Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1 (I—VI вв.).
2. *Иванов С. А.* Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) // Советское славяноведение. 1991. № 5.
3. *Васильев М. А.* Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года? // Славяноведение. 1992. № 2.

² Можно как угодно критически относиться к «призыву не высовываться за шлагбаум V—VIII вв. и археологической пражской культуры» [10. С. 226], но «высовываться» можно лишь при соблюдении правил, понимание которых, надо надеяться, будет способствовать и дискуссия о начале этнической истории славян.

4. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Русь и чужь//Балто-славянские исследования (в печати).
5. Литаврин Г. Г. Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI—X вв.//Византийский временник. М., 1986. Вып. 46. С. 100—108.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1. С. 455.
7. Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточно-славянской истории//Русский север. Л., 1971.
8. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 11.
9. Славяне. Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования). Л., 1989.
10. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991. С. 79.
11. Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967.
12. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев. 1990. С. 246—250.

ВАСИЛЬЕВ М. А.

СЛАВЯНЕ И АНТЫ: К ПРОБЛЕМАМ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ И РАННЕЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СЛАВЯНОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

Продолжение на страницах журнала «Славяноведение» дискуссии о начале этнической истории славян [1; 2] дает нам возможность вновь обратиться к данной проблеме, в первую очередь с целью уточнения и по возможности развития ряда положений, высказанных в [2].

Одним из ключевых моментов выдвинутой нами гипотезы о ходе завершающего этапа этногенетических процессов в славяноязычном мире и его этническом состоянии в период раннего средневековья являлось положение о славянах и антах как вероятнее всего двух близкородственных (и создававших это), но обладавших различным этническим самосознанием и, соответственно, различными самоназваниями этносах. Мы стремились привлечь внимание к вопросу о соотношении метаэтнуса с аутоэтнонимом

* *slovēne* и антов, который, полагаем, еще не вполне осознан как *проблема*.

В. Я. Петрухин, например, в опубликованном выше материале вполне традиционно считает, что анты по отношению к славянам являлись субэтносом (по типу русские — казаки), лесостепными маргиналами славянства. (Заметим, что, следуя этой логике, если бы об украинцах мы знали столь же сравнительно мало, как об антах (ср. наиболее вероятную этимологию этнонима *анты* — из иранского со значением «живущие на украине, пограничные жители»), т. е. этноним и то, что их культура (в том числе язык) очень близка к русской, что те и другие одного древнерусского «корня», то вполне могли бы характеризовать украинцев как субэтнос по отношению к русскому этносу.)

Чем дольше вдумываешься в традиционные определения антов как «субэтноса», «племенного союза», «племенной группировки» и т. п. в рамках метаэтнуса с самоназванием * *slovēne*, т. е., по предложенной нами терминологии, этнических славян (см. [2. С. 19]), тем больше приходишь к убеждению, что перед нами — только *opinio communis doctorum*, не имеющее солидных источниковых оснований.

Соображения в пользу характеристики антов как «маргинальной» группировки славянского метаэтнуса могут быть следующими. Это, во-первых, то, что и славяне, и анты говорили в VI в. на одном языке, т. е. были славяноязычны, имели близкую материальную и духовную культуру, на

Васильев Михаил Александрович — канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

что указывают письменные источники; что носители пеньковской (антской) археологической культуры приняли участие в формировании безусловно этнически славянского населения в различных районах Европы. «Подкрепляет» первое соображение второе, носящее скорее психологический, чем фактологический характер: славянский метаэтнос существовал и существует, анты же, «мелькнув» на страницах источников для конца IV в. и начала VI — начала VII в., затем «бесследно» исчезают. Отсюда следует кажущийся очевидным вывод — анты являлись лишь «эпизодом» ранней этнической истории славян, сначала в силу ряда конкретно-исторических причин выделившись (в качестве «субэтноса», «племенного союза» и т. д.) из общей массы славянского метаэтноса, а затем в ней же растворившись.

На «заднем плане» указанных соображений зачастую молчаливо предполагается, а иногда и открыто провозглашается третье — метаэтнос с самоназванием * *slovēne* возник задолго до фиксации этого этнонима в письменных источниках, поэтому анты, о которых можно говорить как о «части славянства» в лучшем случае с IV в., моложе его, а значит являлись соподчиненной частью славянского этнического образования.

Однако если подойти к проблеме соотношения этнических славян и антов без предвзятости историографической традиции, то ситуация не выглядит столь однозначной.

Теория этноса не ставит знак равенства между языком и этносом, между людьми, как носителями того или иного языка (и шире — культуры), и людьми, как носителями того или иного этнического самосознания. Поэтому в этнологическом плане факт близости языка и культуры славян и антов не является доказательным. Между тем «аргумент языка» (раз говорили по-славянски, значит были славянами, подразумевая под последними этнос), как кажется, продолжает довлеть над многими исследователями. Сказывается, вероятно, и «терминологический гипноз» (*славянский язык* > анты *славяноязычны* > анты — этнические *славяне*), опасность которого уже отмечалась [1. С. 4—5, 7, 11; 2. С. 17—18]. .

Следует, далее, констатировать, что на историческую сцену славяне и анты явственно вступают практически одновременно.

Наиболее ранние памятники пражской археологической культуры, носителями которой основательно считаются этнические славяне, датируют сегодня V в. (см., например, [3. С. 111; 4. С. 338—344, 350]). Однако датировка первых памятников пеньковской культуры, культуры раннесредневековых антов, аналогична [4. С. 344—346, 350; 5. С. 26]. Для нас важно также и то, что при всей разности «славянских» этногонических гипотез археологи не считают одну из этих культур ответвлением, дериватом другой (см. [3. С. 110—111; 4. С. 350—351; 5. С. 18—19, 26—28]).

На страницах письменных источников славяне и анты появляются в VI в. также практически одновременно, а затем выступают всегда раздельно, как две самостоятельные силы, и никогда не смешиваются; ни один источник при этом не называет антов частью этнических славян, что является очень серьезным *argumentum ex silentio*. Византийские авторы VI в., например, довольно неплохо знали и тех, и других и, кроме того, интересовались ими не в кабинетно-познавательных целях, а руководствуясь в первую очередь вполне прагматическими мотивами, с точки зрения внешней политики империи. И если бы анты являлись частью «скламенов» они, полагаем, отметили бы этот факт, ибо его следовало учитывать в отношениях Византии с этими «варварами».

Как видим, ни материальные, ни письменные источники не содержат оснований для суждения о «первородстве» славян перед антами.

Об этнических славянах мы твердо можем говорить лишь начиная с VI в. Все попытки обнаружить этнос * *slovēne* в предшествующие века не дали

твердых позитивных результатов (см. [6. С. 59—62]). И дело здесь, вероятно, не просто в том, что античные писатели были плохо знакомы с этнической картиной и номенклатурой далеких и потому «темных» для них окраин Европы, где «скрыто» проживали *slovene. На наш взгляд, бесплодность означенных попыток является следствием иной, фундаментальной причины — отсутствия славян как этнического образования и его возникновения сравнительно незадолго до начала VI в.¹

Но если до начала VI в. об этнических славянах мы ничего достоверно не знаем, то ситуация с антами иная: этноним этот фиксируется в «Гетике» Иордана для конца IV в. Нередко высказывались и высказываются мнения, согласно которым «об этнолингвистической принадлежности антов IV в. нельзя сказать ничего определенного» [6. С. 159], что анты IV в. — не славянофоны, а иранцы и т. п. Основой как для «осторожных», так и для «радикальных» суждений служит, во-первых, вероятно, то, что сам этноним *анты* явно не славянский, что, впрочем, «само по себе... мало что значит» [6. С. 159], — иноязычные экзоэтнонимы весьма нередко становятся аутоэтнонимами. Стоит напомнить, кроме того, что для ранней этнонимии славянофонов вообще характерны этнонимы, объясняемые не из славянского: *хорваты*, вероятно, *сербы* — из иранского, *дулебы* — из германского, и этноним *анты* органично входит в этот ряд. Во-вторых, у нас действительно считанные факты, чтобы судить о «лингво-этнографическом лице» антов IV в. Однако если подойти к ним с должной осторожностью, но без гиперкритицизма, то и они позволяют сделать вероятностные выводы.

Иордан (Get. 247) повествует об остроготско-антской войне конца IV в., в которой король Винитарий победил антов «и короля их по имени Боз (*regemque eorum Boz nomine*) с сыновьями его и 70 знатными людьми распял». Несмотря на малую длину лексического фрагмента *Boz* и неоднократные сомнения, все же пока наилучшим объяснением остается то, которое усматривает здесь глоссу, где *rex* калькирует праслав. *vodje

¹ В последние годы это положение все тверже входит в историографию. Например, Ю. М. Лесман считает, что славянский этнос возник одновременно со сложением культуры пражского типа [7]; «кельты, германцы, славяне, — пишет Г. С. Лебедев, — вот выражение ритмики этнического процесса, раз в полтысячи лет создававшего в Европе новые, кристаллизованные этнические образования (ключевым для завершения этногенеза германцев он полагает время около рубежа н. э., кельтов — V в. до н. э. — М. В.)» [3. С. 105—106]; по мнению Д. А. Мачинского, славяне «вступают в период кристаллизации своего этнознания» в конце V — первой трети VI в. [8]; В. Д. Баран думает, что «разгром готов гуннами и последующие славяно-готские войны можно считать началом возникновения в Юго-Восточной Европе новой этнокультурной... общности, в которой ведущую роль играли славяне» [4. С. 354]; «... отсутствие фиксации самоназвания славян вплоть до VI в. н. э., — отмечает Ф. В. Шелов-Коведяев, — может указывать на относительно позднее сложение этноса» [6. С. 58].

Присоединяясь к мнению этих исследователей, коснемся одного его не исключенного «побочного эффекта» — возможной негативной реакции на уровне «бытового» сознания. Мы уже писали [2. С. 12], что этническое самосознание склонно весьма болезненно реагировать на все, что кажется ему (или является) «ущемлением» «своего» этноса. В этом контексте таковым может показаться утверждение о «недостаточной древности» славян как этноса: уже расцвела и пришла в упадок блестящая классическая Греция, погибла могущественная Римская империя, уже давно и хорошо тогдашнему культурному миру были известны германцы, — а славяне только лишь «вступили в историю» как этнос.

Этническому самосознанию свойственно стремление удревить историю «своего» этноса, сделать ее более «почтенной» (вспомним хотя бы римлян, ведших себя не иначе как от героя Троянской войны Энея). Болезненной реакцией на «недостаточную древность» и попытки «подправить» историю можно наблюдать сегодня у некоторых славянских народов, чье самосознание ищет исторические опоры для самоутверждения, в частности через удревление этнической истории. На такой почве благодатно появляются материалы, в которых пеласги объявляются трипольцами и прямыми предками украинцев (а заодно и эллинов) [9]; переиздается стотысячным тиражом (Днепропетровск, 1991 г.) книга 1918 г., где в уста князя Олега вкладывается фраза: «Київ буде матірню всіх українських городів», а князь Святослав восклицает: «Тож не зробимо сорому української землі, поляжемо тут кістьми!» [10] (перифраз известных мест из «Повести временных лет», где вместо «украинский» — «русский»).

«вождь» (в форме *vožь или *vožь) [11. С. 11, 229] (ср. в «Истории» Феофилакты Симокатты (VI. 9.1) замечание о славянском вожде Мусокии, «которого варвары на своем языке называют царем (рексом)»).

А. Н. Анфертьев, новейший комментатор «славянских» фрагментов «Гетики», полагает, что все сопоставления имени *Voz* со славянскими языковыми фактами (в том числе от *vodje) «неправдоподобны не только с точки зрения вокализма, но и из общих соображений» [6. С. 160]. Не беремся судить о вокализме, хотя существуют и другие, достаточно авторитетные лингвистические суждения, но не видим ни одного «общего соображения», запрещающего гипотезу о присутствии среди антов того времени славофонов.

Здесь нами усматриваются трудности иного рода. Даже при принятии славянской интерпретации данного лексического факта, он не может считаться решающим для категорических заключений о языке антов (или их части), ибо его возможно трактовать не только как фиксацию присутствия славофонов среди антов того времени, но и как всего лишь отражение имевших место контактов не славяноговорящих антов (например, иранцев) со славофонами. Напомним в этой связи, что в трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного в главе, рассказывающей о происхождении «турок» (венгров) и основанной на собственно мадьярских преданиях, их первый предводитель — Леведий — назван славянским словом «воевода» (βοεφόδου) [12].

В том же известии Иордана о готско-антском конфликте привлекает внимание имя готского предводителя — *Vuinitharius*. Кроме победы над антами он еще известен, по Иордану, войной с королем гуннов Баламбером, в которой в конце концов потерпел поражение и погиб (Get. 248—249). Главным «деянием» Винитария, таким образом, являлась победа над антами. Между тем его имя (возможно, это прозвище) многие исследователи и давно этимологизируют как «победитель *венетов*» (или даже, по О. Н. Трубачеву, «потрошитель *венетов*») [11. С. 89, 229; 13; 14; 15; 16]².

Если принять кажущуюся весьма вероятной расшифровку имени Винитария как «победитель *венетов*» и зная, что его единственной крупной военной удачей, согласно Иордану, являлась победа над антами, то следует заключить, что германцы готы знали в конце IV в. антов не только под их собственным именем, но и называли венетами, т. е. этнонимы *анты* и *венеты* являлись для них синонимами или были тождественны (*анты* = *венеты*). Эта констатация заставляет нас обратиться к знаменитому в палеославистике «этнонимическому треугольнику» Иордана: *венеты* — *славяне* — *анты* (Iord. Get. 34, 119).

Наиболее старое и удерживающееся до сего времени мнение состоит в толковании сведений Иордана (Кассиодора) как указания на реальное существование в его время «трех групп славянства» (к историографии вопроса см. [6. С. 33]), что невозможно (см. [2. С. 8]), т. е. источник в этом случае понимается буквально и принимается без внутренней критики.

Новую конструкцию «этнонимического треугольника» предложил недавно А. Н. Анфертьев. Ее сильной стороной является проведенный ученым источниковедческий анализ. Он полагает, что информация Кассиодора о венетах восходит в конечном счете к тому же источнику, что и сведения о них Тацита (Iord. Get. 34 [первые предложения]), о славянах же и антах историк сведения получил от современников, готских информаторов (или таковые сведения стали достоянием его предшественников) (Iord. Get. 34 [последнее предложение], 35). Пользуясь присущим ему творческим методом, Кассиодор соединил эти два разделенные примерно полутысяче-

² А. Н. Анфертьев категорически отвергает первую этимологию, ссылаясь на мнение Е. Фёрстеманна, далеко не единственно возможное, с самими пессимистическими заключениями о характере, месте и времени готско-венетских контактов [6. С. 146—147].

летием информационных блока, исходя из того, что славяне и анты жили на той же (или примерно на той же) территории, что и, согласно раннему источнику, венеты. Отсюда у него родился «вывод о том, что славяне и анты и есть венеты, точнее — что это название двух основных венетских народов» [6. С. 131].

«В окончательном оформлении идеи о происхождении славян и антов... „из одного корня“ (§ 119), — пишет далее Анфертьев, — вероятно, сыграли свою роль также какие-то представления об их близком родстве, бытовавшие в готской среде. Не исключено..., что именно из этой среды Прокопий почерпнул свою информацию об этнокультурной близости славян и антов и их общем — в прошлом — имени „споры“... Не исключено..., что мы имеем дело с двумя вариантами одного рассказа».

«Таким образом, — заключает А. Н. Анфертьев, — мы полагаем, что идентификация славян (и, добавим, антов. — М. В.) с частью венетов у И[ордана]... не имеет ничего общего с реальной историей» [6. С. 132]³.

Что касается Кассиодора, то готский источник его информации о происхождении славян и антов от венетов едва ли следует оспаривать. Но считать, что указанное представление *сложилось* у готов — по крайней мере рискованно; единственно достоверным является то, что оно у них *бытовало*. Не менее вероятно и допустимо и другое — восприятие готами «славяно-антского» этногонического предания (славяно-антская среда > готы > Кассиодор > «Гетика»).

Что касается сведений Прокопия Кесарийского о некогда общем имени славян и антов, то мнение об их готском источнике едва ли доказуемо. Обширная историография «проблемы споров» содержит многие другие решения, в том числе предполагается непосредственно славянский источник информации (см. [6. С. 227—228; 17]). И если сведения Прокопия, и на наш взгляд являющиеся вариантом рассказа об одном «имени — корне» славян и антов, получены не от готов, а из иной этнической среды, пусть даже не от славофонов, это значительно повышает вероятность того, что перед нами — «славяно-антское» этногоническое предание, отразившееся и в «Гетике» Иордана, и в третьей части «Книг о войнах» Прокопия Кесарийского⁴.

Второй вопрос — это причины причисления Кассиодором славян и антов к венетам, в результате чего, заметим, в его сочинении и родились так называемые «три группы раннесредневекового славянства» (венеты «породили три [народа, имеющих каждый свое] название (так см. [6. С. 154]. — М. В.), т. е. венетов, антов и склавен» (Iord. Get. 119)).

Согласно А. Н. Анфертьеву, идентификация славян и антов с венетами — искусственная конструкция Кассиодора, ничего общего не имеющая с реальной историей, результат контаминации им разновременных источников. Но буквально здесь же исследователь пишет, что «отождествление в германской среде славян с венетами могло способствовать тому, что в позднейшее время славян называли вендами (виндами и т. п.) в самых разных частях зоны славянско-германских контактов...» [6. С. 132].

³ Мы не в последнюю очередь столь подробно процитировали построения А. Н. Анфертьева потому, что они являются комментарием к ключевым для понимания этногонии и ранней истории славяноязычного мира местам в «Гетике» в новейшем отечественном «Своде древнейших письменных известий о славянах» и могут оказать значительное историографическое влияние.

⁴ Именно сведения, заключенные в сочинениях Иордана и Прокопия, а также другие излагавшиеся соображения лежали в основе предложенной нами в [2] этногонической гипотезы, а не в первую очередь теория этногенеза и ранней истории славян В. В. Седова, базирующаяся главным образом на археологическом материале. Теория В. В. Седова (которую мы в ключевых ее моментах сегодня разделяем) призвана была, чтобы дать пространственную, хронологическую и историко-культурную «привязку» информации письменных источников, дать «обстоятельства места и времени». Конечно, высказанное нами ранее — лишь рабочая гипотеза, но, на наш взгляд, имеющая то преимущество, что стремится не столько интерпретировать источники, сколько следовать им.

Закономерно напрашивается вопрос: благодаря чему произошло подобное отождествление? Доводя мысль автора до логического завершения, следует, видимо, полагать, что благодаря массовому чтению германцами «Готской истории» Кассиодора (не сохранившейся) и «Гетики» Иордана...

Весьма натянутой, явно призванной «вынести за скобки» «неудобный» факт выглядит попытка Анфертьева объяснить то, что «венетами называют соседних славян прибалтийские финны», ссылаясь на загадочную «прибалтийско-скифскую эпоху» (?), когда у финнов еще не было контактов со славянами, а название «венеты» относилось к другим соседям — действительно венетам Тацита и лишь позднее «было перенесено на славян, переселившихся в северо-восточном направлении» [6. С. 132].

Существует, наконец, и еще один «неудобный» (и отрицаемый Анфертьевым) вероятностный факт — отождествление венетов и антов готами в конце IV в., задолго до Кассиодора.

Не исключая возможности опоры Кассиодора на более ранние источники в части сведений о венетах и их расселении, мы все же полагаем, что при отождествлении славян и антов с венетами и возведении их «родословия» к последним он руководствовался в первую очередь иными основаниями, чем «территория проживания» венетов, славян и антов, все же имеющими отношение к «реальной истории».

Существо дела, на наш взгляд, состояло в особенностях этнической номинации славофонов готами, на устную традицию которых Кассиодор (или его предшественники) опирался в своей информации о славянах и антах начала VI в. С одной стороны, готы знали и тех, и других под аутоэтнонимами, с другой — в равной степени могли называть бытовавшим в их среде экзотонимом *венеты* (причины возникновения подобной ситуации мы пытались гипотетически раскрыть в [2. С. 16—17]). Весьма вероятно, что из готской же традиции Кассиодор почерпнул и представление о венетах как наименовании «общего корня» славян и антов.

В итоге для VI в. имеем *готский* ряд этнонимических тождеств: славяне≡венеты; анты≡венеты. Замечательно при этом, что историк, видимо, сознавал, что *в его время реальных венетов, как отдельного «народа», не существовало*. Ведь информация § 119 «Гетики» очевидным образом расходится со сведениями § 34, противоречит им: здесь названы только два «венетских народа», и оба для VI в.— бесспорные реалии, тогда как венеты для времени Кассиодора в отрывке исчезают, «растворяясь» в славянах и антах.

Но дело в том, что в § 119 содержится рассказ о покорении *венетов* готским королем Херманариком (Эрменриком), рассказ явно искусственного происхождения, сочиненный предшественниками Кассиодора или им самим для возвеличивания этого правителя, подчинившего якобы все окружавшие готов народы, как реальные, так и полуполюгендарные ([6. С. 153—154]). Поэтому историк мог счесть необходимым «осовременить» венетов в том же § 119 и для VI в. Так, полагаем, возникли в § 119 «Гетики» три группы раннесредневековых венетов (а не, заметим, славян, как часто этот отрывок произвольно интерпретируют).

В отношении славофонов, таким образом, выстраивается следующий *германский* этнонимический ряд (по возрастающей хронологической глубине): в средние века (и позднее) — славяне≡венды, винды и под.; раннее средневековье — заимствование прибалтийскими финнами у германцев наименования славян венетами (ср. [2. С. 16; 6. С. 58]) (в V в. устанавливаются регулярные контакты между Скандинавией и прибалтийскими финнами, а около VI в. начинается их взаимодействие с пришлыми носителями славянской культуры длинных курганов [5. С. 46—58]), отождествление, с опорой на готскую традицию, славян и антов с венетами в «Гетике».

Открывает же этот ряд имя победителя антов Винитария (анты≡венеты).

Причисление готами антов *Boz'a* к венетам позволяет довольно уверенно полагать, что анты конца IV в. в глазах ближайших и достаточно хорошо их знавших германских соседей принадлежали к тому же «венетскому» лингвоэтнографическому кругу, в который германцами позднее включались и этнические славяне. А это уже серьезный аргумент в пользу этой точки зрения, что среди антов конца четвертого столетия был, по крайней мере, весьма явствен и силен славяноязычный элемент, что единственно могло сделать возможным для готов ставить знак тождества между венетами и антами. Большую весомость приобретает в этом контексте и «аргумент *Boza*».

В общей форме (с естественными поправками на этническое славянство антов и существование группировки «славян-венетов») мы согласны с О. Н. Трубачевым в том, что «для готов-германцев описываемого Иорданом времени (IV в.) связь между славянами-венетами и славянами-антами не составляла тайны» [11. С. 89].

Завершая «славяно-антский экскурс», еще раз зададимся вопросом: каковы же фактические, источниковые основания для суждения об антах как части «славянского этноса», как его несколько обособленной периферийной группировке? Мы попытались показать, поневоле кратко, что таковых, кроме устоявшегося *opinio communis*, практически не имеется.

Чтобы считать антов «субэтнотомом» метаэтноса * *slovēne* (члены субэтноса, по Ю. В. Бромлею, осознают групповые особенности тех или иных элементов своей культуры, обладают самосознанием и самоназванием, однако считают себя частью основного этнического подразделения [18]), нужно найти в источниках хоть какое-нибудь указание на это. Чтобы считать антов племенным союзом, племенной группировкой и т. п. этнических славян, необходимо обосновать (помимо того же, что и в случае с трактовкой антов как «субэтноса») то, что анты являлись единым «этносоциальным организмом», «эсо». В данном случае сошлемся на анализ источников, проведенный О. В. Ивановой и Г. Г. Литавриным и показавший, что славяне (бесспорный метаэтнос) и анты в VI (—VII) в. сами состояли из ряда «этносоциальных организмов» («племен» и их объединений, зачастую временных), не образуя общеславянского «эсо» и общеантского «эсо» [19].

Более того, парадоксальность ситуации заключается в том, что «славянство» (не в этническом, а лингвоэтнографическом смысле) «маргинальных» антов, возможно, «прощупывается» для времени даже более раннего, чем появляются достоверные сведения об этнических славянах.

Складывается устойчивое впечатление, что в том этническом и этногенетическом «котле», который «кипел» в «варварской» Европе эпохи Великого переселения народов, по историческим масштабам практически одновременно родились два равноправных славяноязычных этнических образования, сохранявших, однако, ясные представления о своем родстве и историческую память об общем «корне».

И, возможно, будь История более благосклонна к антам⁵, последующая этническая картина славяноязычного мира могла быть существенно иной.

⁵ Отметим, что утверждение, будто пеньковская культура «пережила» (если следовать источникам) антов на столетие, неточно. Во-первых, то мнение, что анты оказались жестоко разгромлены в результате похода аваров в 602 г., после чего якобы перестали существовать как отдельная группировка, неоднократно подвергалось критике. Г. Г. Литаврин недавно выдвинул гипотезу, согласно которой этот поход вообще не состоялся; не фиксируют следов аварского «нашествия» в антские земли и археологические изыскания (подробнее см. [20]). Во-вторых, имя антов и после 602 г. упоминается в источниках — в титулатуре византийских императоров, последний раз — в 612 г. [6. С. 260—264; 20. С. 30]. В-третьих, исчезновение антов из византийских источников объясняется не их исчезновением как «группировки», причины тому известны и кроются «в уходе ромеев с Дуная, в крушении их контроля в этом регионе и, как следствие, в разрыве связей империи с антами» [20. С. 30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванов С. А.* Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей)//Советское славяноведение. 1991. № 5.
2. *Васильев М. А.* Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года?//Славяноведение. 1992. № 2.
3. *Лебедев Г. С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза//Славяне. Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования). Л., 1989.
4. *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период.* Киев, 1990.
5. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
6. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1 (I—VI вв.).
7. *Лесман Ю. М.* К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов//Славяне. Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 17.
8. *Мачинский Д. А.* Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э.— XI в. н. э. (контуры концепции)//Славяне. Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 122.
9. Этногенез та антропологія Українців//Самостійна Україна. 1992. № 2(23). С. 7.
10. *Крипякевич І.* Коротка історія України. Київ; Львів; Відень, 1918. С. 9, 12.
11. *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
12. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий. М., 1989. С. 158, 159, 391.
13. *Трубачев О. Н.* Germanica и Pseudogermanica в древней ономастике Северного Причерноморья. Этимологический комментарий//Этимология. 1986—1987. М., 1989. С. 51.
14. *Браун Ф. А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. С. 252, примеч. 1, 333.
15. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Getica/Вступит. статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 320.
16. *Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 133.
17. Testimonia najdawniejszych dziejów Słowian. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc., 1989. Z. 2. Seria grecka. S. 89.
18. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 81—87, 288, 353.
19. Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв. М., 1985. С. 46—56.
20. *Литаврин Г. Г.* О походе аваров в 602 г. против антов//Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЭТНОЛОГИИ

Принять участие в дискуссии [1; 2] меня побудило отнюдь не самонадеянное желание прояснить спорные вопросы, касающиеся происхождения славян. Я не считаю себя достаточно компетентным, чтобы интерпретировать, скажем, сообщения древних авторов или рассуждать об антской проблеме. Заинтересовало то, что участники дискуссии использовали для аргументации своих взглядов теоретические построения отечественной этнологии. В связи с этим и хотел бы высказать некоторые соображения.

Еще несколько лет назад советские этнологи (тогда они назывались этнографами) имели основания сетовать на дискриминацию и игнорирование их науки официальной идеологией, монополизировавшей сферу обществоведческой методологии. Многим этнография представлялась маловажным, курьезно-экзотическим занятием. Результаты этнологических исследований сравнительно редко учитывались представителями других гуманитарных дисциплин.

Ныне может показаться, что наступил «золотой век» отечественной этнологии. Она теперь пользуется популярностью; этнологическая терминология наводнила научный и политический лексикон; этнологи входят в высшие органы государственной власти, в различные комиссии и экспертные группы по вопросам государственной политики.

Казалось бы, «цеховое самолюбие» этнологов может, наконец-то, быть удовлетворено. Однако общественное признание оборачивается и неприятными моментами, которые, право же, способны вызвать ностальгию по тому периоду истории отечественной этнологии, когда она не интересовала никого, кроме самих этнологов, имевших поэтому возможность более или менее спокойно заниматься тем, чем они хотели. Ныне, похоже, наблюдается определенная тенденция — исходящая, кстати, не от самих этнологов — абсолютизации и догматизации этнологических категорий и теоретических концепций. «Вдруг» обнаружилось, что существует наука, открывающая перспективные возможности в исследовании общественных процессов. К тому же этнология изучает такие социальные явления, значение которых прежде недооценивалось и даже искусственно принижалось, а теперь, когда идеологический маятник качнулся в другую сторону, превозносится сверх меры.

Догматизация научной идеи — это уже само по себе плохо. Следует

Чешко Сергей Викторович — канд. ист. наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН.

также иметь в виду, что отечественная этнология, несмотря на свое «полу-подпольное» существование в предыдущие десятилетия, не избежала влияния схематизма и грубо материалистического детерминизма, которые были свойственны советскому научно-идеологическому официозу. Так, категория «этнос» заключена в столь «строгий ошейник» формальных признаков, свойств, взаимосвязей с материальными факторами бытия, что уловить ее в реальной жизни человечества оказалось довольно трудным делом. Как и в других общественных науках, в этнологии также культивировалось внутридисциплинарное единообразие теоретических взглядов. Только в последние годы стало складываться такое положение, когда «не следует уповать на мнение некоего „эталонного этнолога“, которое может служить безошибочным критерием в суждениях по тем или иным сюжетам» [2. С. 4].

Для науки характерно стремление познать исследуемый объект «полностью и без остатка». Конечно, любой ученый признает, что, как бы он ни старался, такого результата он добиться не сможет. Однако его утешает мысль, что коллективными усилиями, на основе и его вклада в общее дело, может быть не сейчас, а когда-нибудь потом, задача все же будет решена. Вера во «всепобеждающую силу разума» особенно присуща мировоззренческим традициям советской науки. «Научный агностицизм» не стал естественным элементом научного мышления, поэтому ученый не видит перед собой ограничителей в постановке исследовательских целей, не задумывается о том, что сфера социального может включать такие явления, которые нельзя познать или выразить в рациональных терминах.

Этнологическая проблематика как раз и отличается ограниченностью исследовательских возможностей, поскольку она лежит на стыке рационального и иррационального знаний. Не случайно, наверное, до сих пор никому не удалось дать исчерпывающе точные, сущностные определения таким базовым понятиям этнологии, как «культура», «этнос», «этничность» и др.

Принято, например, считать, что специфика этнических общностей состоит в своеобразии их культурных традиций. Отчасти это, конечно, так, но лишь отчасти, поскольку культура и этничность представляют собой относительно самостоятельные, хотя и взаимодействующие феномены. Когда мы говорим о традиционной, специфической для данного этноса культуре, то забываем или же сознательно, для простоты дела, абстрагируемся от некоторых важных моментов. «Нетрадиционных» культур не бывает, а содержание культурного *развития* состоит в смене традиций. Поэтому, строго говоря, традиционную этническую культуру выявить нельзя: можно выявить культуру, традиционную и специфическую для этноса в какой-то определенный период его исторического развития. Кроме того, наличие в этносе субкультурных групп нередко весьма затрудняет или даже вообще исключает осуществимость этой операции. Иными словами, обнаружить этнос в системе культурологических координат — далеко не всегда возможно.

При сопоставлении этноса и языка мы приходим к аналогичному выводу: не буду останавливаться на этом вопросе, поскольку его достаточно хорошо осветил С. А. Иванов с опорой на работы С. А. Арутюнова, В. И. Козлова, М. В. Крюкова, В. А. Шнирельмана [1. С. 5].

В этнологических исследованиях все большее внимание уделяется этническому самосознанию. Имеется в виду, что этнос — это не просто историко-культурная общность, а самосознающая историко-культурная общность, что этнос, не обладающий специфической идентичностью, не является этносом. В связи с этим С. А. Иванов утверждает, что этническое самосознание играет «главенствующую роль имманентного критерия» по отношению к «терминам внешнего описания». Но поскольку «субстанция самосознания чрезвычайно трудноуловима», автор, вслед за многими этнологами, предлагает выявлять эту субстанцию при помощи единственно

возможного, по его мнению, критерия — самоназвания [1. С. 6]. По существу проблемы здесь едва ли что-то можно возразить, но возникает вопрос — во всех ли случаях срабатывает этот критерий? С. А. Иванов и М. А. Васильев учитывают возникающие затруднения, но, похоже, несколько недооценивают их.

Во-первых, самоназвание группы вовсе не обязательно адекватно отражает самоидентификацию ее членов, а последняя, в свою очередь, не всегда адекватно отражает положение этой группы по отношению к другим. Во-вторых, термины, кажущиеся на первый взгляд этническими самоназваниями, зачастую оказываются экзоэтнонимами, которые, по справедливому замечанию С. А. Иванова, в принципе не имеют отношения к самоназванию [1. С. 7]. Это обстоятельство особенно важно иметь в виду при исследовании этнической истории бесписьменных народов, когда оно основывается на свидетельствах из иной этнической среды. В-третьих, этнические и внеэтнические термины групповой идентификации, экзо- и эндоэтнонимы могут с течением времени изменять свой смысл, переходить друг в друга. В-четвертых, групповому самосознанию свойственны многозначность и иерархичность уровней; поэтому возникает очень непростая задача определения доминирующего уровня самосознания и доминирующего уровня этнического самосознания (что не одно и то же), и эта задача, видимо, не всегда решаема, поскольку такое доминирование обычно носит переменчивый, ситуативный характер. В-пятых, абсолютизация роли самоидентификации ведет к излишней субъективизации этноса, его превращению из устойчивой межпоколенной общности в лабильную и искусственную идеологическую конструкцию. Это, кстати, происходит не только в науке. Сегодня мы имеем множество примеров того, как выдумываются этносы: поскольку обладание каким-либо этнополитическим статусом в нашей стране сулит определенные, зачастую значительные, политические и экономические преимущества, находится масса желающих ими воспользоваться, объявив какую-нибудь группу населения самостоятельным этносом, а себя — выразителем его «исконных национальных интересов и вековых чаяний». В то же время, теория допускает возможность складывания новых этносов и в современную эпоху — на базе существующих субэтнических или даже внеэтнических социальных групп. Такие случаи легко спутать, а разобраться в них можно, по всей видимости, только по истечении немалого времени. Должно смениться несколько поколений, чтобы данная общность проявила свою устойчивость, несвязанность с преходящими политическими факторами, обзавелась собственными традициями и стереотипами этнического самосознания.

При достаточно тонком анализе этничность оказывается трудноуловимой и трудноразличимой среди других социальных явлений — видимо, потому, что она непосредственно не связана ни с какими материально обусловленными сферами бытия и одновременно опосредованно связана со всеми или со многими из них. Очень легко увидеть этнос там, где его нет, и очень трудно определить, этнос перед нами или нечто иное. Современные этносы — безусловно существующие и всеми признаваемые — представляют собой традицию массового сознания и научных классификаций (между прочим, не этнических, а лингвистических), а не определяемые в строгих научных терминах социальные институты. Попытайся мы верифицировать эти классификации с учетом существующих концепций, а также тех нюансов, которые подрывают любую из них, то, пожалуй, не сможем отыскать на земле вообще ни одного этноса. Наверное, наукой сделано еще не все возможное в познании природы этничности, ее социальных функций и проявлений. Похоже, однако, что этничность надо рассматривать и с точки зрения «научного агностицизма». Это, во всяком случае, лучше, чем на

каждом этапе познания пытаться выстроить исчерпывающе полную концепцию.

Проблемы исследования этничности будут усиливаться тем больше, чем глубже мы будем погружаться в историю изучаемых народов. Если их культурный облик можно, с большим или меньшим успехом, реконструировать по археологическим находкам, то о характере массового сознания в области этнической идентичности судить очень трудно по причине недостатка источников. Кроме того, и здесь я должен согласиться с С. А. Ивановым, этничность нельзя рассматривать вне развития, как некое самотождество. «На волне разрушения стереотипов,— пишет он,— некоторые исследователи вообще отрицают существование этничности до Нового времени» [1. С. 10]. В известном смысле так оно, по всей видимости, и есть — если понимать этничность как сознательно избираемую идеологию этноцентризма.

Возникновение этой идеологии обуславливалось, конечно, объективными процессами общественного развития, в том числе и процессами, происшедшими в массовом сознании. Вместе с тем большую роль играло искусственное «нацистроительство», связанное главным образом с интересами и психологией интеллигенции, сравнительно еще немногочисленных «средних слоев» европейских обществ. Известно, например, что многие современные литературные языки, которые мы привыкли рассматривать как неотъемлемые элементы этнических культур, были в прямом смысле сконструированы подвижниками на поприще национализма. Понадобилось немало времени, чтобы эти языки стали действительно общенациональными, как в практическо-коммуникативном, так и в символично-идеологическом смысле, чтобы они стали атрибутами соответствующих этносов, которые и сами формировались в немалой степени под воздействием «нацистроительства», осуществлявшегося через государственные структуры.

Нечто подобное, впрочем, происходило и в более ранние эпохи. По сути любая письменность возникала как волевой акт унификации коммуникативных систем, вовлеченных в этот процесс, и утверждения идеи общности этнических групп — носителей этих систем.

Этническая история человечества предстает перед нами не как плоско-эволюционный процесс развития некогда возникших этносов, а как процесс линейно-дискретный. Его дискретность выражается не только в том, что этносы возникали, исчезали, делились, объединялись и т. д. Вполне вероятно, что этничность, при том, что она сохраняла свою родовую сущность, в различные исторические периоды тоже видоизменялась. Современный этнос тысячу лет назад мог быть совсем не тем, что мы сегодня называем этносом.

Изучение этнической истории народов сталкивается еще с одной проблемой. М. А. Васильев справедливо замечает: «Мы часто можем определить, когда этнос уже есть, но не можем уверенно сказать, когда его еще нет» [2. С. 5]. Иными словами — даже если есть достаточно оснований утверждать, что этнос уже существует, вряд ли можно категорично утверждать, что до этого времени он не существовал. И дело здесь даже не только в том, что формирование этноса занимает длительный отрезок времени. Очень сомнительно, что наука вообще способна отделить бытие этноса от его небытия. В отечественной этнологии, правда, есть разделяемая многими учеными точка зрения о целесообразности и возможности различения этногенеза и этнической истории народов: рубеж между ними определяется завершением процесса формирования этноса. Однако четких и пригодных для практических исследований критериев выделения такого рубежа нет.

Нет и убедительных аргументов в пользу разделения исторического процесса на «предысторию» и собственно историю. Понятие «предыстория» связано с давней традицией, характерной преимущественно для западной науки, несколько снисходительного подхода к народам, стоящим, если

употребить термины исторической периодизации Л. Г. Моргана, на стадиях дикости и варварства. Собственно историей признавалось то, что соответствовало европоцентристским представлениям о цивилизации. Признаками «начала» истории считалось, например, появление письменности, публичного права, определяемого этим правом института собственности, государства и т. п. В таком подходе можно усмотреть и чисто прагматический аспект: то, о чем ученый не имеет достоверных сведений из-за отсутствия определенных классов источников (прежде всего письменных), он выносит за пределы истории.

Применительно к общей истории такая логика, впрочем, еще может быть каким-то образом обоснована — если не с точки зрения единства исторического процесса, то хотя бы с точки зрения исследовательских задач конкретной научной дисциплины, именуемой историей. Что же касается этнологии, то в ней аналогичное допущение, которое позволило бы отделить историю (этническую историю) от предыстории (этногенеза), не срабатывает. В этнокультурном развитии народов невозможно выделить строго фиксированные вехи, знаменующие качественные изменения в его характере. Когда говорят о завершении этногенеза, то имеют в виду, что сложилась определенная «этническая культура» и сформировалась общая этническая идентичность. Однако в силу невозможности точной фиксации и «измерения» этнокультурных параметров такого рода выводы представляют собой не констатацию неких объективных фактов, устанавливаемых посредством строгой системы доказательств, а лишь наиболее вероятную гипотезу. Сознательная или ощущаемая недостижимость большего, исследователи заключают между собой негласный договор — считать данную гипотезу научным фактом. Так на практике «завершается» этногенез и «начинается» этническая история. Имеется, правда, и другой способ, более точный, но не имеющий к этнической материи прямого отношения: этнос признается сформировавшимся тогда, когда у него появляются внеэтнические атрибуты — классовая социальная структура, города, государство и т. п. В последнее время среди наших этнологов все больше укрепляется мнение о неправомерности «этнизации» этих структур, но традиции продолжают оказывать сильное влияние на ученых, даже помимо их воли.

С одной стороны, это традиция исторической науки, о которой шла речь выше; не следует забывать, что этнология у нас до сих пор еще считается не самостоятельной дисциплиной, а отраслью истории. С другой стороны, сказывается живучесть некоторых стереотипов, связанных со смещением таких понятий, как «этнос» и «нация», «народность». Мало кто в своих конкретных исследованиях оказывается способен отказаться от детерминированности этнокультурных процессов социально-экономическими факторами и понимания этносов как этносоциальных и этнополитических общностей.

Смысл моих скептических замечаний состоит вовсе не в том, чтобы доказать бессмысленность этногенетических исследований. Хочу лишь предостеречь участников дискуссии от чрезмерного оптимизма в постановке исследовательских целей, касающихся этой проблематики, а также от ошибки рассматривать этнические процессы в концептуальном русле событийной истории. Последняя стремится к максимально точной фиксации исторических фактов, этническая же история состоит из таких «фактов», которые невозможно зафиксировать по причине их неосвязаемости и/или растянутости во времени. В контексте изучения этнической истории вопросы типа «следует ли начинать историю славян с 512 года?» выглядят далеко не самыми важными. Что же касается самого этого вопроса, послужившего поводом для дискуссии, то, полагаю, ответ на него будет однозначно отрицательным. Суть дела заключается в том, что чем более конкретно мы будем формулировать подобные задачи, чем более точно мы будем

стремиться определить время возникновения того или иного этноса, тем дальше мы будем удаляться от понимания специфики изучаемого явления.

Есть, наверное, смысл задуматься: что, собственно, является предметом спора, что это за «славяне», историю которых следует или не следует начинать с 512 г.?

Оба автора — и С. А. Иванов, и М. А. Васильев — определенно рассматривают древних славян как некую этническую общность, и это — их право. Однако такое предположение никак нельзя отнести на счет этнолингвистической науки. В этнологии принято считать славян прежде лингвистической категорией. Можно также рассматривать славян как определенную историко-культурную общность, причем общность, которая получается в результате научной систематизации, но не обязательно существовала или существует в сознании носителей этого типа культуры. В исторической ретроспективе славяне представляли собой такую же лингво-культурную общность, как и, например, германцы или кельты. В этнологии употребление самого термина «славяне», в отличие от точки зрения М. А. Васильева и С. А. Иванова, вовсе не обусловлено признанием наличия у древних славян единой этнической идентичности. Ошибается С. А. Иванов в утверждении, что «для этнолога не существует понятия „праславяне“, поскольку «если не возник еще феномен славянского самосознания, то и предпосылки его складывания незаметны для современников» [1. С. 7]. В этнологии принято отличать славян от праславян, как и другие подобные исторические категории, не по характеру групповой идентичности, а по степени выраженности культурных и языковых особенностей, которые идентифицируются с позднейшими, уже без приставки «пра-», культурными образованиями. Таким образом, оппоненты — а в данном вопросе они, скорее, союзники — глубоко заблуждаются, полагая, что опираются в своих изысканиях по происхождению славян на теоретические и конкретно-исторические разработки этнологов. Существенное, однако, то, что в построениях С. А. Иванова и М. А. Васильева есть не только спорные, но и, очевидно, слабые места. По сути они даже не задаются вопросом: а было ли у древних славян такое самосознание, которое позволяет их считать единой этнической общностью? Последнее принимается априори или же выводится из термина «славяне»: раз есть термин — должен быть и народ, именуемый этим термином. Допускаю, хотя и не могу этого утверждать, что на позицию авторов повлияло и обаяние гораздо более поздних идей панславизма, сегодня вновь входящих в моду. Как бы там ни было, авторы не имеют способов доказать справедливость своих умозаключений, так как приводимые и интерпретируемые ими исторические свидетельства не позволяют судить о содержании массового сознания древних славян.

М. А. Васильев вроде бы несколько смягчает категоричность вопроса, предпочитая термину «славянский этнос» более обтекаемые формулировки: «метаэтническая общность», «метаэтнолингвистическая общность», «метаэтнос», «надплеменная этническая общность», «семья племен» [2. С. 5, 14]. Однако от этого концепция автора вряд ли стала более прочной. Если уж обращаться к этнологической теории, то следует иметь в виду, что она рассматривает самосознание как неотъемлемый атрибут именно этноса. Метаэтнические общности, в основе которых лежат культурные или языковые сходства или, скажем, общая конфессия, могут и вовсе не обладать ярко выраженной и устойчивой во времени идентичностью, и уж тем более она занимает далеко не первое место в системе групповой самоидентификации. Таким образом, критерий самосознания не может быть надежным средством в конструировании славянского «метаэтноса» не только в силу отсутствия достоверных исторических данных, но и с точки зрения той теоретической системы, на которую пытается опереться М. А. Васильев.

Подведем итоги. С. А. Иванов и М. А. Васильев полагают, что о славянах можно говорить применительно лишь к тому времени, когда у них появилось общее самосознание, выраженное соответствующим самоназванием (этнонимом). Различие в позициях авторов заключается только в том, что С. А. Иванов считает возможным определить это время с точностью чуть ли не до года, по мнению же М. А. Васильева, такой точности добиться нельзя, как нельзя и отделять этническую историю от этногенеза. Оба автора рассматривают древних славян в качестве единой этнической общности и только в этом смысле трактуют термин «славяне». Аргументируют они свою позицию при помощи письменных источников, а также с использованием некоторых теоретических положений отечественной этнологии.

Мои возражения сводятся к двум пунктам. Во-первых, сообщения древних авторов, даже если они адекватно отражают самоидентификацию, как бы мы сегодня сказали, респондентов из славянской среды, не достаточны для того, чтобы переносить данный тип самоидентификации на основную массу предполагаемых «славян». Во-вторых, в этнологической теории нет ничего такого, что однозначно предполагало бы правомерность вывода о существовании в прошлом (и настоящем) этнического единства славян, т. е. единства этнической самоидентификации. Умозаключения С. А. Иванова и М. А. Васильева представляются мне лишь одной из возможных гипотез, причем гипотезой слабо аргументированной и потому неубедительной.

Затронутые теоретические проблемы касаются, конечно, не только древней истории славян. М. А. Васильев, вслед за А. И. Роговым и Б. Н. Флорей, не сомневается, например, в том, что летописное «сыны русские» указывает на существование уже во второй половине XI — начале XII в. «особой этнической общности» русских [2. С. 10]. Но откуда, собственно, следует, что это была именно этническая, а не, скажем, государственно-политическая общность, состоявшая из множества более или менее родственных этнических компонентов? И почему, справедливо усомнившись в авторитете «эталонного» этнолога или историка или отдавая себе отчет в необходимости верификации данных социологических опросов при помощи других исследовательских методов, мы в то же время считаем возможным уверенно судить об этнической идентичности наших далеких предков по единичным сообщениям летописцев и древних историков? Почему мы не учитываем, что древний автор мог быть подвержен каким-либо идеологическим установкам в не меньшей степени, чем современный публицист или даже ученый?

На мой взгляд, дискуссия выявила целый комплекс чрезвычайно важных теоретических и мировоззренческих проблем, позволила взглянуть на них через конкретный исторический сюжет. В конечном счете мы приходим к вопросам, которые должны были бы предшествовать постановке исследовательских задач. Так ли уж необходимо знать, когда именно сложился тот или иной этнос? Так ли уж важно рассортировать человечество на этносы, причем во все периоды его истории, в том числе и такие, которые недостаточно полно обеспечены источниками? Что важнее для ученого — исследовать жизнь людей или пытаться непременно втиснуть ее в ту или иную идеологическую парадигму? Любая теория, этнологическая в том числе, призвана систематизировать и обобщать эмпирические данные — в той мере, в какой это под силу рациональному мышлению, — а не предписывать характер их интерпретации с целью получения заданных выводов.

Осторожность в такого рода вопросах обусловлена еще и тем, что этноисторическая тематика сегодня активно эксплуатируется политикой. В России началось ныне то, что в других бывших республиках СССР происходило задолго до «перестройки». Взлет интереса к этногенетическим сюжетам в значительной степени был связан с определенным «социальным заказом». Требовалось любыми способами доказать автохтонность своего

народа, «чистоту» его крови и культуры, максимально удревнить его историю, чтобы обосновать его «право первородства» на данную территорию, а отсюда — и правомерность политико-правовых и экономических преимуществ по отношению к другим этническим группам. Россия, как всегда, несколько запоздала — в силу своей инертности и великодержавной беспечности. А в силу своей стыдливости не могла всерьез принять изыскания некоторых публицистов и беллетристов в духе пресловутой концепции «родины слонов». Ныне же, когда русский народ неожиданно для себя превратился из «старшего брата» и «самого великого» в «угнетателя» и «оккупанта», ему потребовалась психологическая защита от прессинга русофобии и чувства национального унижения. В таких условиях резко возрастает вероятность восприимчивости к псевдонаучным идеям национализма. Соответственно возрастает и ответственность ученых перед обществом, их роль в противостоянии романтизму «национальной идеи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванов С. А.* Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) // Советское славяноведение. 1991. № 5.
2. *Васильев М. А.* Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года? // Славяноведение. 1992. № 2.

ИВАНОВ С. А.

СЛАВЯНСКАЯ ЭТНИЧНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

«В конце концов, ... это действительно
была лошадь. Раз она сама это сказала,
я должен ей верить».

Дж. Родари,

«Джельсомино в стране лжецов»

Человечество пытается осмыслить свое разделение на «подвиды» также давно, как осмысляет свое существование. Если антропология (в «советском» употреблении этого термина) имеет дело с биологическими по преимуществу различиями между людьми, если так называемые общественные науки занимаются различиями социогенными, — то этнология находится в межеумочном положении. Ее предметом следует считать такое человеческое сообщество, которое, будучи в действительности социальным, само считает себя биологическим. Эта парадоксальная ситуация чревата для исследователя двумя ошибками: первая — целиком поверить в биологический миф; вторая — совсем в него не поверить. Один путь ведет в изящный мир романтизма и заканчивается в Освенциме. Второй берет начало в трезвом рационализме, скатываясь до «сталинского определения нации». Любопытно при этом, что схожими оказываются не только практические последствия двух, казалось бы, противоположных, подходов, но и их методологический фундамент, т. е. привнесение своей идеологии в массы. К примеру, печальники о русской самобытности сплошь и рядом сетуют на равнодушие «масс» к их печальбам, — но отсюда следует, что смоделированный ими «народ-богоносец» имеет столь же мало общего с низменной реальностью, как и «новая историческая общность людей — советский народ».

Причина этих сходств очевидна: ни одним, ни другим не приходит в голову спросить, что по данному вопросу думает сам носитель этничности. Мне трудно согласиться с С. В. Чешко, когда он утверждает в опубликованном выше материале, будто «абсолютизация роли самоидентификации ведет к излишней субъективизации этноса». Об этом хорошо написал Густав Шпет: «„Субъективное“ определение самого индивида нельзя считать произволь-

Иванов Сергей Аркадьевич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

ным. Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу, он может даже „переменить“ народ..., однако опять — не „произвольно“, а путем долгого и упорного труда пересоздания детерминирующего его духовного уклада» [1]. А что кто-то из корыстных соображений «припишется» к чужой нации — так это проблема для иммиграционных властей, а не для ученых. Элементарные опросы прибывающих в Германию советских немцев, например, тотчас вскрывают двухсотлетние напластования «русскости», «советскости» и даже «среднеазиатскости» в их психологическом складе. Самоидентификация многоуровневая, и «примазывание» есть не более, чем одна из множества ее ступенек.

Проблема в другом. Самосознание текуче, противоречиво, оно пульсирует и переливается, — но все это можно установить лишь современными методами социопсихологии, путем массовых опросов населения. Историку же остается весьма несовершенный материал в виде скупых и пристрастных показаний источников, в результате чего он оказывается в положении тех же иммиграционных служб и вынужден давать примитивные дифиниции типа «славяне — неславяне». Может быть, вообще не следует пользоваться ими в отношении далеких эпох? Может быть. Но беда-то в том, что пользоваться все равно будут, только еще более ошибочно. Моя статья, открывшая данную дискуссию, не имела целью описать вызревание славянской этничности — ее задача была гораздо скромнее: обсудить, как подать исторический материал, чтобы он не «фонил», не создавал у археологов и лингвистов «пустых иллюзий», не подсказывал им ложных ходов. Я сознательно озаглавил ту статью «Откуда НАЧИНАТЬ...», а не «Откуда НАЧИНАЕТСЯ этническая история славян?» Мой тезис состоял в том, что историк выполнит принцип «не навреди», если сухо расскажет, кто и когда назывался славянином. К сожалению, участники дискуссии приняли мой редукционизм за развернутую концепцию, и это породило ряд недоразумений. Назову лишь первое из них: у меня, настаивавшего на «текучести понятий» [2], и в мыслях не было утверждать, будто славяне «возникли» в 512 г. Эта дата (кстати, оспариваемая многими исследователями, ср. [3. С. 210—211]) есть не более, чем самое раннее хронологизированное сообщение, в котором фигурирует этноним. Просто для меня было важно не столько расцветить картину, сколько резко очертить контур, сказать коллегам из смежных дисциплин: двигаясь глубже 512 г., вы действуете под свою ответственность; на Плиния кивать нечего!

Итак, участники дискуссии не подхватили той темы, которую я рассматривал как основную, — темы отбора письменных источников; они втянулись в обсуждение этногенеза славян в целом. Здесь я предложу лишь несколько своих соображений.

Обратимся прежде всего к археологической стороне дела. Обычно славянский этногенез восстанавливают на базе работ В. В. Седова, но ведь его гипотеза не единственная и не во всем безупречная. Он выводит первую наверняка славянскую археологическую культуру Прага — Корчак из культуры подклошевых погребений Мазовии, являющейся в действительности вариантом несомненно германской пшеворской культуры [4. С. 105 — 106]. По крайней мере не меньшей доказательностью обладает гипотеза М. Б. Щукина, предлагающего искать колыбель славянства в южной части лесостепной зоны Восточной Европы. По его мнению, в V в. «южная стенка „венедского котла“ оказалась разбитой, с уходом остготов и поражением Атилы образовался вакуум, и содержимое „венедского котла“ должно было выплеснуться на юг. Так в результате гуннского „цесарева сечения“ появилось на свет славянство» [4. С. 113].

Какая бы из теорий ни оказалась верна, ясно одно: пражско-корчакская культура возникает практически на пустом месте. Видимо, импульсом для ее мгновенного и мощного разрастания и послужил тот вакуум, который образовался в Восточной Европе, когда водоворот Великого переселения народов схлынул на запад. Сползание на юг, в сторону Дуная, происходило стихийно, просто по закону сообщающихся сосудов; но одновременно оно формировало пришедшие в движение человеческие массы. Перед снявшимися с насженных мест жителями лесов вставали такие вопросы, на которые в традиционной, стабильной ситуации просто не было нужды отвечать. Так зарождалось надродовое самосознание, которое при желании можно называть и этническим. Круг «своих» расширялся, круг «чужих» конкретизировался.

Здесь я должен объясниться по поводу одного тезиса, который в первой статье был недостаточно ясно выражен. М. А. Васильев приписывает мне мысль, что славяне первоначально называли «людьми» чужих, «себя считая, видимо, „неполноценными людьми“» [5]. Но я-то имел в виду абсолютно противоположное. «Чужих» как раз потому так легко объединить, «свалить в кучу», припечатать общей кличкой, что они — все на одно лицо. Простой пример: всякому представителю белой расы монголоиды кажутся трудноотличимыми друг от друга, точно так же, как им — все европеоиды. Универсальный закон человеческого восприятия состоит в том, что люди в чужом ищут сходств, а в своем — различий. Так и с этносом. Самосознание приживается позже обозначения для «других» именно потому, что среди «нас» всякий неповторим, и крайне глупым кажется стричь их под гребенку одного имени.

Случайным образом точкой конденсации нового единства стал какой-то, один из многих (ср. [3. С. 211 — 212]) родовых коллективов, причем не обязательно славофонный. Нельзя исключить, что первыми славофонами были как раз не «славяне», — например, анты. Еще раз повторю, что язык в очень слабой степени влиял на процесс сплачивания переселенцев. Люди традиционной культуры обращают внимание на окружающие явления лишь настолько, насколько те соответствуют их априорным представлениям. «Как не раз отмечали этнографы, сопровождающие их местные проводники, попав на территорию соседнего племени, выражали крайнее удивление, обнаружив здесь язык и культуру, сходные с их собственными» [6]. Славяне родились в процессе самоорганизующегося движения изначально чуждых друг другу родовых коллективов.

Я. В. Чеснов недавно показал, что «кровь» и «почва», выглядящие теперь как синонимичные метафоры этнического родства, отражают две различные стадии самоидентификации: представление об общности «крови» есть знак сакрального родства через мифологических предков. «В генеалогических концепциях, где акцент переносится на единство происхождения, понимаемое как кровное родство, гаснет интерес к различию внешнего облика народов, но самое главное: здесь „земля“ не воспринимается составной частью этнического образа» [7]. Зафиксированное для первой половины VI в. убеждение «славян» в их родстве с антами может оказаться частью этногенетического предания, сложившегося в процессе миграции. Тогда перед нами — свидетельство продуманной, идеологически отрефлектированной идентификации. Совершенно неважно, соответствовало ли реальности это убеждение, но оно обратным действием само влияло на реальность, что и привело к растворению антов в славянском массиве в начале VII в. Это обратное влияние и есть та сторона этничности, от неверия в которую я предостерегал выше. В конце концов, коммунизм — тоже фикция, но нельзя сказать, что этот морок не имел реальных исторических последствий.

Разумеется, современное понятие этноса и по качеству, и по распространенности как небо от земли отличается от той древнейшей стадии. В этом

согласны все участники дискуссии, и тут нечего обсуждать. Никакой «исконности» прав, земель, народов не существует, и те ученые, которые наукообразными построениями обслуживают националистические амбиции, совершают в первую очередь грех непрофессионализма¹. Но с такими, как правило, не может получиться и плодотворной дискуссии. Вообще, дискуссия оказывается полезной лишь тогда, когда ее участники в основном между собою и раньше были согласны. Именно так обстояло дело и в нашем случае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 574.
2. Иванов С. А. Откуда начинать этническую историю славян? (по поводу нового труда польских исследователей) // Советское славяноведение. 1991. №5. С. 10.
3. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1. (I—VI вв.).
4. Шукин М. Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // Археологический сборник. Л., 1987. Т. 28.
5. Васильев М. А. Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 16.
6. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 476.
7. Чеснов Я. В. Этнический образ // Этноязыковые функции культуры. М., 1991. С. 69.
8. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991. С. 225.

---

¹ О. Н. Трубачев в своей новейшей монографии пишет: «Сама любовь к предмету выставляется (некоторыми оппонентами. — С. И.) как нечто порочное, некая презумпция научной необъективности. А как же, спрашивается, возможно быть славистом и не любить предмет своих занятий? Худший враг науки не любовь, но бесстрашие» [8]. Если предметом здесь названа область знания, а не сам объект исследования (иначе ведь пришлось бы считать, что лучший советолог — коммунист), тогда непонятно, чем мешает объективность. Если же О. Н. Трубачев признается, что ему мила его теория славянского этногенеза, то что возразить?

РАННИЕ СЛАВЯНЕ В СРЕДНЕМ ПОДУНАВЬЕ: АВТОХТОННАЯ ТЕОРИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Теория О. Н. Трубачева [1] оживила с лингвистической точки зрения старую автохтонную теорию, сторонники которой искали первоначальные поселения славян в Среднем Подунавье, где, по их мнению, проходил процесс этногенеза славян. Теория Трубачева не нашла в историографии адекватной реакции и не стала импульсом для возможной попытки по-новому интерпретировать важнейшие исторические данные.

Одним из основных источников, на котором базируется дунайская теория прародины славян, является как раз сочинение исторического характера, хотя и значительно более позднего происхождения, — «Повесть временных лет» Нестора (далее — ПВЛ), возникшая в начале XII в. Ее анализ тем более актуален, поскольку существующие исследования, как мы попытаемся это показать, не использовали всех возможностей ее исторической интерпретации.

Соответствующее место ПВЛ, которое будет анализироваться в данной статье, уже со времен П. Шафарика, основателя автохтонной дунайской теории, интерпретировалось в том смысле, что ПВЛ зафиксировала традиционные сведения о самых древних, первоначальных поселениях славян, находившихся в Среднем Подунавье. Эта традиция считалась сторонниками автохтонной теории правдивой (аутентичной), тогда как ее противники расценивали ее как производную (идеологизированную). При этом необходимо подчеркнуть, что Шафарик принял эту традицию как целое, без текстологического и исторического дифференцированного анализа, лишь указав на то, что она основывается на древнем достоверном устном предании [2]. Так же, хотя и с противоположным выводом, сделал Л. Нидерле, самый компетентный критик П. Шафарика. И он, без какого-либо глубокого анализа, считал данное сообщение единым целым, но содержащим недостоверную традицию. Однако Нидерле предпринял попытку, в целом успешную, определить источники хотя бы некоторых сообщений, послуживших основой для ПВЛ [3; 4].

Качественно новой ступенью в изучении всего отрывка стали работы А. А. Шахматова. Он правильно определил наличие в ПВЛ фрагментов, восходящих к источнику западнославянского происхождения. Этот источник, возникший скорее всего на основе Жития Мефодия, а также других источников кирилло-мефодиевского и, шире, западнославянского круга, был

посвящен прежде всего распространению славянской образованности в Великой Моравии. Поэтому Шахматов назвал его «Сказанием о грамоте словенской». Он предполагал, что повествование на эту тему составляло главную, центральную часть «Сказания»; в первой же части содержались компактные фрагменты и отдельные сведения, заимствованные затем ПВД, о расселении славян; третья часть возникла из рассказов о венгерских набегах и судьбах кирилло-мефодиевского наследия в Чехии во времена епископа Войтеха. Гипотеза о существовании третьей части основывалась на том, что в древнерусской письменности XV в. сохранились какие-то упоминания о Войтехе и его миссионерской деятельности [5; 6. С. 25].

Дальше по стопам А. А. Шахматова, чье понимание проблемы в принципе не встретило критики, пошел Н. К. Никольский. На основании лишь фрагментарных данных (упоминание о Норике и Иллирике, о чем см. ниже) он предположил существование некоего источника западославянского происхождения, говорившего об этногенезе славян в Среднем Подунавье и одновременно связывавшего происхождение восточнославянского племени полян непосредственно с этногенетическими процессами в Среднем Подунавье. По его мнению, русские поляне были прямыми потомками среднедунайских славян [7; 8]. Эта теория не была принята [9. 1931. № 3. С. 308; 1932. № 4. С. 36; 10], однако ей нельзя отказать в логической последовательности, которая ставила всю теорию дунайского автохтонизма на ноги и давала ей обоснование. Ведь если бы можно было доказать, что существовал некий западославянский (кирилло-мефодиевский) источник, то идея происхождения славян именно из этого ареала приобрела бы значительную достоверность⁴. Можно было бы также полагать, что в западославянской среде существовало устойчивое представление о старых славянских поселениях именно в этом регионе, а кирилло-мефодиевская литература, возникавшая в данной среде, лишь зафиксировала и сохранила эти сведения.

С методической точки зрения так же, как его предшественники, поступал К. Мечев. Он предполагал существование единого источника кирилло-мефодиевской традиции («Сказание»), в котором содержались сведения об этногенезе славян. Однако, по его мнению, этот источник возник в болгарской среде. На это якобы указывает информация, которую Мечев обнаружил в «Сказании», а именно то, что Константин не умер во время пребывания в Риме (869 г.), а пошел в Болгарию, где занялся миссионерской деятельностью. По мнению Мечева, упоминание Иллирии как прародины славян не противоречит предположению о болгарском происхождении «Сказания», так как, согласно в целом не очень ясным аргументам Мечева, политическое влияние Болгарии в IX—X вв. распространялось и на Иллирию. Поэтому не следует удивляться тому, что и болгары искали там прародину славян [11. с. 88—98].

Совсем по-иному подошел к анализу рассматриваемого фрагмента Б. А. Рыбаков. Его логико-текстологический анализ показал, что в «этногенетической» части реконструируемого «Сказания о грамоте словенской» чередуются два мотива (и два рассказа) — мотив этногенеза славян и мотив их расселения и борьбы с народами, которые по ходу истории нападали на них в Подунавье [12]. Данный анализ был очень полезен, на его результаты частично опираемся и мы.

Результаты предшествующих исследований можно суммировать следу-

⁴ Один из критиков Никольского, Г. А. Ильинский, не понял, что Никольский лишь развивал взгляды Шахматова. Неверно утверждение Ильинского, что Шахматов предполагал существование лишь западославянского источника о просвещении славян («Сказание»), тогда как Никольский доказывал также существование источника, содержавшего сведения по этногенезу [10].

ющим образом. 1. За рядом исключений в существующей литературе преобладает мнение, что все упоминания о происхождении славян из Среднего Подунавья базируются на некой единой (аутентичной или ложной) традиции. 2. С этим связан поиск возможного источника этой традиции (а также всего фрагмента); предполагается, что это был цельный источник с двумя тематическими группами: первая посвящена этногенезу славян, вторая — кирилло-мефодиевской проблематике.

Ниже мы попытаемся подвергнуть критическому анализу мнение о единой традиции и цельном источнике западнославянского (или болгарского) происхождения и рассмотрим возможность существования различных традиций и источников, отраженных в рассказе ПВЛ, касающемся интересующей нас проблематики. Целью статьи является также структурализация и тематизация (дифференциация) отдельных блоков ПВЛ, касающихся происхождения, поселений, миграций славянских племен в начале их истории, и сопоставление этих сведений с другими известными фактами исторического, археологического и лингвистического характера. Однако наша цель состоит не в выявлении различий и противоречий между ПВЛ и другими источниками. Забегая вперед, можно сказать, что сегодня, как и во времена Шафарика и Нидерле, эти различия разительны и очевидны. Речь идет скорее о том, чтобы, насколько возможно, согласовать современное знание по проблематике, каким оно вырисовывается на основе именно других источников, с повествованием ПВЛ, попытавшись таким образом хотя бы отчасти защитить и реабилитировать творение Нестора в качестве источника для изучения начала славянской истории.

Первым западнославянским элементом ПВЛ и одновременно первым свидетельством возможного автохтонного происхождения славян на Среднем Дунае является упоминание в ней славян в перечне народов и территорий, заселенных после потопа сыновьями Ноя, сразу после топонима Илюрик [13. С. 10]. Перечень народов, в сущности, следует византийскому клише, в котором для славян не было места. Это добавление было сделано автором ПВЛ. Почему он решил поместить славян именно сюда, объясняет контекст, в котором это отождествление повторяется еще раз в связи с апостолом Павлом.

Упоминание славянского Илирика фигурирует в связи с рассказом о месте деятельности кирилло-мефодиевской миссии в конце того фрагмента ПВЛ, который Шахматов определил как «Сказание» и где на основе Жития Мефодия говорится о судьбах кирилло-мефодиевской просветительской деятельности в Великой Моравии. Текстуальное совпадение Жития Мефодия и ПВЛ заканчивается словами о том, что Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на кафедре св. Андроника, «одного из семидесяти»; ПВЛ далее самостоятельно добавляет: «ученика святого апостола Павла» [13. С. 22—23].

А. А. Шахматов полагал, что, хотя упоминание об апостоле Павле взято не из Жития Мефодия, оно фигурировало как самостоятельное дополнение в «Сказании», которое переработало Житие Мефодия. Поэтому, по Шахматову, сюжет об апостоле Павле и славянском Илирике имеет западнославянское, кирилло-мефодиевское происхождение [6. С. 27]. Однако это очень трудно доказать. Источник, происходивший из Великоморавской области, вряд ли дополнил бы сведения, содержащиеся в Житии Мефодия, новой, неосвященной традицией и расширил устоявшуюся андрониковскую традицию сведениями о деятельности апостола Павла в Моравии и Паннонии. Существование одновременно двух, точнее, двух друг за другом идущих, апостольских миссий не усиливает аргументацию, наоборот, неприжившаяся традиция лишь увеличивает сомнения в достоверности традиции настоящей. Автору апологии славянской литургии и письменности, которой, собственно, был моравский источник

«Сказания», возникший как реакция на запрет славянского богослужения после 885 г., это совсем не было нужно [14]².

Реконструируемая легенда о деятельности апостола Павла в славянской среде должна была быть созданием автора, преследовавшего этим определенные цели. Таким автором мог быть русский летописец. По легенде, Андроник был сремским архиепископом, он принес христианство в Паннонию и Моравию; Мефодий также был архиепископом сремским и моравским, хотя его миссионерская деятельность охватывала лишь западных (может быть, и южных) славян. В этой связи, частью искусственно реконструируемой, частью правдивой, моравской традиции не было места для христианизации Руси. Для того, чтобы и она смогла стать полноправным членом христианского сообщества народов, чтобы и она могла питаться плодами кирилло-мефодиевской и предшествовавшей ей христианизаторско-культурной миссий, должна была возникнуть легенда о более древнем апостоле, который являлся учителем и предшественником Андроника, а значит и Мефодия, и деятельность которого охватывала бы земли не только западных и южных, но и восточных славян. Таким апостолом в глазах автора ПВЛ стал Павел. Этим Нестор показывал, что христианство на Руси было таким же древним и равноценным, как и у других славян, идущим с апостольских времен [16; 9. 1931. № 3. S. 325].

Сюжет об апостоле Павле в ПВЛ является русским. Он состоит из двух частей, которые показывают, что весь пассаж об апостоле Павле исходит из двух традиций и, очевидно, из двух источников. В первой части констатируется, что Павел приходил в Моравию и учил там [13. С. 23]. Эта констатация не нуждается ни в каком конкретном источнике, на который мог бы опираться летописец. Это чистый вымысел, выражающий основную идею вступительной части ПВЛ, опирающейся на «Сказание». Вторая часть, связанная с апостолом Павлом, находится в продолжении этой же фразы. Сведение о том, что Павел приходил в Моравию и учил там, дополнено объяснением: «Там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и учил там и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян — апостол Павел, из тех же славян — и мы Русь; поэтому и нам, Руси, учитель Павел...» [13. С. 23, 219].

Уже построение фразы указывает на то, что произошла контаминация двух различных источников. Вряд ли в одном источнике могла бы быть фраза, в которой упоминается апостол Павел, который учил моравян и русов, и апостол Павел, который ходил по Иллирику, где славяне имели свое первоначальное место обитания. Это дублирование довольно наглядно показывает, что сведения о христианизации и просвещении славян, с одной стороны, и сведения о расселении и этногенезе славян — с другой, вряд ли могли быть составной частью одного источника. Об этом свидетельствует и сама терминология: не ясно, почему автор «Сказания» в одной и той же фразе заменил географический термин Моравия на Иллирия.

Если сюжет об апостоле Павле — учителе моравян и русов является скорее всего идеологической аргументацией самого автора ПВЛ, то второй эпизод, связанный с апостолом Павлом и его контактами со славянским населением Иллирии, явно основан на раннехорватской искусственно созданной идеологизированной традиции, согласно которой в Хорватии (т. е. в части древней Иллирии) христианство среди славян было распространено еще в апостольские времена, а специальную азбуку — глаголицу — для них изобрел св. Иероним [17]. Эти легенды в раннесредневековой Хорватии и на Балканах вообще были весьма распространены. Возможно, они оказали влияние и на Константина Багрянородного, согласно которому славяне

² В. Халоупецкий назвал этот источник «Historie o protivenství moravské církve», хотя легенду Кристиана, которая в нем содержится, он правильно называет аполгией [15].

заселили римскую Салону в 449 г. [18] (ср. разные интерпретации и исправления в [19]). Эта фантастическая дата необязательно должна считаться ошибкой переписчика, как ее привыкли объяснять, и могла основываться на какой-то местной хорватской традиции.

Очевидно, «Сказание» попало из моравской среды на Русь через болгарское посредство³, в Болгарию оно было переработано. На это указывает необычное употребление множественного числа в слове «Моравы». Лишь в Болгарии могли знать, что существовали две Моравии: одна на Среднем Дунае, где действительно протекала деятельность кирилло-мефодиевской миссии, другая — на Балканах, где подвизались ученики Кирилла и Мефодия. Однако позднейшие болгарские источники стремились к контаминации обеих Моравий и обеих миссий, чтобы доказать, что Константин также «учил» и в Болгарии. По этой же модели действовал и русский автор в случае с апостолом Павлом. Однако совсем не обязательно предполагать, что все «Сказание» возникло в Болгарии [11. С. 93], хотя южнославянские элементы (хорватские и болгарские) проступают в нем довольно очевидно. Они преимущественно детерминировали ту часть западнославянских пассажей ПВЛ, где говорится о происхождении славян и их поселениях в Иллирии.

Вопреки утверждению, что первоначальным ареалом расселения славян была Иллирия, ПВЛ отразила и другое географическое определение их расселения. Оно представлено единственным сообщением, точнее — глоссой, согласно которой славянами следует считать нориков (нарцев) [13. С. 11], тогда как общепринято рассматривать их как население римской провинции Норик.

Однако в принципе не исключена возможность иной интерпретации и локализации нориков ПВЛ. С понятием *porikon poleis* в значении «население римской Паннонии» мы встречаемся еще у Прокопия Кесарийского [21. III—43; 22]. В данном случае вполне естественно предполагать наличие византийского источника для локализации нориков. Более того, определение Норика как прародины славян не противоречит трактовке Иллирии как первоначального ареала расселения славян, так как это вновь приводит нас в балканское Среднее Подунавье, в Иллирию и окрестности города Сирмия, в котором, по представлениям авторов «Сказания» и ПВЛ, славяне должны были жить с давних пор, так как их первым апостолом и архиепископом якобы был Андроник (или даже сам Павел). Подобная трактовка славянского Норика находится, таким образом, в согласии не только с предшествующей интерпретацией славянского Иллирика в ПВЛ, но и с традицией о деятельности апостолов Павла и Андроника в среде славян, живших в области Срема. Такая интерпретация нориков логически соответствует общей концепции ПВЛ. Наоборот, помещение их в римском Норике представляется чужеродным для этой концепции элементом.

Третья географическая локализация первоначальных славянских поселений в ПВЛ заключена во фразе: «Спустя много времени (покинув Норик, что следует из контекста.— А. А.) сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская» [13. С. 11, 207]. Мы вновь теоретически находимся в рамках широко понимаемой Иллирии, которая в римское и ранневизантийское время включала в себя не только западную внутреннюю часть Балкан, но и Паннонию, причем Болгария и Венгрия непосредственно соседствовали со Сремской областью.

Присоединение этого сообщения к двум остальным, локализирующим первоначальные славянские поселения в Иллирике (или в Норике), создает ряд проблем. Если слова, с которых начинается анализируемое сообщение, т. е. «спустя много времени», полагать позднейшей вставкой, то мы дей-

³ О путях проникновения кирилло-мефодиевского наследия на Русь через болгарское посредство см. [9. 1931. № 3. С. 330; 20].

ствительно можем считать данное сообщение свидетельством автохтонности славянских поселений в Среднем и Нижнем Подунавье. В случае, если эти слова аутентичны, т. е. все известие о расселении славян в Венгрии и Болгарии является вводной фразой в контексте, соответствующем кирилло-мефодиевскому пассажи («Сказание») в ПВЛ [12], данное сообщение представляло бы первую информацию в ряду известий, говорящих не об этногенезе, а о миграциях славян. Поскольку эти рассуждения имеют лишь логический характер, рассмотрим данное сообщение в обоих возможных контекстах (как информацию о первоначальном поселении и как свидетельство о миграции).

Из предшествующего анализа ПВЛ и ее данных об этногенезе славян в Среднем Подунавье, следует, что, несмотря на терминологическую разницу, ареал первоначальных поселений славян следует искать в районе Сирмия, причем этот первоначальный славянский регион простирался далеко на север (Паннония), северо-запад (собственно Иллирия) и юго-восток (Болгария). Теперь сделаем попытку анализа данного ареала с точки зрения расселения славян на основе других сведений и источников исторического, археологического и лингвистического характера, подчеркнув те моменты, которые находятся в согласии с традицией ПВЛ. При этом заметим, что автохтонность славян в Среднем Подунавье понимается нами весьма широко. Мы принимаем во внимание не только возможное действительное возникновение славян в этом регионе, но и те данные, которые показывали бы более ранний приход славян в этот регион, чем это принято считать (конец V — начало VI в.).

Наиболее ранние сообщения о венетах, которые мы могли бы считать первыми сведениями о славянах, относятся к I—II вв. Исторические свидетельства этого типа были проанализированы бесчисленное количество раз⁴. Среди них важнейшими считаются три. Согласно Тациту, славянские поселения находились в очень широком ареале между певкинами на Нижнем Дунае и финнами Балтии [28], Плиний говорит о венетах, живущих между Вислой и германцами [29], а Птолемей помещает их в бассейн Вислы [30]. Следовательно, славяне в тот период населяли область к западу от Вислы (начиная от Одера), по отрогам Карпатских гор доходили до Нижнего Дуная, что в принципе согласуется с археологическими представлениями о поселениях славян, которые в V—IV вв. до н. э. населяли долины по среднему и верхнему течению Вислы, а в последующие века (примерно около 100 г.) распространились на запад к Одру, на восток — до Вольны и Среднего Днепра [26. С. 49]⁵. Однако проблема состоит в том, что в этих ранних сообщениях о славянах нигде не обозначается их южная граница, лишь молчаливо предполагается, что в этот период они перешли Карпаты.

Первый раз о гипотетической возможности славянского присутствия в одном из тех регионов, которые ПВЛ обозначает как прародину славян, можно говорить в отношении Паннонии в гуннский период (V в.). Лингвистический анализ гипотетически славянских слов, фигурирующих у Приска — *kamos* и *medos*, интерпретация которых весьма неоднозначна [34. Р. 37], вряд ли поможет решению проблемы, так как были исчерпаны, кажется, все возможные интерпретации. Из языковых форм, звучащих по-славянски и относящихся к гуннскому периоду, наиболее перспективной и важной с исторической точки зрения представляется приводимое Иорданом слово *strava*, т. е. угощение, точнее тризна по умершему (гунну). Оно не

⁴ В последнее время их анализ с исторической точки зрения см. [23; 24. С. 21; 25. С. 163]; см. также работы археологов [26. С. 29; 27. С. 19].

⁵ Это понимание наиболее близко главному историческому источнику — Иордану. Однако в целом в археологической литературе господствует мнение, что территория между Вислой и Днепром также относится к основному ядру этногенеза славян (ср. [24. С. 131; 31; 32. С. 19; 33. С. 395]).

представляется однозначно славянским (хотя его возможная готская трактовка выглядит еще более искусственной), однако как обозначение поминального угощения у славян его существование в неизменном виде прослеживается далеко в средневековье [35. С. 172].

Представляется, однако, что подробный анализ текста византийского постановления при дворе Атиллы — Приска (середина V в.), если мы не будем постоянно «застревать» на указанных спорных местах, может дать некоторые новые данные. Исходной точкой может стать анализ этнической номенклатуры. Приск пишет, что скифы (т. е. гунны) не являются одним народом. Они — конгломерат различных этносов, которые кроме собственно скифского языка (т. е. гуннского в этническом смысле слова), а также германского (т. е. прежде всего готского, но также, очевидно, и других диалектов германского населения) и латинского говорят еще и на другом, по определению Приска, местного диалекте [36]. При существующем состоянии исследований трудно представить, какой язык в Паннонии мог быть местным (причем отличным от германского, латинского и гуннского), кроме как славянский. В любом случае, его можно предполагать с такими же основаниями, как, например, остатки иллирийского, фракийского или какого-либо другого языка.

Если в отношении Паннонии (т. е. Угорской земли ПВЛ) есть возможность хотя бы гипотетически рассуждать о присутствии там славян в гуннское время, то сведения о первых славянах на Нижнем Дунае датируются лишь концом V в. В первой половине VI в. славянское присутствие в этой области стало обычным явлением, наконец, во второй половине VI в. (около 586 г.) происходит массовое проникновение славян за Нижний Дунай, что имело следствием заселение не только Болгарии, но и других балканских провинций Византийской империи [37. P. 137; 38; 33. S. 99].

О проникновении славян в области севернее Среднего Дуная, т. е. на территорию Словакии и Моравии, мы располагаем в сущности четырьмя сообщениями, которые относятся к первой половине VI в. и находятся в источниках, также относящихся к VI в. Эти сообщения постоянно приводятся в исследованиях, хотя не всегда учитывается их различная информативная и историческая ценность [39. S. 164; 27. S. 25]. Несмотря на это мы и сегодня встречаемся с относительно поздней датировкой прихода славян на Средний Дунай, во второй половине VI в., т. е. вместе с аварами⁶.

Наиболее проблематично, так как не содержит почти никаких хронологических и географических указаний, то сообщение из легенды о св. Аманде, написанной в VIII в. и рассказывающей о событиях около 630 г., в котором говорится о том, что епископ Аманд отправился с миссией к славянам, при этом он переправился через Дунай. Это единственное конкретное, однако с географической точки зрения очень неясное свидетельство, не является достаточным для локализации упоминаемых славян. Поэтому его интерпретации совершенно различны (одни считают, что Аманд отправился к славянам, жившим к югу от Дуная, другие — к северу) [43].

Большой материал для рассуждений исторического характера дает сообщение византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского о передвижении герулов на север, относящееся к событиям около 512 г. Герулы, которые в начале VI в. жили на юго-западе Словакии, были около 505 г. разбиты лангобардами и после краткого пребывания в Ругиланде (примерно наддунайская часть Нижней Австрии) нашли убежище у гепидов. С точки зрения рассматриваемой проблемы представляется несущественным до сих пор неясный вопрос о том, в какой части земли гепидов поселились герулы: по Нижней Тисе или выше, в долинах Потисья, т. е. в Восточной Словакии.

⁶ См. датировку прихода сюда славян IV—V вв. [32. S. 18], VI в. [40], вместе с аварами [41; 42].

Затем одна часть герулов ушла через Дунай в Иллирию, на Балканы, другая часть поселилась «на краю обитаемого мира», по пути туда они прошли через земли многих славянских племен, обитавших к северу вплоть до Балтики [21; 44; 39. S. 168; 33. S. 368].

Ясно, что конечная точка, локализация которой важна для определения пути герулов и для идентификации славян, через земли которых прошло это германское племя, находилась не на территории их временного расселения в гепидской среде. Эта точка, указываемая Прокопием, нам, однако, не может помочь, так как имеет характер типичного топоса, известного древнегреческому историку Плутарху и им критикуемого, ибо там, где недостает сведений и сообщений, события помещаются в необитаемые края [45]. Само обращение Прокопия к этому топосу не дает слишком много возможностей для рассуждений о реальном пути герулов. Указание на «край обитаемого мира» демонстрирует тот предел, который отделяет в тексте Прокопия сообщения об определенных, более или менее конкретных событиях от сведений, являющихся плодом вольного воображения. Если бы мы все же попытались как-то локализовать «край обитаемого мира», находящийся где-то не так уж далеко от земли гепидов, то мы, вероятно, признали бы, что в глазах византийского историка это были скорее северные рубежи гепидской территории, включавшие в себя Восточную Словакию, чем южные, соприкасавшиеся с густонаселенными византийскими провинциями.

Так как «край обитаемого мира» в представлении Прокопия относился к северным поселениям гепидов, то земли, лежащие еще дальше к северу, были, по Прокопию, необитаемы. Поселения славян, до которых герулы могли добраться, проходя через Словакию (восточными горными перевалами или находящимися западнее дорогами?), начинались, следовательно, где-то к северу от Карпат, что в целом соответствует общим представлениям античных и византийских авторов о славянских поселениях между Вислой (или Одером) и Днестром.

Значительно больше точек опоры для рассуждений исторического характера дает третье сообщение, автором которого является также Прокопий. Он приводит историю Хильдигиса, который в Паннонии претендовал на лангобардский трон, однако потерпел поражение от своего соперника Вахо и бежал к славянам. Когда вспыхнула лангобардско-гепидская война (примерно 549 г.), он пришел на помощь гепидам с отрядом славян. После поражения гепидов он опасался, что его выдадут лангобардам, поэтому вновь бежал к славянам. Со славянским отрядом он пошел к королю готов Тотиле в Италию, чтобы помочь тому в борьбе с Византией⁷.

Для более точной локализации славян этот текст Прокопия содержит лишь две информации. Сведения географического характера: по пути из Венеции Хильдигис должен был переплыть Дунай, чтобы попасть к славянам. Здесь Дунай является слишком широким понятием, чтобы на этой основе пытаться точнее определить маршрут Хильдигиса. Сведения политического характера: славяне, к которым пришел Хильдигис, должны были быть независимы от лангобардов, так как Хильдигис бежал к ним после поражения гепидов в надежде, что ему предоставят убежище. Эта информация также не имеет особой ценности, так как не позволяет точнее определить места проживания славян, ибо о лангобардско-славянских отношениях в середине VI в. у нас, в сущности, нет никаких данных.

Последнее из сообщений о поселениях славян, которые можно было бы локализовать над Средним Дунаем, представляется весьма существенным. На надгробии Мартина Турского, умершего в 397 г., есть надпись, сделанная

⁷ Представляется, что Хильдигис убежал к наддунайским славянам, так как если бы он отправился к славянам на Нижний Дунай, то сначала должен был пройти через землю гепидов, т. е. в противоположном указанному Прокопием направлении [33. S. 368].

приблизительно в 580 г. В ней говорится, что этот епископ, уроженец паннонской Саварии, среди прочих народов окрестил и некоторые племена в Паннонии и близких к ней землях. Конкретно указываются паннонцы, руги, славяне, сарматы, даки, остроготы и аланы. Все эти племена были определенным образом связаны с Паннонией и Средним Подунавьем [46].

С первого взгляда ясно, что перечень христианизированных племен не отражает ситуацию IV в. (безотносительно к тому, были или не были в действительности христианизированы эти племена), т. е. того времени, когда жил епископ Мартин. Однако перечень также не соответствует времени, когда жил автор надписи. Кроме даков, упоминание о которых — явный анахронизм, так как они фигурировали в истории Среднего Подунавья во второй половине I в. до н. э. и оставались относительно активными еще в первой половине I в. н. э. [47. S. 30; 48], все остальные племена играли значительную историческую роль позднее: сарматы — с I в. до середины V в. [47. S. 30; 49], остроготы — в течение V в., вплоть до ухода в Италию в 488 г. [50], аланы — до конца IV в. [51], руги — также в течение V в., до своего поражения в 487 г. [47. S. 303]. Кроме даков, которые попали в перечень (по невнимательности, по ошибке?) вместо гепидов, список паннонских и окрестных племен в целом отвечает реалиям V в. (до прихода лангобардов). Он был составлен автором, явно хорошо знакомым с этническими и историческими реалиями на Среднем Дунае в то время. В данном случае нет причин, по которым мы бы могли вычеркнуть из этого списка славян, помещенных, судя по всему, на Средний Дунай, в область Нижней Австрии, Южной Моравии, Юго-Западной Словакии.

Какой бы ни была информативная ценность четырех рассмотренных нами сообщений о присутствии славян в Среднем Подунавье в IV—VI вв., очевидно, что все они относятся к территории над Средним Дунаем. Паннония, как и во времена древних славян (венедов), оставалась, кажется, незаселенной славянами (за исключением их гипотетического присутствия здесь в гуннский период), причем в ситуации, когда этот этнос массивно продвигался с Нижнего Дуная и из Северного Подунавья в Карпатскую котловину.

При имеющемся состоянии источниковой базы и с точки зрения изучения достоверности традиции, отраженной в ПВЛ, исключительное значение имеет другой источник VI в. — «Гетика» Иордана.

Иордан сохранил сообщение, датируемое первой половиной VI в., о венедах, которые подразделялись на две группы: антов и славян. Анты жили в междуречье Днестра и Днестра недалеко от побережья Черного моря. Славяне занимали территорию от города Новиетуна и Мурсианского озера до Днестра, а на север — до Вислы [35. С. 136].

Названия Новиетун и Мурсианское озеро, определяющие западную и, может быть, южную границу расселения славян, являются спорными, прежде всего *lacus Mursianus*, под которым в литературе чаще понимают место слияния Савы и Дуная, иногда — озеро Балатон [35. С. 214; 52]. Мурсианское озеро в форме *stagnus Mursianus* появляется в «Гетике» еще раз при определении западной границы Скифии. Здесь у нас имеются две опорных точки: во-первых, Скифия на западе граничит с Германией именно в районе указанного озера; во-вторых, другой пограничной точкой обеих земель является то место, где начинается Истр [35. С. 135]. У античных географов и историков было принято деление Дуная на верхний (*Danubius*) и нижний (*Ister*), начинавшийся с Дунайских порогов [53]. Поэтому слова «*oritus Ister*» можно понимать так, что Иордан имел в виду не исток реки, а место, где *Danubius* переходит в *Ister*. Однако Иордан не выдерживает этого правила античных авторов, так как несколькими строками ниже он

говорит о нижнем течении реки Истр, называемой также Дунаем [35. С. 146]. Это означает, что он считает названия Ister и Danubius тождественными, равноценными. Интерпретация выражения «origitus Ister» и локализация этого места остается не ясной.

По-иному обстоит дело с термином «Скифия», который более или менее однозначен и который Иордан определяет географически. Для него Скифия — понятие не только географическое, но и этническое. Поскольку Иордан считает скифами и гепидов [35. С. 135, 136, 146], их поселения составляют одновременно самую западную часть Скифии. Область расселения гепидов можно относительно точно определить на основе письменных и археологических источников. На самом западе она простиралась до долины реки Тисы, на юге — до Сремской области, т. е. приблизительно до тех мест, где чаще всего ищут Iacus Mursianus, также определяющий западную границу Скифии. Притягательная возможность отождествить Iacus Mursianus с Балатоном (гипотетическая славянским «pleso» античных авторов [34. Р. 31]) и на основе этого доказывать, что, согласно Иордану, славянские поселения в Паннонии существовали в первой половине VI в., представляется нереальной.

Из описания Иордана вырисовывается следующая картина расселения славян в первой половине VI в. Славяне жили на территориях от Вислы до Днепра и Днестра и вблизи от северного берега Нижнего Дуная примерно до слияния Савы с Дунаем. У Иордана, таким образом, выпала область между Вислой и Одером, которая, по данным археологии, также относится к территории, на которой шел процесс этногенеза славян. Однако из текста Иордана следует, что он в этом месте говорит не о всех славянах, живущих в разных местах и имеющих различные названия, которых достаточно много, а главным образом упоминает тех, которые называются антами и склавенами и ушли из первоначального славянского ареала, поселившись в других местах.

Иордан восполнил этот недостаток во втором своем экскурсе, посвященном ранним славянам. Там он говорит, что славяне делятся на три группы: антов, склавенов и венедов [35. С. 150].

Очевидно, два сообщения Иордана относятся к двум разным хронологическим периодам. Анты и славяне и во втором случае бесспорно являются восточной, может быть южной ветвью славян; венеды, в первом случае фигурировавшие как общее, первоначальное название всех славян, во втором экскурсе становятся названием лишь одной из славянских ветвей, бесспорно западной. Их поселения явно находились там, где современные археологические и лингвистические исследования усматривают колыбель славян — между Одером и Вислой. Таким образом, сообщение Иордана может отражать реальные сведения о первоначальных славянских поселениях и постепенной экспансии славян. Венеды, некогда единое славянское племя, первоначально заселяли территорию за Карпатами к западу от Вислы. Постепенно племя разрасталось, и его части, удалявшиеся от него и расселявшиеся на восток и юго-восток, получали новые названия. Такое представление более всего отвечает теории археолога В. В. Седова о расселении славян.

На основе сравнения обоих сообщений Иордана о венедах представляется, что Иордан считал тождественными первоначальное территориальное ядро этногенеза славян и район расселения западных славян. Однако он нигде не локализирует ни первоначальные поселения славян, ни поселения западнославянской ветви. Их локализация исходит из археологической ситуации. В любом случае поселения венедов более ранние, чем поселения антов и словен. Можно ли предполагать, что и поселения тех славян, которые жили над Средним Дунаем и назывались позднее венедами [54], относятся к той же прародине славян?

Определяет ли имя «венд», там, где оно сохранилось, территорию пер-

воначальных славянских поселений или хотя бы область старейшей славянской экспансии, более ранней, чем разделение на антов и «склавеннов»? Иордан не дает на это ответа, однако сходство имени «венеды», используемого для обозначения славян к северу от Карпат, и имени славян на Среднем Дунае вроде бы указывает на то, что речь идет о первоначально единой компактной области древнейших поселений славян. В этом отношении определенную поддержку мнению о раннем проникновении или пребывании славян в Среднем Подунавье могла бы оказать археологическая ситуация, прежде всего в Юго-Западной Словакии. Здесь прослеживаются две различные области славянской культуры, явно соответствующие двум следовавшим друг за другом волнам миграции славян. Вторая волна несомненно связана с общим процессом расселения славян, вследствие которого происходило распространение носителей керамики пражского типа. Первая волна предшествовала этому продвижению славян, она пришла на территорию Словакии по меньшей мере в гуннскую эпоху, непосредственно продолжившую провинциальную римскую традицию в наддунайском варварском мире [55] ⁶.

Изложенная интерпретация Иордана могла бы в определенной мере сблизить ПВЛ и другие сведения и сообщения об этногенезе славян. Она позволила бы видеть в области Среднего Дуная регион, который относительно очень рано вошел в контакт с областью славянского этногенеза, ядро которой составляли земли к северу от Карпат. Однако и при этой, весьма гипотетической, интерпретации Иордана, его понимание и трактовка ПВЛ весьма далеки друг от друга. Согласно ПВЛ, ядро этногенетических процессов у славян нужно локализовать к югу от Среднего Дуная, тогда как, согласно Иордану, к такому ядру относилась, хотя бы своим краем, территория к северу от Среднего Дуная. Несмотря на все эти различия, изложенная интерпретация Иордана могла бы быть значительным сдвигом во взглядах на всю проблематику, так как территория Среднего Подунавья не исключалась бы из рассуждений об этногенезе славян лишь потому, что об этом у нас есть лишь единственное, притом позднее, свидетельство в ПВЛ.

ПВЛ — источник для изучения не только этногенетических процессов у славян, как это часто считают. Она отразила и начальные миграционные передвижения славян, происходившие на славянских землях Среднего Подунавья. Первой возможной информацией такого рода может быть сообщение ПВЛ о том, что славяне, первоначально жившие в Норике, «спустя много времени» переселились в Венгрию и Болгарию. Поскольку происхождение этой фразы неясно, в первой части данной статьи мы анализировали расселение славян в Венгрии и Болгарии таким образом, как если бы стремились определить автохтонные поселения, иными словами, спорная фраза во внимание не принималась. Сейчас хотелось бы рассмотреть другую возможность, а именно — тот вариант, согласно которому фраза стоит на своем законном месте и, следовательно, является первым сведением о славянской миграции, направленной из Норика.

В этом случае вырисовываются два возможных решения в зависимости от того, будем ли мы придерживаться существующей интерпретации Норика как римской провинции на Среднем Дунае, или будем считать его территорией «*pagi non poleis*» в области Сирмия. В первом случае ПВЛ показывает возможность славянской миграции из северных областей Среднего Подунавья ближе к нижнему течению реки, т. е. на юго-восток. Во втором случае миграция славян начиналась бы из Сремской области и шла на север и юго-восток. Однако для обоих решений нет никаких, даже весьма косвенных данных.

⁶ Таковую картину находок можно наблюдать на юго-западе и северо-западе Словакии [56].

Но ПВЛ сохранила еще одну традицию — миграции, направленной из Паннонии и Болгарии на север. Ее причину она видит в набегах владов на славян, живших в Венгрии и Болгарии, вследствие которых часть славян отправилась на север и стала основой славянского племени ляхов в Польше. Неизвестно, связана ли с влахами другая миграционная волна славянских племен, которая через Дунайскую область шла на Русь, в Чехию и Моравию и которая стала основой тамошних племен [13. С. 11]⁹.

Сведения о расселении славян, как их дает Нестор, прямо противоположны тем, которые нам известны из других письменных источников и археологических находок, согласно которым славяне в Среднее и Нижнее Подунавье пришли с севера или юго-востока. Вопрос еще более осложняется тем, что сама причина (нападение владов) и прежде всего ее хронологическая привязка, как они даны в ПВЛ, представляют до сих пор не поддававшуюся решению и, можно сказать, неразрешимую проблему. Несмотря на длительные попытки истолкования владов ПВЛ, начиная со времен Шафарика, до сих пор не ясно, о каком этносе идет речь и когда могли иметь место описываемые события. На недостаток каких-либо реальных данных, которые могли бы привести к решению проблемы, указывает возможность самых различных интерпретаций. Владов считали кельтами (примерно II в. до н. э.), римлянами (I—IV вв.), романизированным населением Паннонии, Потисья и Нижнего Подунавья (хронология не ясна, так как романизованное население здесь могло быть с начала римского владычества на Дунае вплоть до средних веков) [58].

Если мы оставим в стороне проблему владов и если не будем настаивать на том, что в ПВЛ нашла отражение какая-то традиция, связанная с первоначальной миграцией славян, направленной из центра Подунавья во все стороны, то мы сможем вычленив в ней определенное релевантное ядро, сопоставимое с другими сведениями, которое дает нам основания говорить об определенных этнических передвижениях славян в разные периоды и в определенных малых регионах, не охваченных основными направлениями большой миграции славян с севера и юго-востока в Среднее Подунавье. К таким данным, указывающим на микропередвижения, происходившие на протяжении всего раннего средневековья и обращенные из Паннонии в окружающие области или же из Иллирии, относятся прежде всего следующие. Утверждение лингвистов, что среднесловацкое наречие имеет характер или хотя бы носит следы южнославянского языкового влияния. Предполагается, что эти элементы попали сюда с прародины славян, из ареала будущих южнославянских племен и наречий по юго-восточному пути, через карпатские перевалы в Венгрию и дальше на север (VI—VII вв.). Кроме этого, учитываются последующие миграции из южнославянской языковой области [59]. Утверждения археологов, что Южная Моравия в начале великоморавского периода демонстрирует следы относительно релевантного инколата, происходившего с территории Словении [60]. Утверждения археологов, далее, что определенная часть материальной культуры Словакии в IX в. имеет удивительные параллели в балканском Банате [61]. Тот исторический факт, что вместе с аварами в 586—626 гг. в область Центральной Греции, к Фессалоникам и даже на Пелопоннес проникали славяне со Среднего Дуная [37. Р. 137; 38; 33. S. 99].

Обобщая исследование традиции, сохраненной ПВЛ, о пребывании ранних славян на Среднем Дунае, можно констатировать следующее.

⁹ Подобную точку зрения разделяет археолог З. Курнатовска. Она считает пражский тип первым проявлением славянской культуры в Южной Моравии и Юго-Западной Словакии, откуда он распространился в другие славянские области, т. е. расселение славян шло, как указано в ПВЛ, от Среднего Дуная во все стороны [57].

Анализируемый пассаж ПВЛ, вопреки устоявшемуся мнению, не отражает лишь традицию этногенеза славян на Среднем Дунае, но представляет собой также рассказ о первых миграционных процессах у славян, проходивших в этой области.

Представление ПВЛ об автохтонности славян в Центральной Европе не является цельным и изменяется в зависимости от того, из каких источников исходят соответствующие данные. Очевидно, не существовало никакого специального сочинения, никакого единого представления о происхождении славян на Среднем Дунае, которое стало бы основой традиции отраженной в ПВЛ.

Представление о первоначальном поселении славян в том месте, которое ПВЛ обозначает как Иллирик, исходит из поздней южнославянской (хорватской) идеологизированной традиции, может быть, и из поздней болгарской кирилло-мефодиевской традиции. В любом случае трактовка ПВЛ наиболее близка к обсем.

Представление о Норике, традиционно считающимся римской провинцией *Noric* может быть поколеблено византийским термином *noikon poleis*, означающим территорию около Сирмия, т. е. в Иллирии.

Представление о древних славянских поселениях в Паннонии (Венгрии) находит историческую поддержку в двух аспектах. Во-первых, хотя славянские поселения здесь не автохтонны, но они очень давние, идущие с гуннских времен. Об этом свидетельствуют упоминание Приска о местном (славянском?) языке, более или менее несомненное славянское происхождение слова *strava*, использованного Иорданом в смысле погребального угощения у гроба Аттилы. Во-вторых, одинаковый этноним, использованный Иорданом как общее и первоначальное название всех славян и как обозначение их западной части, который сохранился в районе к северу от Среднего Дуная и в позднейший период указывал на то, что область Среднего Подунавья также относилась к первоначальному ядру славянского этногенеза. Иначе было бы трудно объяснить, почему те славяне, которые откололись от ядра и нашли свой новый дом на востоке и на юге, получили новое имя, тогда как славянская ветвь на западе продолжала использовать первоначальное общее название.

Сведения ПВЛ о славянских миграционных процессах на Среднем Дунае, если их понимать как традицию локальных микромиграций в разные периоды, приобретающих различные размеры и интенсивность, находят определенную поддержку в достаточно большом фактическом материале исторического, археологического и лингвистического характера. Именно эта часть ПВЛ заслуживает с точки зрения раннеславянской тематики дальнейшего пристального изучения. Данный пассаж и далее необходимо подвергать адекватному анализу в компаративных исследованиях в корреляции с прогрессом исторической науки, археологии и лингвистики.

До сих пор, вопреки определенным признакам сближения традиций, отраженных ПВЛ и другими источниками, между ними остается целая пропасть противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 4.
2. Šafárik P. J. Slovanské starožitnosti. Oddíl dějepisný. Praha, 1837. S. 191, 194.
3. Niederle L. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953. S. 27.
4. Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1906.
5. Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на славянский язык // Zbornik u slavu V. Jagiče. Berlin, 1908. S. 188.
6. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916.
7. Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930. С. 31, 61.

8. *Jakobson R.* Minor native sources for the History of the Slavic Church//Harvard Slavic Studies. 1954. N 2. P. 44.
9. *Истрин В. М.* Моравская история славян и история Поляноруси как предполагаемые источники начальной русской летописи//Byzantinoslavica.
10. *Ильинский Г. А.* Рец. на книгу Никольского Н. К.//Byzantinoslavica 1930. N 2. S. 432.
11. *Мечев К.* За происхождения на староруския летописен разказ «Сказание о преложении книг»//Исторически преглед. 1974. № 2.
12. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 222—236.
13. *Повесть временных лет.* М.; Л., 1950. Ч. 1.
14. *Chaloupecký V.* Prameny X století legendy Kristiánovy//Svatováclavský sborník. Praha, 1938. D. II—2. S. 115.
15. *Pekař J.* Die Wenzels und Ludmila Legenden und die Echtheit Christians. Praha, 1905. S. 184; *Avenarius A.* Slovanská kultura po páde Vel'kej Moravy: k počátkom slovanských literárnych vzťahov//Československá slavistika 1988. Praha, 1988. S. 277.
16. *Avenarius A.* Das Werk des Konstantins und Method: Charakter, Gestalten und Wandlungen einer kulturellen Initiative//Studien zu Literatur und Kultur in Osteuropa: Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. Böhlau, 1983. B. 18. S. 19.
17. *Theiner A.* Vetera monumenta historica Hungariam sacram Illustrantia. Roma, 1859. V. I. N 386; *Jaffe F.* Regesta pontificum romanorum. Berlin, 1851. S. 312; *Dvůřák F.* Byzantské misie u Slovanů. Praha, 1970. S. 249.
18. *Constantinus Porphyrogenitus* De administrando imperio/Ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949. Cap. 29. P. 134.
19. *Rácki F.* Biela Horvátia i Biela Srbia//Rad Jugoslovenske akademie znanosti i umetnosti. 1880. N 52. S. 163; *Labuda G.* Pierwsze państwo słowiańskie — państwo Samowa. Poznań, 1949. S. 230.
20. *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. Т. 1. С. 128; *Львов А. С.* Исследование «Речи философа»//Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 333.
21. *Procopius.* De bello gothico/Ed. J. Haury//Opera omnia. II. Lipsiae, 1963.
22. *Egger R.* Civitas Noricum//Wiener Studien. 1929. N 47. S. 129.
23. *Labuda G.* Okres «wspólnoty» słowiańskiej w świetle źródeł i tradycji historycznej//Slavia antiqua. 1948. N 1. S. 181; *Labuda G.* Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej. Poznań, 1960. T. 1.
24. *Eisner J.* Rudověť slovanské archeologie. Praha, 1966.
25. *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1964. T. 1.
26. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славяни. М., 1979.
27. *Stefanovičová T.* Osudy starých Slovanov. Martin, 1989.
28. *Tacitus.* Germania/Ed. E. Fehle. Berlin, 1944. P. 56.
29. *Plinii Secundii.* Naturalis historiae. IV—96/Ed. C. Mayhoff. Lipsiae, 1897.
30. *Ptolemei.* Geographia. III.5.7/Ed. C. Müllerus. Parisii, 1887.
31. *Баран В. Д.* Рани славяни між Днестром и Прип'яттю. Київ, 1972.
32. *Klanica Z.* Počátky osídlení našich zemí. Praha, 1986.
33. *Pohl W.* Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567—822 n. Chr. München, 1988.
34. *Zásterová B.* Les débuts de l'établissement définitif des Slaves en Europe méridionale//Origines et débuts des Slaves. 1966. N 6.
35. *Иордан.* Гетика. М., 1960.
36. *Prisci fragmenta.* Fg. 8//Historici graeci minores/Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1870. T. I. P. 300.
37. *Hauptmann L.* Les rapports des byzantines avec les Slaves et les Avars pendant la seconde moitié du VIe s.//Byzantion. 1927—1928. N 4.
38. *Lemerie P.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans le Balkans. Paris, 1979.
39. *Kučera M.* Vel'ká Morava a začiatky našich národných dejín//Historický časopis. 1985. R. 33.
40. *Godłowski J.* Aufhören der germanischen Kulturen an der mittleren Donau und das Problem des Vordringens der Slawen//Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert: Symposium Zwettl 1978. Wien, 1980. S. 230.
41. *Bóna J.* Abriss der Siedlungsgeschichte Ungarns im 5.—7. Jhd. und die Awarensiedlung von Dunaujváros//Archeologicke rozhledy. 1968. R. 20. S. 605.
42. *Laszlo G.* Terra avarorum//Les questions fondamentales du peuplement du bassin des Carpathes du 8^e—10^e s. Budapest, 1971. P. 14.
43. *Kos M.* Gradivo za zgodovinu Slovencev. Ljubljana, 1903. T. I. S. 203—204; *Ratkoš P.* Prameny k dejinám Vel'kej Moravy. Bratislava, 1964. S. 62.
44. *Klebel E.* Langobarden, Bajuwaren, Slawen//Mittellungen der Anthropologischen Gesellschaft. Wien, 1934. N 69. S. 62; *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme. Die Ostgermanen. München, 1939. S. 578; *Mitscha-Märheim H.* Dunkler Jahrhunderte goldene Spuren. Wien, 1963. S. 116.
45. *Ploutarchou Theseus I*//Plutarchii Vitae parallelae/Ed. C. Sintenis. Lipsiae, 1895. V. I. P. 1.

46. Versus Martini Dumiensis episcopi In Basilica//Monumenta Germaniae historica: Auctores antiqui. Berolini, 1883. V. VI—2. P. 195.
47. Dobias J. Dějiny Československého území před vystoupením Slovanů. Praha, 1964.
48. Эредеиу И. Археология Венгрии. М., 1986. С. 278.
49. Harmatta J. Studies on the History of Sarmatians. Budapest, 1950. S. 45; Bóna J. Ungarns Völker im 5.—6. Jhd. (Sarmaten)//Germanen, Hunnen und Awaren: Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1988. S. 116; Yörös G. Spätsarmatische Siedlungen und Gräberfelder in der Tiefebene Südostungarns//Germanen, Hunnen und Awaren: Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1988. S. 133.
50. Gordon C. D. The Age of Attila. Michigan, 1960. P. 157; Wolfram H. Geschichte der Goten: Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1980; Wolfram H. Die Geburt des Mitteleuropa: Geschichte Österreichs vor seiner Entstehung. Wien, 1987. S. 28.
51. Varady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens 376—476. Budapest, 1969. S. 41, 51, 401.
52. Lowmianski H. Lacus Mursianus//Opuscula Casimiro Tymieniecki dedicata. Poznan, 1959. S. 211; Hermann J. Welt der Slawen: Geschichte, Gesellschaft, Kultur. Leipzig, 1986. S. 21; Pritsak O. The Slavs and the Avars//Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo. 1982. N 30. P. 370.
53. Realencyklopädie. T. IV. Col. 2103.
54. Fredegarii Chronicarum libri. IV—48. Hannoverae, 1889. P. 144.
55. Bialeková D. Nové včasnoslovenské nálezy z juhozápadného Slovenska//Slovenská archeológia. 1952. R. 10. S. 97; Chropovský B., Ruttkay A. Archeologický výskum a genéza slovenského etnika//Historický časopis. 1985. R. 33. S. 261.
56. Bialeková D. Návrh chronológie prveku a včasnej doby dejinnej na Slovensku: Slovenské obdobie//Slovenská archeológia. 1980. R. 28. S. 280; Shropovský B. Včasnoslovenský a predvel'komoravský vývoj na území Československa//Vel'ká Morava a počiatky československej štátnosti. Praha; Bratislava, 1985. S. 84.
57. Kurnatowska Z. Sclaveni//Archeologia Poionia. 1974. N 15. S. 51.
58. Королюк В. Д. Волохи и славяне русской летописи//Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 165; Королюк В. Д. Славяне, влахи, римляне, римские пастухи венгерского Анонима//Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 186; Kristó Gy. Rómaik és vlahok Nyesztonál és Anonymusnál//Századok. 1978. N 112. 623 l.
59. Krajčovič R. Jazyk na Vel'kej Morave a jeho kontinuita so slovenčinou//Historický časopis. 1985. R. 33. S. 296; Krajčovič R. Pôvod a vývin slovenského jazyka. Bratislava, 1981. S. 9.
60. Poulík J. Mikulčice. Praha, 1975.
61. Čorovič-Ljubinković M. Der Zusammenhang des Schmuckes des Nitra Gebiets und Nordserbiens im 9. Jhd.//Slovenská archeológia. 1970. R. 18. S. 113.

От редакции. Необходимо отметить, что имеются работы, в которых излагаются иные точки зрения на происхождение анализируемых автором настоящей статьи известий «Повести временных лет». См.: Кралик О. Повесть временных лет и легенда Кристиана//Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. XIX; Флоря Б. Н. Сказание о предложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания//Byzantinoslavica. 1985. N 1.

ФЛОРЯ Б. Н.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РУСИ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В XII—XV ВЕКАХ

(к вопросу о зарождении восточнославянских
народностей)¹

В восточнославянской научной литературе и в значительной части литературы зарубежной достаточно широким признанием пользуется положение о том, что в XIV—XVI вв. происходил процесс формирования на базе ранее единой древнерусской народности трех различных восточнославянских народностей — русской, украинской и белорусской².

Как современные исследователи представляют себе этот процесс в целом и каких они достигли результатов в его изучении, позволяют судить разделы о формировании белорусской народности в коллективном труде «Этнография белорусов» [2]. В работе подчеркивается большое значение, которое имело объединение локальных групп восточных славян в рамках новых крупных политических образований, таких, например, как Великое княжество Литовское. Оно способствовало укреплению связей между этими группами, создавало условия для их одинакового развития и нивелировки различий между ними, тем самым формировались предпосылки для их консолидации в народность [2. С. 59—62]. Однако, по заключению авторов, подобная консолидация в полной мере стала фактом лишь в XVI в. (в этой связи отмечаются такие важные моменты, как создание единообразного территориально-административного деления и кодификация права в общегосударственном масштабе); а в XIV—XV вв. социально-экономическая и политическая раздробленность в известной мере сохранялась [2. С. 63]. В свете этих наблюдений XIV—XV вв. следовало бы оценить лишь как начальный этап этнических процессов, приведших к образованию особой народности, когда еще не сложились в полной мере предпосылки для ее развития.

Характеризуя развитие этнического самосознания, авторы труда отметили, что новый этноним «белорусцы» в связи с территорией Белоруссии появился лишь в источниках конца XVI — начала XVII в. [2. С. 69]. Для более раннего периода, рассматривая «Список русских городов дальних и

Флоря Борис Николаевич — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ В основу статьи положена глава готовящейся к изданию коллективной монографии «Проблемы развития этнического самосознания народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV в.».

² Положение это отвергают лишь те (преимущественно украинские) исследователи, которые считают недоказанным существование древнерусской народности (см., например [1]).

ближних» — источник конца XIV в., авторы констатировали сочетание в нем характеристик «потестарно-государственного типа» с представлением о традиционных формах политического объединения в форме «земель» и с представлением о единстве всех восточных славян [2. С. 80]. Этнонимом, обозначающим белорусов в отличие от их иноэтничных соседей, оставался старый традиционный — «русский». В работе отмечена также иерархическая структура самосознания белорусов XIV—XV вв., включавшая сознание принадлежности к определенному государственно-политическому целому (термин «литвин», выступающий в роли политонима), сознание принадлежности к особому, «русскому» народу (в отличие, например, от этнических литовцев), и сознание принадлежности к определенной «земле» — более узкой и традиционной территориально-политической общности [2. С. 69—71, 83—84].

Охарактеризованные выше итоги проделанных исследований, наглядно показывая сложность избранной для рассмотрения проблематики, вместе с тем дают возможность наметить пути ее дальнейшего исследования. Очевидно, что при изучении ранних этапов этногенетических процессов нет оснований искать изменений этнического самосознания в изменении этнической терминологии (появлении новых этнонимов). Скорее следует выяснить — не выражаются ли эти изменения в переосмыслении традиционной этнической терминологии?

Новые возможности в этом отношении могут быть обнаружены при рассмотрении этногенетических процессов, происходивших в местах расселения не только одной из формирующихся народностей, а на всей восточнославянской этнической территории в целом. Исследователи справедливо, как представляется, связывали начало новых этногенетических процессов с образованием на территории Восточной Европы новых крупных политических образований, объединивших в своих границах отдельные части восточного славянства. Поэтому первостепенной задачей при изучении самосознания восточных славян в тот период, когда складывалось новое политическое деление, т. е. в XIII—XV вв., должно быть выяснение того, как осмысливалось это деление в рамках традиционной для восточных славян этнополитической терминологии, какие нюансы появлялись в этот период в отношении части восточных славян, принадлежащих к определенному политическому образованию, к восточным славянам, находившимся за его пределами. Именно таким путем можно выяснить, как проявлялось в сфере самосознания воздействие различных факторов, содействовавших консолидации отдельных частей восточного славянства и их отграничению друг от друга. Такое исследование наиболее рационально производить на материале прежде всего летописных памятников, анализ которых позволяет проследить и постоянное функционирование определенного круга взаимосвязанных понятий, и эволюцию их содержания на протяжении длительного временного промежутка.

В первом томе исследования «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» [3] на материале источников XI — начала XII вв. была прослежена происходившая на протяжении этого периода смена значений термина «Русь» и рассмотрен круг производных от него понятий.

Приступая к исследованию судеб этнического самосознания восточных славян в XII—XV вв., следует прежде всего выяснить в какой мере круг этих понятий оставался характерным для составителей летописных текстов последних десятилетий XII — начала XIII в.

Термин «Русь» употреблялся летописцами в двояком значении — как обозначение особого народа (синонимом в данном случае может являться словосочетание «язык русский») древнерусского и как обозначение страны —

государства (в этом случае синонимом служило словосочетание «Русская земля»).

Термин «Русь» как обозначение страны употреблялся в двух разных значениях — более узком и более широком. В более узком первоначальном он относился к району Среднего Поднепровья — территориям Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств — первоначальному ядру Древнерусского государства. В более широком — ко всему Древнерусскому государству, ко всей территории, заселенной восточными славянами. В кругу понятий, производных от термина «Русь» и с ним связанных, следует назвать термин «князи русские», обозначавший совокупность членов княжеского рода Рюриковичей, в чьих руках находилась власть над территорией Руси. Особенности статуса «Руси» в узком значении термина состояли в том, что каждая из линий этого княжеского рода обладала формальным правом на обладание какой-то долей («причастьем») этой Русской земли.

На более низком уровне этническая территория восточных славян делилась на отдельные «земли», находившиеся, как правило, во владении отдельных ветвей княжеского рода и сохранявшие сравнительно устойчивое политическое единство несмотря на междукняжеские разделы. «Земли» эти, если даже в ряде случаев они сложились на базе этнической территории отдельных восточнославянских племенных союзов (как Полоцкая или Смоленская), представляли собой по-существу новые политические образования, население которых уже утратило представление о своей генетической связи с этими племенными объединениями. Последние обозначения населения той или иной территории по их племенной принадлежности встречаются в источниках середины XII в. Преобладающим (а затем и единственным) со второй половины XI в. способом обозначения принадлежности населения той или иной «земли» становилось название, производное от названия города, являвшегося административным центром данной «земли» (так называемые урбанизованные политонимы), — «ростовцы», «новгородцы», «галичане» и т. д. В таких названиях, разумеется, отражалось сознание не этнического, а территориально-политического единства. В пользу именно такого их понимания говорит и то обстоятельство, что население более мелких единиц, входивших в состав «земли» — отдельных уделов или административных округов, обозначалось подобным же образом.

Количество «земель» было сравнительно небольшим — Черниговская, Переяславская, Киевская и Рязанская — на юго-востоке; Галицкая и Волынская — на юго-западе; Полоцкая, Смоленская, Новгородская — на северо-западе; Ростово-Суздальская на северо-востоке.

Для конца XII — первой трети XIII в. есть возможность проследить функционирование этой, уже традиционной, системы понятий в разных древнерусских центрах — в Ростовской земле, в Новгороде и на юге, в Киеве (летопись Рюрика Ростиславича, лежащая в основе киевской части Ипатьевской летописи).

Изучение текста Ипатьевской летописи последней четверти XII в. позволяет без труда выявить в ней использование всего круга обычных для древнерусской традиции понятий: и употребление термина «Русь» в значении одновременно народа и государства, и обозначение территории, занятой «Русью», как «Русской земли», и наименование членов правящего рода «князьями русскими», наконец, присутствует в этом тексте и представление о «Руси» как комплексе территорий на русском Юге, противопоставленном другим восточнославянским землям.

Однако в употреблении некоторых из этих понятий можно выделить две противоположные тенденции. Одна из них заключалась в сужении понятия «Русская земля» до рамок собственно Киевской земли. Так, в летописной записи под 1180 г., где говорится о планах князя Святослава Всеволодовича выгнать с Киевщины смоленских князей Давыда и Рюрика

Ростиславичей, летописец вкладывает в уста Святослава слова: «Примоу един власть Роускою» [5. Стб. 615]. Позднее, когда Рюрик и Святослав Всеволодович достигли соглашения, Рюрик «състоупи ему старейшинства и Киева, а себе возя всю Роускую землю» [5. Стб. 624]. Соглашение не касалось ни Черниговской земли, где сидели родственники Святослава Всеволодовича (брат и племянники), ни Переяславля Южного, находившегося во владении суздальской ветви рода Рюриковичей. Таким образом, «вся Русская земля» летописи в данном случае отождествляется с территорией Киевщины. То же следует и из летописной записи о вокняжении Рюрика в Киеве после смерти Святослава: «И обрадовася вся Роуская земля о княжении Рюрикове — кияне, и крестьяни, и поганья» [5. Стб. 681]. Наконец, в этой связи может быть названо и последовавшее несколько позже обращение Всеволода Большое Гнездо к тому же Рюрику: «Сидел еси в Киеве, а мне еси части не учинил в Руской земле». Далее Всеволод разъяснял свои требования: «А то Киев и Роуская область, а кому еси в ней часть дал, с тем же еи блюди и стережи» [5. Стб. 683]. В соответствии с этим для летописца «князи роустии» — это прежде всего соправители, совместно владеющие Киевщиной, — Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич, а выступления их в поход вместе с «братьею» летописец обозначает формулой «совокупишеся вси князи Роуские» [5. Стб. 652]. Таким образом, летописец, работавший в Киеве, отождествляет «Русскую землю» прежде всего со «своей», Киевской землей, а ее князей — с «русскими» князьями.

В том же тексте можно, однако, обнаружить и следы противоположной тенденции, когда термины «Русская земля», «Русь», «русские» неоднократно прилагаются к тем восточнославянским землям, которые первоначально в состав «Руси» не входили. Так, в некрологе новгородскому князю Мстиславу Ростиславичу, совершавшему из Новгорода успешные походы на «поганых» эстов, указывалось, что он «всегда бо тосняшеться умрети за Роускую землю и за хрестьяны, егда бо видеша хрестьяны полонены от поганых» [5. Стб. 610]. В помещенной под 1186 г. записи о походе Всеволода суздальского на волжских болгар встречаем указание, что болгары не смогли оказать сопротивления, «видевши множество Роуских полков», а ниже читается, что «поможе Бог Руси и победиша я» [5. Стб. 625—626]. Можно было бы думать, что эти высказывания восходят к новгородскому и владимирскому источникам киевского свода, но в Новгородской I летописи некролога Мстиславу Ростиславичу нет вообще [6. С. 36, 226]; запись о походе Всеволода в Ипатьевской летописи, как показывает сравнение с Лаврентьевской [4. Стб. 389—390], действительно восходит к владимирскому источнику, но интересующие нас выражения в нем не читались (судя по тексту Лаврентьевской), поэтому в них можно видеть следы работы киевского редактора.

Аналогичные черты повествования можно обнаружить в рассказах о событиях, происходивших в Юго-Западной Руси. Рассказывая о реакции венгров, занявших Галич, на попытку галичан призвать на стол представителя местной княжеской ветви Ростислава Берладника, летописец отметил, что венгры начали «насилъе деяти», узнав, что галичане «ищють себе князя Роусаго» [5. Стб. 663]. Может быть отмечен и рассказ о битве Романа Мстиславича волынского в 1195 г. с польскими войсками: «И оударилася ляхове с Русью и потопташа Ляхове Русь» [5. Стб. 687]. Все это — несомненные свидетельства сохранения представления о «Руси» как всей территории, занятой особым народом «русью» — восточными славянами. То, что следование такой традиции четко выявляется именно в южнорусской летописи, не может удивлять, так как именно в Киеве при создании «Повести временных лет» впервые было четко сформулировано представление о «русии» как особом народе — совокупности всех восточных славян,

живущих на территории Древнерусского государства. Следует отметить одну общую черту всех этих сообщений — Волынская, Новгородская или Ростовская земли становятся для летописца «Русью» тогда, когда речь идет об их конфликтах с иными соседними народами — язычниками Прибалтики, волжскими болгарами, поляками. По-видимому, именно факты конфронтации такого рода служили одним из стимулов для того, чтобы представление о единстве «Руси» как особого этнополитического целого продолжало сохраняться.

Полученные результаты можно сопоставить с наблюдениями над текстами двух других источников — новгородского и владими́ро-суздальского летописания второй половины XII — первой трети XIII в.

В новгородском летописании этого времени гораздо более строго, чем в Ипатьевской летописи, сохраняется традиционная система понятий. «Русь», «Русская земля» для летописца, как правило, находятся на юге; свою, Новгородскую, землю летописец не называет «Русью», а новгородских князей и войска — «рускими». Лишь два косвенных свидетельства говорят о сохранении и здесь в общественном сознании представления о «Русской земле» как образовании, охватывающем территорию более широкую, чем территория Среднего Поднепровья. Первое из них содержится в рассказе о походе на Новгород войск Андрея Боголюбского и его союзников (1169 г.). Перечислив участников похода (суздальцы, смольняне, рязанцы, полочане), летописец закончил его констатацией, что против Новгорода выступила «вся земля просто Русьская» [б. С. 33, 221]. Свидетельство тем более интересное, что все земли, жители которых названы в летописи, в состав «Руси» в узком смысле не входили. На всем протяжении летописного текста лишь одно свидетельство говорит о том, что и Новгород был частью «Русской земли». Это запись под 1230 г. о голоде: он случился «не в нашей земли в одной, нъ по всей области Русстей» [б. С. 280]. Очевидно, что если связь Новгорода с «Русской землей» и осознавалась, то здесь не находили нужным эту связь подчеркивать, и гораздо большим распространением пользовалось понятие «Русь» в его узком значении.

Черты, отмеченные применительно к новгородскому летописанию, еще более заметно выявляются в летописании владимирском. Не только «Русь» владимирской летописи, как правило, обозначает южную Русь, но и понятия производные — «Русская земля», «русские князи» — чаще всего имеют в виду только эту часть Древней Руси. Так, под 1185 г. рассказ о походе южнорусских князей на половцев открывался словами: «Ходиша бо князи Русстии вси на Половци» [4. Стб. 394]. Позднее, когда после поражения Игоря сидевший в Киеве Святослав Всеволодович «посла по сыны свое и по все князи», половцы, «услышавше всю землю Русскую идущу», бежали на Дон [4. Стб. 399]. Речь не идет о какой-то случайной обмолвке, об этом свидетельствует рассказ о походе Рюрика Ростиславича вместе с черниговскими Ольговичами на Галич в 1206 г., где читаем: «Слышав же король, что идут князи вси Русстие на Галич» [4. Стб. 427]³.

Вместе с тем сама Ростовская земля и ее жители обозначаются как «Русь», и то не прямо, лишь в двух известиях конца 20-х годов XIII в. Говоря об усобице между соседившими с Ростовской землей мордовскими князьями летописец отмечает, что сын князя Пуреша, напав на земли князя Пургаса, «изби Мордву всю и Русь Пургасову» [4. Стб. 451], т. е., очевидно, поселившихся во владениях Пургаса выходцев из Владимиро-Суздальской Руси. Под тем же годом в летописи рассказывается о мученике Авраамии, убитом в Булгаре: «Его же Русь, хрестьяне, взявше тело его положиша в гробе» (позднее мощи Авраамия были перенесены во Владимир).

³ Сын Всеволода Большое Гнездо, Ярослав, сидевший в Переяславле Южном, в походе не участвовал.

В той же статье сказано, что мученик был «инога языка, не Рускаго» [4. Стб. 452—453]. Таким образом, и в данном случае контакты с иноязычной средой активизировали в сознании представление о «русских» — восточных славянах, как особом народе-«языке».

На этом фоне выделяются своими особенностями две записи. Одну из них читаем в некрологе Всеволоду Большое Гнездо в составе «Летописца Переяславля Суздальского» (княжеской летописи, которая велась в Переяславле — городе сына Всеволода Ярослава). В некрологе сказано, что покойный «не токмо единой Суждальской земли заступник бе, но и всем странам земля Роусьская, и Новгородской, и Муромской» [7]. Хотя «Русская земля» здесь явно рассматривается как южная Русь, но включается вместе с некоторыми другими землями в сферу власти владимирского князя. В некрологе Всеволоду Лаврентьевской летописи подобных слов нет, но в ней помещено обращение Всеволода к его старшему сыну Константину, посаженному им на новгородский стол, где читаем, что «Новгород Великий старейшинство имать княженью во всей Русьской земли», а на Константина «Бог положил ... старейшинство в братьи твоеи, но и въ всей Русской земли» [4. Стб. 422]. Таким образом, в двух текстах, посвященных утверждению верховной власти владими́ро-суздальских князей над восточнославянскими землями, понятие «Русская земля» употребляется в двух разных значениях: в одном случае Новгород не входит в состав «Русской земли», в другом — составляет едва ли не главную ее часть.

В целом, следует отметить, что в источниках домонгольского времени понятия «Русь», «Русская земля» связываются прежде всего и чаще всего с территорией Среднего Поднепровья; понятие о «русских», «руси» как особом народе выступает преимущественно при описании контактов с иноязычными соседями; представление о единстве всей «руси» — восточных славян — выражено наиболее четко в киевском летописании. Северные земли лишь редко и несистематически отождествляют себя с «Русью».

Татаро-монгольское нашествие принесло большие перемены. Русский юг подвергся наибольшему разорению, в Киеве и Переяславле, а к концу XIII в. и в Чернигове не стало княжеских столов. С запустением юга и отливом населения на окраины усилилось политическое значение Галицко-Волынской и Ростовской земель, претендовавших (хотя и в условиях признания тяжелой зависимости от Орды) на главенство в политических делах, касавшихся всей восточнославянской территории.

Происходившие сдвиги нашли выражение в исчезновении представления о «Руси» как о территории Среднего Поднепровья, интенсификации представления о «Руси» как особом целом, отличном от своих соседей, во все более широком и энергичном отождествлении верхами тех или иных «земель», не входивших ранее в состав «Русской земли», именно себя с «Русью».

Все эти тенденции наиболее четко прослеживаются в самом обширном из древнерусских источников второй половины XIII в. — галицко-волынской части Ипатьевской летописи. В ней, прежде всего в летописи Даниила Галицкого при описании событий первой половины XIII в., еще можно встретить ряд высказываний, говорящих о том, что у создателей этого текста сохранялось старое представление в духе киевского летописания последних десятилетий XII в., отождествляющее Киевскую землю с «Русью». Так, под 1213 г. записано, что Мстислав Мстиславич противостоял польско-венгерской армии «со всеми князьями Роускими и Черниговскими» [5. Стб. 738]. Под 1231 г. отмечено, что по договору с киевским князем Владимиром Рюриковичем Даниил Романович «из Роуской земля взя себе часть» — город Торческ [5. Стб. 766]. Однако в других записях этой ранней части летописи Галицкая Русь определенно включается в состав «Русской земли». Например, победа Мстислава Мстиславича в борьбе за Галич с

венграми и поляками оценивается, как «милость от Бога Руской земле» [5. Стб. 738], а в уста изменника Судислава летописец вкладывает слова, обращенные к венгерскому королю: «Изыдете на Галич и примете землю Роускую» [5. Стб. 760]. В записях же о событиях второй половины XIII в. понятие «Русь» в узком смысле вообще не встречается.

Составитель волынской (более поздней) части летописи неоднократно использовал выражение «роусцей князи», но им обозначались правители Галицкой Руси — Лев, Мстислав и Владимир [5. Стб. 872, 876, 880, 897], а черниговские и смоленские князья в том же источнике обозначаются, как «заднепрейские князи» [5. Стб. 872, 892].

Наблюдая за характером употребления термина «Русь» в галицко-волинской части Ипатьевской летописи, можно сделать еще одно заключение. «Русь», как правило, означает в этом источнике не территорию, страну, а прежде всего особый народ — в сопоставлении с иноэтничными соседями или в противопоставлении им («одолеша Ляхове и Русь» [5. Стб. 730], «сотворише же межи собою клятву Русь и Ляхи» [5. Стб. 757], «исполчив же вои свое Роусь, и Оугры, и Ляхы» [5. Стб. 801] и т. д.). В таком же контексте сопоставления — противопоставления разных этносов употребляются в летописи и производные от термина Русь («сотворив же свет вси князи Роустии и Лядстии» [5. Стб. 831], «положиша ряд межи собою о землю Роускою и Лядську» [5. Стб. 858]).

Летописец Даниила галицкого утверждал идею верховной власти галицко-волинских князей над «Русью», понимаемой именно в широком значении. Так, уже в первой сделанной им записи говорилось о смерти отца Даниила, Романа, «самодержьца всея Руси» [5. Стб. 715], в другом месте утверждается, что он «бе цесарь в Роуской земли», а его сын, Даниил, великий князь владел «Роускою землею, Киевом и Володимером и Галичем» [5. Стб. 807], хотя, как известно, ни Роман, ни Даниил не княжили в Киеве⁴.

Сходные тенденции можно проследить и в произведениях, написанных во второй половине XIII в. в Северо-Восточной Руси. Здесь прежде всего следует назвать «Слово о погибели Рускыя земли». В нем «Русская земля», занимающая территорию от «Угор» и до «Болгар» (вожских) и противопоставленная иноверным соседям — «поганским странам», выступает как целое, подчиненное верховной власти родоначальника владими́ро-суздальских князей XIII в. — Всеволода Большое Гнездо [9. С. 156—157]. Термин «Русская земля» употреблен здесь в широком смысле, обозначая территорию, входившую в состав Древнерусского государства и заселенную восточными славянами. Такое понимание можно подкрепить приведенными в Лаврентьевской летописи словами Батяга, обращенными к Ярославу: «Буди ты старей всех князей в Руском языке» [4. Стб. 470]. Старое понимание «Руси», в узком значении, первое время после подчинения татарам сохранялось и здесь. Так, в летописи отмечено, что после возвращения сыновей Ярослава Всеволодовича из Орды младший, Андрей, «седе в Володимери на столе», а старшему, Александру, дали «Къев и всю Русьскую землю» [4. Стб. 472]. В дальнейшем, однако, с таким значением слова «Русь» в текстах, возникших на русском Северо-Востоке, мы больше не сталкиваемся.

Вместе с тем, сопоставляя между собой известия Ипатьевской и Лаврентьевской летописей о событиях середины — второй половины XIII в., можно отметить одну важную особенность северо-восточного источника. Если в Ипатьевской летописи термин «Русь» и производные от него широко использовались для обозначения и населения Галицкой Руси и ее правителей, то в Лаврентьевской летописи упоминание «Руси» в противопоставлении «бесерменам» встречается лишь в рассказе о событиях в Курской области

⁴ Заслуживает внимания и то, что в обращенных к нему папских буллах Даниил постоянно фигурировал как «rex Russiae», в то время как его брат Василько именовался только «владимирским князем» [8].

[4. Стб. 481]. В записях второй половины XIII в. Северо-Восточная Русь постоянно называется «Суздальской землей», а ее жители — «суздальцами» [4. Стб. 472, 475, 485]. Ту же терминологию мы видим и в написанном, по-видимому, во Владимире Житии Александра Невского. Этот князь выступает в нем как правитель и защитник Новгорода и «Суздальской земли» [9. С. 178]. Привлечение других источников позволяет, однако, констатировать, что реальная картина развития была более сложной и не столь однозначной. Как показало исследование памятников более позднего времени, фрагментов летописного свода начала XV в. Троицкой летописи и так называемой Симеоновской летописи, передающей текст этой летописи за конец XIII— начало XIV в., в них обнаруживаются текст, восполняющий значительные дефекты рукописи Лаврентьевской летописи, а также ряд сообщений о событиях конца XIII — начала XIV в., почерпнутых из каких-то других источников [10. С. 21, 42—43].

Обращение к этим текстам показывает, что еще и во второй половине XIII в. термин «Русь» мог пережиточно использоваться в узком значении. Так, под 1269 г. в Троицкой летописи помещена запись о том, что митрополит поставил Феогноста «епискупа Русьскому Переяславлю и Сарая» [11. С. 330]. Однако уже в это время, хотя и редко, термин «Русь» начинает употребляться и по отношению к «Суздальской земле». Так, после смерти в 1277 г. в Орде князя Бориса Васильевича его жена, взяв тело, «повезе на Русь» — в Ростов [11. С. 334], а рассказ о набеге татарского царевича Дюденя в 1293 г. на Северо-Восточную Русь в Симеоновской летописи открывается словами: «Бысть в Русской земли Дюденева рать» [12. С. 82].

Привлечение Симеоновской летописи позволяет сделать еще одно важное наблюдение — с 70-х годов XIII в. князья, правившие на территории «Суздальской земли», начинают именоваться «русскими князьями» [12. С. 74—75], а под 1297 г. в том же источнике указывалось: «Бысть съезд всем князем Русским в Володимере» [12. С. 83]. Так как в съезде участвовали только князья Северо-Восточной Руси, то, по точному смыслу источника, лишь их летописец готов был считать «русскими князьями». Все это — пока единичные примеры на общем фоне постоянного использования традиционной «областной» терминологии, но они выражали новые тенденции в общественном сознании, получившие полное развитие в следующем, XIV в.

Полученную картину есть смысл сопоставить с тем, что дает для того же времени новгородское летописание. В Новгородской I летописи для этого времени можно отметить и присутствие термина «Русская земля» в широком значении⁵, и известия, в которых термином «Русь» как будто обозначается Ростово-Суздальская земля⁶. Но ситуации в целом эти известия не определяют. Ростово-Суздальская земля, на отношениях с которой было сосредоточено во второй половине XIII в. внимание новгородского летописца, в этом источнике обозначается, как правило, как «Низ», «Низовская земля», а ее жители именуется «низовцами» [6. С. 73, 78, 80, 81. Ср.: С. 326].

Таким образом, на протяжении XIII в. в севернорусских землях утвердилось понимание «Руси», «Русской земли» в широком значении, в состав которой входят и Ростовская земля, и Новгород. Оно стало в исторических текстах единственным. Вместе с тем, в отличие от Юго-Западной Руси, здесь тогда не получили широкого распространения идентификация населения этих земель с «русью», использование для самообозначения этого термина и производных от него.

Исследование дальнейшего развития интересующих нас процессов в

⁵ См. в новгородском некрологе Александру Невскому — «иже потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю» [6. С. 84].

⁶ «Приде весть из Руси зла, яко хотять татарове тамгы и десятины на Новегороде»; хан Берке Александра Невского «удержа ... не пустя в Русь» [6. С. 82—83].

следующем, XIV ст. представляет значительные трудности, так как не сохранилось исторических памятников, созданных в этот период ни на Юге, ни на Западе Руси, а памятники, созданные на Северо-Востоке (прежде всего Троицкая летопись — свод 1408 г. и ряд связанных с ней по происхождению текстов), относятся уже к началу XV в. и разделить их на ранние и более поздние слои пока не удается [10. С. 45]. В этих условиях особое значение приобретают показания Синодального списка Новгородской I летописи, тем более, что речь идет о рукописи, работа над которой была закончена в середине XIV в.

В записях Синодального списка о событиях первых десятилетий XIV в. картина остается прежней. Русский Северо-Восток в них называется «Суздальской» или «Низовской» землей [6. С. 92, 94—95]. Затем терминология летописного рассказа стала меняться. Так, под 1322 г. в летописи было записано, что «приходи в Русь посол силен именем Ахмыл и много створи пакости по Низовской земле» [6. С. 96]. Здесь сохраняется старое, привычное название Северо-Восточной Руси, но одновременно эта территория уже называется «Русью» и отождествляется с «Русью». Князья, приехавшие в Новгород с Иваном Калитой, названы там же «русскими» князьями [6. С. 98]. Особый интерес представляет известие этого источника о нашествии татар после убийства Чол-хана в Твери в 1327 г.: «Татары просто реши всю землю Русскую положиша пусту, толко Новгород ублюде Бог» [6. С. 98]. Здесь перед нами новое понимание «Русской земли», не известное более ранним текстам: она отождествляется с северной частью Руси (Новгородская плюс Ростово-Суздальская земли). Эпитет «вся» по отношению к территории, разоренной войсками Узбека и обозначенной как «Русская земля», наглядно говорит об этом.

В свете этих наблюдений могут быть оценены характерные черты терминологии повествования о событиях первой половины XIV в. в северо-восточном летописании.

Обращение к тексту Симеоновской летописи показывает, что в нем со второго десятилетия XIV в. термин «Суздальская земля» и производные от него для обозначения Северо-Восточной Руси перестают употребляться⁷, а в качестве общего названия для этой территории начинает использоваться термин «Русь»⁸.

Хронологическое совпадение смены терминологии в Синодальном списке Новгородской I и в Симеоновской летописях позволяет полагать, что в ней отразились перемены в общественном сознании населения русского северо-востока в первые десятилетия XIV в. Этот вывод может быть подкреплен наблюдениями над терминологией такого памятника, как «Повесть об убиении Михаила Тверского». В этом произведении, написанном вскоре после убийства Михаила татарами в 1319 г., говорится о событиях на территории Владимирского Великого княжества, где татары специально вызывают вражду «между братии князей Русьских» и из-за начавшихся раздоров «бысть тягота велика в Русьской земли». Здесь же отмечено, что тело казненного «везуца ... по городом по Русьским и довезшим Москвы» [13. С. 208—209, 215].

Для Юго-Западной Руси XIV в. подобными произведениями мы не располагаем, но пробел отчасти можно восполнить сведениями из документальных источников. Так, в договоре 1316 г. галицко-волянских князей Андрея и Льва Юрьевичей с Тевтонским орденом эти князья носят титул «*duces totius terre Russie, Galicie et Ladimirie*» [14]. Их преемник Болеслав Юрий Тройденевич в договоре с Тевтонским орденом 1325 г. именовался

⁷ Последнее известие такого рода содержится под 1309 г.: «Приеха ис Киева пресвященнии Петр митрополит на Суждалскую землю» [12. С. 87].

⁸ В 1313 г. митрополит Петр из Орды «прииде на Русь», в 1315 г. пришедший с Михаилом Тверским посол Тягтемерь «много зла учини в Русьской земле», в 1318 г. «прииде из Орды на Русь посол лют Кончя» и разорил Кострому и Ростов [12. С. 88—89].

«dei graciae dux Russie». В грамотах Андрея Юрьевича краковским и торунским купцам 1320 г. он фигурирует с титулами «dux ladimiriensis et dominus terrae Russie», «dux Ladimirie et dominus Russie» [15. С. 149—153]. Эти примеры показывают, что наметившееся уже в галицко-волинской части Ипатьевской летописи отождествление Галицко-Волинских земель с Русью продолжало сохранять свою действенность в XIV в.

То же видим и позднее. Так, сохранился договор 1352 г. между польским королем Казимиром и литовскими князьями, утверждавший права обеих сторон на занятые ими земли Галицкой Руси [16]. В нем зафиксировано обязательство сторон «городов оу Роуской земли новых не ставити», упоминается «Русь, што Литвы слушаеть» и «Русь, што короля слушаеть», говорится, что делать «аже побегнет русин а любо руска». В более позднем договоре 1366 г. указывается, что судьи короля должны судить «полянина по польскому закону ... а русским судиям судити ... и вину взяти по русскому закону» [17].

Особого внимания заслуживает определение галицко-волинских князей в документе 1316 г. как «duces totius terre Russie». Сопоставляя его со свидетельством Новгородской I летописи о событиях 1327 г., можно сделать вывод, что на разных концах Руси появилось стремление отождествить именно свое политическое образование со «всею Русскою землею». Так от самоотождествления с «Русью» намечался переход к тому, чтобы ограничить рамки этой «Руси» границами своей политической общности, тем самым как бы противопоставив ее остальным восточнославянским землям.

О самосознании населения земель Западной Руси, вошедших в сферу политического влияния Великого княжества Литовского, а затем и в его состав, также можно судить на основе документальных источников XIII—XIV вв.

Сохранившаяся от второй половины XIII — начала XIV в. серия подтверждений договора Смоленска с Ригой 1229 г. не оставляет сомнений в том, что «смольняне» — составители договора с русской стороны — не только употребляли по отношению к своей области и ее населению термин «Русь» в его двух основных значениях, но и широко использовали производные от него — «русин», «русские» купцы, «Русская» земля [18. С. 58]. В одной из редакций договора заключительная формула звучала следующим образом: «Тая правда Латиньскому взяти у Руской земли у волости князя Смоленского и у Полоцкого князя волости и у Витебского князя волости» [18. С. 69]. «Земли» Западной Руси делятся здесь на отдельные княжения — «волости», но все они входят в состав «Русской земли».

Эти данные характеризуют самосознание верхов населения Смоленщины, но и в договоре 1263 г. между Полоцким княжеством и Орденом читаем: «Што Руськая земля словеть Полоцкая, от тое земли местерю и братьи его отступити» [19. № 1]. В относящихся уже к XIV в. договорах Гедимина и полоцкого князя Глеба с «немцами» также говорилось о «всех русских» (alle Russen), находящихся под властью великого князя литовского, и «Русской земле» (Rusland) наряду с «Литовской» [19. № 4; 20].

Сопоставляя между собой все приведенные выше данные, можно сделать вывод, что на протяжении второй половины XIII — раннего XIV в. самоидентификация населения с «Русью» и «русскими» прочно утвердилась во всех частях Древней Руси.

Одновременно на территории Восточной Европы, с одной стороны, складывалось новое политическое деление, возникали крупные политические объединения, отдельные восточнославянские «земли», ранее самостоятельные, вливались в их состав, соединяясь в ряде случаев в одно целое с территориями, заселенными неславянскими этносами. С другой стороны, определенные «земли» утрачивали свое единство, их части оказывались в составе разных государств, как это произошло по договору 1352 г. с Галицкой Русью.

Какие представления о политическом делении восточных славян сложились к концу XIV в., позволяет установить анализ «Списка русских городов дальних и ближних», составленного около 1396 г. в канцелярии митрополита всея Руси Киприана [21; 22]. Особенность этого памятника состоит в том, что в нем русские города поделены на ряд территориальных комплексов, наделенных особыми названиями. Ко времени составления «Списка» политическое деление Восточной Европы приобрело достаточно устойчивые границы, сохранившиеся в значительной мере неизменными вплоть до конца интересующего нас периода. Галицкая земля с рядом более мелких территорий с середины XIV в. вошла в состав Польского королевства. Почти все остальные земли будущей Украины и территория будущей Белоруссии к тому же времени оказались в составе Великого княжества Литовского. На Северо-Востоке Руси, разделенном на ряд княжеств, постепенно утвердилось политическое главенство Москвы. Ее правители, закрепив за собой великокняжеский титул и присвоив территорию Владимирского Великого княжества, занимали одновременно и княжеский стол в Новгороде. Сохранявшие еще самостоятельное существование княжества на территории Черниговщины были объектом борьбы между Москвою и Литвою. Эти новые политические реальности XIV в. лишь отчасти и неполно отразились в делении «Списка»⁹. Примером может служить помещенный в нем перечень «волынских градов» [23. С. 107—108]. Перечень охватывал территорию Галичины, Воьлини и части западной Белоруссии (Пинск, Брест), соответствуя границам Галицко-Воьлинской Руси второй половины XIII — начала XIV в. Таким образом, для составителей списка как бы не существовал факт раздела этого политического образования между Великим княжеством Литовским и Польшей.

С другой стороны, территория, находившаяся под властью литовских князей, явно не образовывала для составителей списка единого целого. Правда, в нем выделен особый перечень «литовских градов», в состав которого были включены города на территории собственно Литвы, Белоруссии (вплоть до Торопца, Великих Лук и Белой) и центры ряда черниговских княжеств [23. С. 110], но отдельно от них в «Списке» фигурируют не только «волынские грады», но и «киевские». Под последним заголовком были объединены города прежних Киевской, Черниговской, Переяславской земель вместе с частью Восточной Белоруссии (Могилев, Быхов, Рогачев и др.) [23. С. 101—102].

Грады «Залесские» охватывали города на территории Ростово-Суздальской и Новгородской земель и центры ряда черниговских княжеств (частью тех же самых, что и в списке «литовских градов») [23. С. 117].

Даже краткая характеристика некоторых из рубрик «Списка» показывает, что значительная часть этих комплексов не соответствовала ни границам «земель» домонгольского времени, ни ареалам сформировавшихся позднее отдельных восточнославянских народностей. Перед нами попытка своеобразного осмысления одного из этапов политико-территориального деления восточного славянства в эпоху формирования в Восточной Европе новых крупных государств, но еще до завершения этого процесса и его полного осмысления общественным сознанием.

Следует подчеркнуть, что использованная в «Списке» терминология не является особенностью только этого источника и отражает понятия, распространенные ко времени его составления. Так, употребленное по отношению к Северной Руси название «Залесская земля», данное, очевидно, в Киеве для территории, расположенной за Брянскими лесами, неоднократно встречается в таком возникшем в Северо-Восточной Руси памятнике, как «Задонщина» [24. С. 535—537]. Название «земля Воьльская» встречается

⁹ «Список» цитируется по [23].

не только в литературных текстах, повествующих о времени существования Галицко-Волынской Руси [25. С. 208], но и в деловых документах, говорящих о современных событиях. Так, в одном из посланий Киприана 1378 г. читаем, что «Алексееви митрополиту не вольно было сласти ни в Вельнскую землю, ни Литовскую» [25. С. 200]¹⁰. Встречаем мы эту терминологию и на страницах летописи, где особый интерес представляет запись под 1357 г. о разделе единой общерусской митрополии между московским ставленником Алексеем и кандидатом литовских князей Романом: «Приде Алексис митрополит на Русьскую землю, а Роман на Литовскую и на Волынскую» [26. Стб. 65]. Здесь отошедшая к Алексею Северная Русь названа «Русской землей» и как таковая противопоставлена не только Литовской, но и Волынской.

Эти особенности записи заставляют внимательнее присмотреться к способу использования понятия «Русь» и производных от него в северо-восточном летописании, отразившемся в летописных памятниках начала XV в. Особое внимание привлекают две летописные записи о вокняжении и смерти Ивана Калиты. В первой из них говорится, что после того как Иван Данилович «седе ... на великом княжении вся Русь ... престаша погании воевать Русскую землю» [26. Стб. 44; 12. С. 90; 11. С. 359], а во второй отмечено, что покойного князя оплакивали «все мужи москвичи ... и весь мир христианьскы и вся земля Роусская, оставше своего господаря» [26. Стб. 52—53; 12. С. 93]. При строгом подходе эти записи, сделанные не при Калите, а значительно позже (см. упоминание в первой из них то обстоятельство, что после вокняжения Калиты татары 40 лет не совершали набегов), допускают двойное толкование: эти формулировки отражают притязания московских князей на верховную власть над «всей Русью» — всей этнической территорией восточных славян; «Русская земля» в этих текстах отождествляется с Владимирским Великим княжением, главой которого был Иван Калита. Уже одна из особенностей первой из записей говорит в пользу второго понимания: «поганные» после вокняжения Калиты перестали нападать на территорию Владимирского Великого княжения, а на «русские» земли, подчинившиеся Литве, они продолжали совершать походы¹¹ и посылали в походы против них своих вассалов — «русских» князей. Такой вывод можно подкрепить дополнительными наблюдениями над рядом формул, употреблявшихся в летописных записях. Так, выражение «все князи Роусьскыи» здесь систематически использовалось для обозначения совокупности князей, правивших в Северо-Восточной Руси [26. Стб. 53; 12. С. 93; 11. С. 365]. В рассказе о походе Дмитрия Донского на Тверь в 1375 г. читаем, что он выступил в поход, «собрав всю силу русских городов и со всеми князми рускими совокупяся» [26. Стб. 110]. В рассказах о походах войск Мамаю на Русь в 1378 и 1380 г. повторяется, что татары хотели напасть «на князя великаго Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую» [26. Стб. 134, 139; 12. С. 127, 129]. «Русские земли» в составе Великого княжества Литовского в обоих случаях не были объектом татарского нападения, а в 1380 г. великий князь литовский являлся даже союзником татарского хана. Очевидно, что и здесь «вся земля Русская» отождествляется с Великим княжением Владимирским. Центр этого княжения, Владимир, становился соответственно центром «Русской земли». Неизвестный автор написанной в конце первого десятилетия XV в. «Повести о Едигее» так и писал, что Владимир — это «стол земля Русская, в нем же и князи велиции

¹⁰Ср. в «Повести о Едигее» о Витовте — «владеющею всею землею Киевскою и Литовскою» [26. Стб. 179; 11. С. 156].

¹¹См. летописную запись о походе князей Северо-Восточной Руси вместе с татарами к Смоленску «по цареву повелению» в 1339 г. Запись заканчивалась словами «милостию же божиею съблюдена вся рать русская» [11. С. 363].

Руссии первоседание и стол земля Русския приемлють» [26. Стб. 181; 12. С. 157].

Такое понимание накладывало отпечаток и на освещение событий прошлого. Так, в Кратком московском летописце, сохранившемся в сборнике статей, сопровождающим текст Новгородской I летописи младшего извода, о поездке Андрея Боголюбского, уехавшего с иконой Богородицы вопреки воле отца из Киева во Владимир на Клязьме, сказано, что он отправился в путь «без отча повеления и поеха на Русскую землю» [6. С. 467], а ниже об Иване Калите сказано, что хан «его пожаловал и дал ему княжение великое над всею Русскою землею, яко же и праотець его великии Всеволод — Дмитрии Юрьевич» [6. С. 469]. Великое княжение Владимирское здесь не только отождествлено с «Русской землей», но и четко противопоставлено другим частям Древней Руси, которые «Русской землей» не являются.

Все эти тексты возникли в среде, тесно связанной с Москвой и ее политическими интересами, даже в том случае, когда (как в «Повести о Едигее») политика конкретного великого князя вызывала беспокойство. Поэтому важно было бы установить, можно ли обнаружить такое понимание термина «Русская земля» в памятниках летописания, связанных с другими центрами Северной Руси — Тверью, Новгородом, Псковом.

Тверская летописная традиция XIV—XV вв. отразилась в ряде текстов, соединенных с другими летописными текстами, но текстологический анализ, проведенный в работах А. Н. Насонова [27], позволяет ее выделить. Ряд наблюдений дают возможность сделать уже записи о связанных с Тверью событиях 1327—1328 гг. Здесь приводятся слова советников хана: «Аще не погубиши князя Александра и всех князей Роусских, то не имаша власти над ними» [26. Стб. 42; 28. Стб. 415]. Александр Михайлович тверской был главой именно Владимирского Великого княжения, и именно его территории касались действия, предпринятые затем ханом. Далее говорится о том, что князь Александр, спасаясь от татар, ушел во Псков, «оставль княжение роуское» [26. Стб. 44; 28. Стб. 416]. Как представляли себе в Твери границы «Русской земли» позволяет выяснить текст «Предисловия летописца княжения Тферскаго», сохранившийся в составе так называемого «Тверского сборника». Отметив, что Александр Михайлович, как и его отец, владел «Русской землей», летописец далее очертил ее границы — «владельцу землею Рускою, Володимером и Великим Новым городом и всею странюю до моря Варяжского и паки Новымгородом Нижним и до предел Измаилтеских» [28. Стб. 465]. Очевидно, что границы «Русской земли» в этом тексте полностью совпадают с границами Великого княжения Владимирского.

В Новгородской I летописи младшего извода обнаруживаются в несколько измененном виде формулы, характерные для московского летописания, например, известие под 1375 г. о том, что Дмитрий Донской ходил на Тверь «со всеми князьми и со всею силою рускою» [6. С. 372]. В более поздних известиях читаем, что Витовт «хотел пленити Рускую землю» [6. С. 395] и что в 1432 г. Василию Васильевичу «даше княжение великое... на всеи Руской земли» [6. С. 416]. Сходную картину обнаруживаем и в псковском летописании, где читается своя версия рассказа о событиях 1327 г. в Твери: выступившие против Александра тверского «русские князья» против него «подъяша всю землю Рускую» [29. С. 16]. В 1380 г. «князь великии Дмитрии и вси князи руския бишася с тотары за Доном» [30. С. 29]; в 1409 г. «князь великии Василен, подьем всю Рускую землю и поиде на тестя своего Витовта» [29. С. 32].

Таким образом, отождествление «Русской земли», в которой правят «русские князья», с землями Северной Руси — территорией Владимирского Великого княжения следует рассматривать, как явление характерное, по

крайней мере, для образованной элиты общества всего этого региона. Важно отметить, что появление данного представления значительно опередило по времени политическое объединение будущей Великороссии в одном государстве — Российском.

При изучении интересующего нас процесса — постепенного изменения представлений отдельных частей восточного славянства о себе и других группировках восточных славян — важно проанализировать, какими чертами наделен в рассматриваемом круге памятников образ «Литовской земли», «Литвы».

Анализ «Списка русских городов» показал, что еще и в конце XIV в. Великое княжество Литовское не воспринималось в кругах близких к митрополии как нечто единое: наряду с «Литовской землей», здесь выделялись земли «Киевская» и «Волынская». Подобные представления были не чужды и составителям летописных сводов, создававшихся на Севере Руси в первой половине XV в., а, вероятно, и их источникам. Так, в Псковской I летописи читаем, что Ольгерд в 1341 г. привел с собой во Псков «моужии своих литовков и мужии видьблян», под 1343 г. здесь же упоминается «гость псковский в Полтеске или в Литве» [29. С. 18, 21]. Таким образом, даже в рамках «литовских градов» «Списка» севернорусские современники отличали собственно «Литву» и русские земли, в состав «Литвы» не входившие. С этими свидетельствами следует сопоставить запись в Новгородской I летописи под 1335 г.: «Бысть пожар в Руси: погоре город Москва, Вологда, Витебско» [6. С. 346]. Здесь Витебск — один из городов «Литовской земли» — рассматривается как часть «Руси», подобно Москве или Вологде. Сходные высказывания можно встретить и позже. Так, автор «Повести о Едигее» отметил, что во время описываемых им событий Витовт владел «всею землею Киевскою и Литовскою» [26. Стб. 179; 12. С. 156]. Во Псковской II летописи под 1422 г. указывалось, что псковские послы, не застав Витовта в «Литовской земли», поехали «за Киев в Луческ великий» [30. С. 39—40].

Однако таких высказываний не столь много и их можно обнаружить главным образом в новгородском и псковском летописании. Главная же тенденция, нашедшая свое отражение прежде всего в московском летописании, носила иной характер — генерализирующий, когда Великое княжество Литовское отождествлялось с Литвой, его войска — с «Литовской ратью», города и волости, входящие в состав этого государства, именовались «литовскими» и т. д. Примеры такого расширительного использования соответствующей терминологии столь многочисленны, что не могут быть приведены все. Остановимся лишь на наиболее показательных. Так, в некоторых летописях помещены подробные рассказы о битве войск Великого княжества с татарами на реке Ворскле в 1399 г. В Новгородской I летописи читаем, что «по грехом случися горе немалое литовским детем ... воевод и Литвы многое множество ту костью падоша» [6. С. 395]. В Псковской II летописи также констатируется, что в битве «побиша множество литовских князей и панов» [30. С. 31]. Особенно интересно свидетельство Новгородской IV — Софийской I летописей, в котором подробно перечислялись представители разных этносов в составе армии Витовта: «Литва, и Немци, Ляхи, Жемоть, Тотарове, и Волохы, и Подоляне» [31. С. 251; 32. С. 384]. Как видим, за исключением жемайтов и несколько загадочных «подолян», все остальное население Великого княжества обозначено здесь термином «Литва».

То же наблюдаем и в известиях, касающихся столкновений между Великим княжеством Литовским и Орденом. Примером может служить запись в Новгородской I летописи о «великой войне» с Орденом в 1410—1411 гг.: «Бысть тое осени Ляхом и Литве 3 побоища с Немци» [6. С. 401]. О войне с Орденом в 1422 г. в Псковской II летописи записано, что для ее ведения

Витовт «сбра силы многы, не токмо Литву, но москвичь, тферичь и иных многих подъем» [30. С. 38]. Хотя в этих войнах с Орденом из числа жителей Великого княжества участвовали отнюдь не только представители литовского этноса, войско Витовта обозначается и здесь термином «Литва».

Обозначение всех жителей Великого княжества термином «Литва» имело место и при описании конфликтов между этим государством и севернорусскими княжествами. В условиях отождествления территории Владимирского княжения с «Русской землей» конфликт приобретал под пером летописцев характер противостояния между «Русью» и «Литвой». Уже в записи Новгородской I летописи о битве на Ворскле, цитированной выше, указывалось, что поражение Витовта было карой за то, что он «хотел пленити Рускую землю» [6. С. 395]. Наиболее ярко такая тенденция выступает в летописных описаниях войны князей Северо-Восточной Руси с Витовтом в 1406—1409 гг. Как отмечено в Псковской I летописи, «князь великий Василей, подъем всю Рускую землю ... а князь Витовт, подъем всю Литовскую землю, и поиде противу» [29. С. 32]. Еще более выразительно свидетельство «Тверского сборника»: «Прииде зловернии Витовт на усть Угры с силою Литовскою и Немецкою и Ляцкою, князь же великий Василей Дмитриевич поиде противу с своею братией и со всеми князми Рускими и со всею силою Рускою» [28. Стб. 477]. Свидетельства этих источников показывают, что и в данном случае речь идет не о специфически московской точке зрения, а о позиции, характерной для сознания образованного общества всего севернорусского региона.

Отождествление Севера Руси с «Русской землей», а русских земель под властью литовских князей с «Литвой» влекло за собой определенные последствия. В XIII в. и в северно- и в южнорусском летописании сложилось устойчивое представление о «литовцах», «литве» как язычниках — «поганых», нападающих на православных «русских». Этот стереотип устойчиво сохранялся в московском летописании XIV в. Например, в описании осады Москвы войсками Ольгерда в 1368 г. подчеркивалось, что он «многы церквы и многы монастыри пожегл» и «мног христиан посече» [26. Стб. 90; 12. С. 108—109]. Так конфликт между Москвой и Литвой приобретал характер борьбы между «погаными» и христианами. Подобное отношение обнаруживается не только в московском, но и в новгородском летописании. Когда в 1381 г. жители Полоцка «отложились» от Великого княжества и обратились за помощью к Новгороду, они сделали это, по словам летописца, «просяще помощи по крестьянству» [6. С. 378]. Хотя в 1387 г. литовцы стали христианами, трактовка конфликтов между Великим княжеством Литовским и севернорусскими княжествами продолжала оставаться прежней. Так, в рассказе о войне между Витовтом и Псковом в 1406 г. псковский летописец приводит слова обращения псковичей к новгородцам: «Поидите, господа, с нами на Литву мстити крови христианския» [29. С. 31]. Аналогичную картину находим в записях «Тверского сборника» о войне Витовта с княжествами Северо-Восточной Руси в 1406—1409 гг. Летописец цитирует слова московского князя, обращенные к тверскому: «Абы еси, брате, послал помощь христианом», и приводит ответ: «Князь же великий Иоан обеща ему помощь послати христианом»¹². В условиях, когда термин «Литва» все чаще распространялся на всю совокупность населения, подвластного литовским князьям, эти представления так или иначе должны были влиять на взаимоотношения между той частью прежней «Руси», которая объединялась в рамках «Русской земли», и той ее частью, которая вошла в состав «Литвы» и вместе с «погаными» воевала против «христиан».

В современной зарубежной (главным образом англоязычной) литературе

¹²Иначе в записи Новгородской I летописи о «Великой войне» Польши и Литвы с Орденом: «Много же крестиян и Литвы и Ляхов от Немец избиено бысть» [6. С. 401].

постоянно подчеркивается, что одной из важнейших предпосылок формирования отдельных восточнославянских народностей стало воздействие на разные части восточных славян традиций разного культурного круга, что привело к появлению серьезных социокультурных различий между ними, осознанных позднее как отличия этнические [33].

Не все в конкретных построениях, связанных с постановкой этой проблемы, представляется бесспорным (так, вызывает явные сомнения тезис о сильном воздействии золотоордынского общества на русское), но сильное культурное влияние польского общества на предков украинцев и белорусов в конце XIV—XV вв. не вызывает сомнений. Однако в источниках этого времени трудно обнаружить следы осознания таких различий. В них удастся проследить лишь один определенный след, который позволяет думать об известном осознании этих различий общественным сознанием севернорусского общества. Это — обозначение знати Великого княжества (а затем и дворян вообще) особым, заимствованным из польского языка термином — «паны». Первые упоминания этого термина в русском летописании явно имеют в виду польских феодалов («князи лятьские и панове») [26. Стб. 153; ср.: 12. С. 137]. В рассказе Рогожского летописца о сражении войск Великого княжества Литовского с татарами на Ворскле в 1399 г. говорилось о гибели в битве «многих князь и боярь» [26. Стб. 165. Ср.: 12. С. 143], но в записи Псковской II летописи читаем, что татары «побиша множество литовских князей и панов» [30. С. 31]. В 1440 г. новгородский летописец, объясняя причины убийства великого князя литовского Сигизмунда Кей-стутовича, заметил, что убитый «панов и земьских людей не мало без милосердия изгуби» [6. С. 420]. В известиях о московско-литовской войне 1445 г. предводители литовского войска названы «панами» и в московском, и в новгородском летописании [6. С. 424; 47. С. 394]. Особенно интересна в этом плане терминология Пространной редакции «Задонщины» (список Ундольского). Здесь один из братьев Ольгердовичей, идущих на помощь Дмитрию Донскому, говорит другому: «Зберем, брате, милые пановя удалые Литвы храбрех удальцов», а в помещенном в заключительной части памятника перечне погибших вслед за убитыми боярами из разных городов Северо-Восточной Руси автор называет «30 новгородских посадников ... 30 панов литовских» [24. С. 536, 538]. Ясно, что термином «литовские паны» обозначался здесь весь правящий слой великого княжества Литовского, отличный по своему положению от феодалов и Северо-Восточной Руси («боярь»), и Новгорода («посадников»). Таковы основные проявления того, как на Севере Руси постепенно осознавались какие-то отличия своей «земли» и живущего на ней населения от других частей Руси.

Однако наряду с этим (что придает особую сложность изучаемому явлению) в сознании того же общества Севера Руси продолжали функционировать представления о «Руси», «Русской земле» как всей территории, занимаемой восточными славянами, и о «русском народе» как совокупности всех восточных славян. Олицетворением единства «Руси» именно в этом широком значении была в XIV в. киевская митрополия, власть которой независимо от местопребывания митрополита должна была распространяться именно на всю «Русь» в таком понимании. В связи с предпринимавшимися попытками раздела митрополии в соответствии со складывавшимся в Восточной Европе новым политическим делением в перипетике константинопольского патриархата с русскими иерархами неоднократно формулировался тезис о том, что, несмотря на политические разделы «русский народ» (ἑὶς ἄνθρωπος τῶν Ρῶσων)¹³ остается единым и должен управляться, как это было и ранее, одним митрополитом из Киева [34. Приложения. Стб. 36—37,

¹³Местным соответствием греческой формуле было, по-видимому, словосочетание «язык русский» (см. в переводе грамоты патриарха Антония (1393) «митрополить вашь... власть имать всяку над вами и в всем языке том и людии Русских» [34]).

41—42, 141—142, 157—158, 193—194]. «Литовская земля» рассматривалась, соответственно, как часть этой «Руси» [34. Приложения. Стб. 95—96]. Очевидно, что пребывавшие в Москве митрополиты, заинтересованные в сохранении единства митрополии, должны были поддерживать и пропагандировать такие идеи. В летописных сообщениях о церковных делах в XIV — начале XV в. нетрудно обнаружить употребление термина «Русская земля» в таком широком значении. Так, под 1354 г. в Рогожском летописце читаем: «Поставлени быша два митрополита на всю Рускую землю Алексей да Роман» [26. Стб. 63]. Новгородская I летопись цитирует под 1376 г. заявление Киприана: «Благословил мя патриарх Филофей митрополитом на всю Рускую землю» [6. С. 374]. В митрополичьей летописи Фотия также отмечено, что великий князь литовский Витовт, чтобы поставить митрополитом в Киеве Григория Цамблака, «собрав епископи Руския, иже во области его живущи» [35. С. 55].

К этому последнему высказыванию можно присоединить ряд других (правда, преимущественно из новгородских и псковских летописей), свидетельствующих о том, что на Севере Руси хорошо представляли себе, что на территории «Литовской земли» тоже живет «русь». Согласно Новгородской I летописи под 1440 г. «все литовьскыи грады и рускыи» избрали на великокняжеский трон сына Ягайлы, Казимира [6. С. 420]. Под следующим, 1441 г., рассказывая о попытках митрополита Исидора склонить православное население Великого княжества к унии с Римом, тот же летописец отметил: «Литва же и Русь за то не изымашася» [6. С. 421]. В Псковской II летописи под 1471 г. помещен некролог киевского князя Семена Олельковича, который успешно защищал Киев от «ордынских царей» и «тем же и превознесся во всей Роуси» [30. С. 173]. В той же летописи рассказывалось о пожаре в Вильне, когда сгорели в «Ляцком конце» «бозници Ляцкыа», «а Роуского конца и святых церквей божиих Бог оублюде» [30. С. 179].

Очень важно, что на Севере Руси твердо сохранялось и сознание генетической связи своей «Русской земли» с Древнерусским Киевским государством, и своих «русских» князей с Владимиром I Святославичем киевским. В этом плане прежде всего должны быть отмечены свидетельства «Задонщины» тем более показательные, что они принадлежат памятнику, стоящему на грани между «ученой» литературой и фольклором. Это произведение, главной темой которого является победа главы князей Северо-Восточной Руси, Дмитрия Ивановича Донского, над войском Мамаю, начинается (в старшем списке) с упоминания об Афете, «от него же родися Русь преславная», призыва подняться «на горы Киевьскыа» и воспоминания о киевском «гудце» Бояне, который пел славу «русскимь княземь»: Рюрику, Игорю, Святославу. Здесь же говорится, что Дмитрий и его двоюродный брат выступили в поход, «помянувши прадеда Володимера Киевьскаго, царя русскаго» [24. С. 548]. Та же связь подчеркивается и в пространной редакции «Задонщины», где победа на Куликовом поле выступает как возмездие за поражение, нанесенное татарами на Калке южнорусским князьям [24. С. 535].

Параллели такому пониманию обнаруживаются и в ученой литературе, и в фольклоре. Примером первого рода могут служить «Предисловие летописца княжения Тферскаго», открывающееся заявлением: «От Киева же бо почну даже и до сего богохранимаго Тферскаго града» [28. Стб. 463], или «Повесть о Едигее», автор которой заявляет о намерении следовать примеру киевского летописца начала XII в. Сильвестра Выдубицкого и ищет в «начальном летописце Киевском» похвалы примеры поведения «первых наших властодержцев» — киевских князей, которые должны служить образцом московскому великому князю Василию Дмитриевичу [26. Стб. 185]. Усиление сознания связи с Киевом, киевской темы в низовом народном сознании в описываемое время нашло выражение в развивающемся

процессе циклизации эпических сюжетов и героев вокруг Киева и двора князя Владимира. Этот процесс показан Д. С. Лихачевым на примере анализа свидетельств о ростовском «храбре» Алеше Поповиче, который из дружинника ростовского князя превратился в эпической традиции в одного из киевских богатырей [36].

В таком памятнике, как «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» славное прошлое даже полемически противопоставляется еще более славному настоящему: «Похвалает ... Володимера Киевская с окрестными грады, тебе же, князь великий Дмитрий, вся Руская земля» [32. С. 366; 37. С. 110]. Здесь «Русская земля» — явно вся этническая территория восточных славян — «русских». В свете такого понимания следует рассматривать, очевидно, и другие черты «Слова», такие как неоднократное именование Дмитрия Донского «господином» и «царем» «всеи земли Руской», а самой «Руской земли» — его «отчиной», которую на ложе смерти он передал сыну Василию [32. С. 354, 358, 359—360]. Мы хорошо знаем, что одним из главных политических успехов Дмитрия Донского было превращение в «вотчину» московских князей великокняжеской территории в составе Владимирского Великого княжения. В своем завещании Дмитрий Донской благословил старшего сына «своею отчиною, великим княженьем» [38. С. 34]. В документе великое княжение не имеет какого-либо названия, но выше уже приводились данные о том, что в летописных памятниках Великое княжение Владимирское неоднократно отождествлялось с «Русской землей». При таком отождествлении было логичным возникновение представления о «Русской земле» как вотчине московских князей. Изучение «Слова о житии и преставлении» позволяет сделать следующее наблюдение: при сохранении в общественном сознании понятия «Руси» в широком смысле открывалась возможность характеризовать отношение к ней московских Даниловичей по типу их отношений к Великому княжению Владимировскому.

Обращает на себя внимание появление применительно к московскому великому князю таких формул в сочинениях митрополита Фотия, которому понятие «Руси» в широком смысле было хорошо известно и который его неоднократно использовал в своих посланиях. Заставляет задуматься, например, такое утверждение Фотия в поучении, обращенном к Василию Дмитриевичу: «Христос тебе, великаго князя ... предстателя великия всеа Руси дарова». В другом месте, пользуясь одним из традиционных эпитетов византийских императоров, он назвал великого князя «оком всей Руси» [34. Стб. 293—294]. Так возникали первые предпосылки для получившей развитие к концу XV в. программы «собираания русских земель» под властью их «законных владельцев» — московских князей, потомков Владимира I.

Развитие этнического самосознания восточнославянского населения на территории Великого княжества Литовского в XIV—XV вв. не может быть прослежено с такой подробностью, с выделением разных тенденций развития, прежде всего из-за ограниченного круга памятников (и их небольшого объема), имеющих в нашем распоряжении. К тому же и эти тексты позволяют рассматривать интересующий нас вопрос лишь с первых десятилетий XV в.

Самым ранним из них является грамота православных епископов с территории Польши и Великого княжества Литовского о поставлении митрополитом Григорием Цамблаком (1415) [34. № 38]. Участники собора определили себя формулой «смирения епискупи русских стран», а своего правителя Витовта квалифицировали, как «литовскаго и многих русских земель господаря» [34. Стб. 310—311]. Это был официальный титул правителя Великого княжества, так как именно так Витовт обозначен в его договоре с тверским князем Борисом Александровичем [38. С. 62]. Решив

созвать собор, Витовт собрал на нем «все князи литовских и русских земель и иных стран» [34. Стб. 311].

Формулировки этого документа в сопоставлении с терминологией севернорусских источников позволяют сделать некоторые наблюдения. Так, если на Севере Руси возникло и крепло представление о «Русской земле» как особой, единой стране, совпадающей с Великим княжеством Владимирским, то «русские» земли под властью Витовта не воспринимались как единое целое, но как совокупность отдельных «русских» земель. Если московские князья с середины XIV в. носили титул «всея Руси», то Витовт, чьи «русские» владения являлись гораздо более обширными, именовался государем лишь «многих» русских земель, но не «всея». Из этого вытекает, что существовали и «русские земли», лежавшие за пределами Великого княжества Литовского. Очевидно, что термин «Русь» и производные от него используются в данном тексте в их широком значении, соответствующем всему восточнославянскому ареалу. В этом смысле следует и понимать слова документа о Киеве «яже глава есть всей Руси» [34. № 38].

Текст решений собора епископов следует сопоставить с текстом похвалы Витовту в рукописи, написанной в 1428 г. по заказу смоленского епископа Герасима [39. Стб. 417]. Очерчивая круг владений и влияния великого князя, составитель похвалы записал, что ему подчинялись «великое княжение Литовское и Роуьское и иная великая княженье, спроста рещи вся Роуьская земля», и далее пояснил: «Тогда бяхоу крепко слоужахоу емоу велиции князи, великий князь Московьски, великий князь Тферьски, велики князь Рязаньски, великий Новгород, великий Пьсков и спроста рещи весь Роуьский язык». Здесь уже русские земли, находящиеся под властью Витовта, выступают, как «великое княжение русское», т. е. некое единство. Но наряду с ним, как гораздо более обширное единство, выступает «Русская земля», складывающаяся из ряда «великих княжений», подчиняющихся верховной власти Витовта. Границы этой «Русской земли» совпадают с границами этнической территории «русского народа» («языка русского») — всей совокупности восточных славян. Термин «Русь», таким образом, используется в традиционном широком значении, и отдельные части восточных славян отделяют друг от друга только политические границы. Но и здесь можно отметить зарождение того же влияния, какое было прослежено выше на севернорусском материале. Хотя «великое княжение Русское» является частью «Русской земли», оно уже, судя по его «общему» названию, стоит рангом выше, чем другие «великие княжения», чьи правители обозначаются по названию центров их владений.

Полученные при разборе этих текстов результаты следует сопоставить с результатами анализа несколько более поздних по времени записей летописного характера. Комплекс таких записей сохранился в компиляции середины XV в., переданной наиболее полно в составе так называемой Супрасльской летописи. Текстологические исследования [40. С. 40] позволили установить, что первая, наиболее обширная часть компиляции восходит к памятниками летописания, составленным на Севере Руси, и отражает характерные для этого региона взгляды и представления. Лишь заключительные разделы, повествующие о событиях в Великом княжестве Литовском после смерти Витовта, отражают местную, вероятнее всего смоленскую, традицию. Вторая, самостоятельная часть компиляции, так называемый «Летописец великих князей литовских» (сохранившийся и в латинском варианте), представляет собой описание событий, происходивших в Великом княжестве Литовском в 80-е годы XIV в., составленное в окружении Витовта для оправдания его действий в это время. Хотя этот текст не возник непосредственно в восточнославянской среде, в нем правомерно искать отражение взглядов и представлений восточнославянского населения на

территории Великого княжества. С этого последнего текста, как хронологически более раннего, и следует начать анализ.

Разбор позволяет выявить в нем черты, сближающие этот текст (в терминологическом плане) со «Списком русских городов». Для его составителя Великое княжество Литовское не образовывало единства, и термин «Литовская земля» прилагался прежде всего к этнографической Литве. Об этом говорят характерные особенности рассказа о принятии Ягайлой католичества — он крестился «со всеми князи и бояре Литовские земли» и после этого «начаша костелы ставити по всей Литовской земле» [35. С. 64]. «Литовская земля» явно выступает здесь как страна литовцев-католиков. В ряде контекстов эта «Литовская земля» противопоставляется иным землям в составе Великого княжества — Полоцку, Витебску, Волини [35. С. 63—64]. Вместе с тем сопоставление показывает эволюцию названий территориальных комплексов в соответствии с актуальными политическими границами. Если в «Списке» термином «грады Волынские» обозначена вся территория Галицко-Воынской Руси, то для «Летописца» «Воынская земля» — это только территория Воыни в составе Великого княжества: Ягайло при примирении дал Витовту «Луческ со всею Воынской землею» [35. С. 63]. Восточнославянское население под властью литовских князей обозначается в источнике термином «русские»: против восставшего Полоцка Ягайло отправил «рать свою всю литовскую и рускую» [35. С. 62].

Несколько иную картину находим в смоленских записях о феодальной войне в Великом княжестве. Здесь совокупность ряда восточнославянских земель четко противопоставляется «Литве», «Литовской земле». Литовскому «великому княжению» как «великое княжение Русское»: «Литва же посадиша великого князя Жигмонта ... на великое княжение на Вилни и Троцехь... и князи руськыи и бояре посадиша князя Швитригайла на великое княжение на Руское» [35. С. 57]. Появлению и укоренению такого понимания способствовало определенное сплочение «русских» феодалов Великого княжества под воздействием развивавшихся в этом государстве интеграционных процессов и в силу их общего недовольства концентрацией политической власти и сословных привилегий в руках литовских бояр-католиков. Предводители этих феодалов в источнике названы «русские князи» [35. С. 57—58], хотя, в отличие от князей Северо-Восточной Руси, среди них преобладали не потомки Рюрика, а обрусевшие Гедиминовичи.

Представление о «русских землях» в Великом княжестве Литовском как особом единстве продолжало укрепляться. Под 1440 г. среди тех же смоленских записей помещено сообщение, согласно которому жители Литвы, пригласив из Польши младшего сына Ягайлы, Казимира, «посадиша его со честью на стольнечьном граде на Вилне и на всеи Руской земли» [35. С. 60].

Таким образом, и в данном регионе развитие привело, как на Севере Руси, к отождествлению своего политического образования со «всей Русской землей». Различие состояло лишь в том, что выработка этого понятия на Севере предшествовала политическому объединению этой части восточнославянских земель, а здесь — последовала за объединением. Отождествляя именно себя с «Русью», «Русской землей», на восточнославянских землях Великого княжества избегали распространять это название на восточнославянские земли, находящиеся за пределами их политического объединения. Из краткой летописи, в которую вошли записи о событиях конца XV в., сделанные на Воыни, и присоединенной к ней похвалы Константину Остржжскому видно, что население восточнославянских земель, объединившихся вокруг Москвы, стало с этого времени постоянно обозначаться термином «москвичи» [35. С. 182, 125—126].

Однако наряду с новыми понятиями продолжало существовать старое понимание «Руси» как всей территории восточных славян. Именно в этом

смысле следует трактовать грамоту Казимира 1451 г., в которой господарь извещал, что по совету с Василием Темным «дали есмо» митрополиту Ионе «столець митрополичь киевський и всяя Руси, как первые было, по уставлению и по обычаю рускаго христианства» [34. № 67].

Отсутствие свидетельств местной исторической традиции может быть в известной мере компенсировано данными «Анналов» польского хрониста второй половины XV в. Яна Длугоша. Длугош широко использовал древнерусские летописи, что говорит о его контактах с восточнославянским населением на территории Великого княжества, и, следовательно, можно пытаться искать в его труде отголоски характерных для этой среды взглядов и представлений. Как известно, во вводной части своего труда Длугош рассматривал восточных славян как общность потомков одного предка — Руса, а, очерчивая границы земли, занятой этими потомками, отметил, что на севере они заходят за Новгород, самый богатый город на Руси [41]. Такой вывод Длугош, впрочем, мог сделать и сам на основании изучения древнейшей части летописей, где Новгород выступает в качестве важнейшей части Руси. Существенно, однако, что такие утверждения мы находим и в другой части его труда, в которой, говоря о походах Витовта на Псков (1426) и Новгород (1428), он прямо отмечает, что жители этих городов являются «русскими» по языку и происхождению. Более того, Длугош указывает, что «русские» в войске Витовта добивались заключения мира с Новгородом, заботясь о народе, с которым их соединяют та же религия, те же обычаи и язык [42]. Последнее свидетельство, основанное явно на сообщениях участников похода, говорит о живучести представления о единстве, тесной связи между отдельными частями «Руси». Здесь мы имеем дело лишь с началом изменений в этническом самосознании. Процессы дифференциации между отдельными частями восточных славян и их интеграции в рамках новых крупных политических общностей — Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского уже начались, но до их завершения было еще далеко.

Последняя проблема, которую хотелось бы затронуть, — это вопрос о появлении в источниках XIV—XV вв. особых обозначений для отдельных частей Руси — «Великая», «Малая» и т. д. Поскольку эти термины почти не встречаются в источниках восточнославянского происхождения, его можно было бы не рассматривать, если бы не высказанное сравнительно недавно мнение, что названия «Великая», «Белая», «Малая Русь» обозначали этническую территорию соответственно великорусской, белорусской и украинской народностей и что их появление — важнейший показатель, свидетельствующий о процессе формирования этих народностей [43]. Это заставляет вновь обратиться к вопросу о времени появления и характере использования этих названий — проблеме, которая неоднократно рассматривалась в научной литературе, в особенности в ряде работ А. В. Соловьева¹⁴.

Термин «Малая Русь» появился в византийских актах XIV в. в связи с хлопотами галицко-волынского князя Юрия Львовича о создании особой митрополии для его владений с центром в Галиче. Поэтому в одном из византийских документов середины XIV в. и называются «епископии Малой Руси, находящиеся в местности, называемой Вошьню» [34. Приложения. Стб. 13—14]. Термином «Вошьню», как было показано выше, в источниках XIV в. обозначалась как раз территория Галицко-Волинской Руси. Разграничение, проведенное в связи с церковным разделом, проникло затем и в светские источники — отсюда титул последнего галицкого князя Болеслава Юрия «dux totius Russiae mynoris» [15. С. 154]. В противовес Галицко-Волинской Руси вся остальная территория Руси, остававшаяся по-прежнему под управлением общерусского митрополита с резиденциями в Киеве и во

¹⁴Своеобразным итогом работы ученого над темой можно считать [44].

Владимире, получила название «Великой (или Большой) Руси»¹⁵. В начале XIV в. для владений литовских князей была создана особая «литовская» митрополия. В 1361 г. кандидату литовского князя Ольгерда на митрополичий стол Роману решением патриархии были переданы «литовские» епископии и епископии «Малой Руси» [34. Приложения. Стб. 76]. В Рогожском летописце в этой связи было отмечено, что Роман был поставлен «на землю Литовськоую и на Вольтыньскоую» [26. Стб. 65].

В дальнейшем понятие «литовских» епископств стало распространяться на всю территорию, находившуюся под властью литовских князей. При новом разделе митрополии в 1370-х годах связанный с литовским двором митрополит Киприан стал митрополитом «Литвы и Малой Руси», т. е. территорий, входивших в состав Великого княжества Литовского и Польского королевства, а оставшаяся территория, продолжавшая называться «Великой Русью», отошла к кандидату московских князей Пимену [34. Приложения. Стб. 171—172, 177—178]. Появление в византийских источниках XIV в. в связи с разделами общерусской митрополии терминов «Великая» и «Малая Русь», а также «Литва» было связано с разграничением политических зон влияния в Восточной Европе. Термин «Великая Русь» лишь к концу XIV в. стал совпадать с будущей великорусской территорией, а термин «Малая Русь» не совпадал с границами будущей украинской территории.

Другая группа терминов, появляющаяся в источниках XIV в., связана с «цветовыми» обозначениями отдельных частей Руси — «Белая», «Красная» («Червоная») и позднее — «Черная». По вероятному предположению Г. Людата, использование этих терминов восходит к практике словоупотребления тюркских народов, когда те или иные географические части страны (царства) обозначались разным цветом: белым — запад, красным — юг, черным — север [45]. Термин «белый» имел, однако, в тюркской среде и другое смысловое значение — «великий»: термину «Белая орда» в славянском переводе ярлыка золотоордынского хана Тохтамыша польскому королю Владиславу Ягайле соответствовало в тюркском оригинале документа словосочетание «ulug ulus», «великая орда» [44. S. 12].

В венгерских источниках XIV в. Галицкая Русь обозначалась как земля *Ruthenorum Albogum*, в то же самое время польский хронист Янко из Чарнкова упоминал о городе Полоцке, находившемся в *Alba Russiae* [44. S. 11].

В источниках раннего XV в., в частности в немецкой хронике Ульриха фон Рихенталя, появляется уже и определение *Roten Reyssen*, «Красная (Червоная) Русь». В одном из мест хроники этим термином обозначается Галичина, в другом — Смоленск. Позднее термин *Russia gubea* (или *gossa*) начинает устойчиво употребляться именно по отношению к Галицкой земле, возможно потому, что речь шла о чисто географическом определении — южная часть Руси [44. S. 13—14].

Более сложной оказалась история распространения терминов «Белая Русь» (возможно, в связи с многозначностью его семантического значения) и «Черная Русь», выступающего в оппозиции к первому. Так, в сочинении византийского хрониста второй половины XV в. Лаоника Халкокондила такие города, как Москва, Тверь, Киев, отнесены к «Черной» Сарматии (как хронист называет Русь), а территория Новгородской земли обозначена, как Сарматия «Белая» [44. S. 13—14]. С устойчивым наименованием Новгородско-Псковских земель «Белой Русью» мы сталкиваемся в источниках второй половины XIV — начала XV в., связанных с деятельностью Тевтонского и Ливонского орденов [44. S. 11]. Территория на север от Новгорода на ряде географических карт XV в. обозначена как *Russia Alba* в противоположность лежавшей южнее *Russia Negra* — название, относив-

¹⁵Оба термина употреблены в документах 1347 г. о ликвидации галицкой митрополии.

шеся на них одновременно к территориям и Великого княжества Литовского и складывавшейся Московской Руси [44. С. 14]. Наконец, в источниках второй половины XV в. появляется словосочетание *Russia Alba sive Moskovia* [44. С. 15]. Важно, что аналогичные и сходные словосочетания обнаруживаются, как известно, в записанных в Москве рассказах о Флорентийском соборе. В «Повести» Симеона суздальца Василий II именуется «белым царем всея Руси» [46. С. 207]. В рассказе так называемого свода 1479 г. о том же событии упоминается «большее православие и вышнее христианство Белье Руси» [47. С. 254]. Все это показывает, что интересующие нас термины, хотя и редко, встречаются и в восточнославянских источниках. По-видимому, и здесь «Белая Русь» употребляется в значении «Великая Русь», тем более, что и сам этот термин (правда, как внешний, используемый иностранцами) имеется также в «Повести» Симеона: «Славна бо земля та и фрязове зовут ея Великая Русь» [46. С. 199—200]. Не так просто, однако, решить вопрос о том, к какой части восточнославянской этнической территории этот термин в данном случае относится. Правда, наименование Василия Темного «белым царем» как будто заставляет отождествить «Белую Русь» с владениями московских князей, тем более что и его сын Иван в переписке с римским папой выступал как *Johannes dux Albae Rossiae* [44. С. 14]. Однако рассматриваемые памятники писались тогда, когда уже зарождалась концепция «собираения русских земель» под властью единственных «законных» преемников Владимира I — великих князей московских. Не исключено, что «Белая (Великая) Русь» обозначала здесь именно всю восточнославянскую территорию как законную «вотчину» московских князей. Такое предположение можно подкрепить свидетельством источника, созданного в конце XV в. на территории, находившейся под их властью — кормчей, написанной в Новгороде в 1493 г.: Владимир Святой привел первого митрополита Михаила «к Белой Руси х градуу Киевоу» [48].

Появление в источниках XIV—XV вв. данной группы терминов представляется весьма важным явлением, отражающим зарождение представлений о существовании серьезных различий между отдельными частями прежней Руси, с разных точек зрения не образующими единого целого. Однако нет никаких оснований говорить об устойчивой связи какого-либо из этих терминов с этническим ареалом одной из трех восточнославянских народностей.

Из проделанного исследования вытекают, как представляется, три следующих важных вывода.

Во-первых, следует несколько изменить взгляд на роль XIII в. в истории восточного славянства. В этот период произошло серьезное ослабление связей между Югом, Западом и Севером Руси, о чем ясно говорит содержание написанных после 1240 г. исторических памятников. Однако одновременно сошло со сцены понятие «Русь» в узком смысле, и области, лежавшие за пределами Среднего Поднепровья, гораздо более веско и последовательно, чем ранее, стали отождествлять себя с «Русью». Таким образом, во всем восточнославянском ареале в XIII в. усилилось чувство принадлежности к особой древнерусской народности, что было, по-видимому, естественной реакцией на имевшее место именно в эту эпоху небывалое расширение контактов с иноэтничными соседями и прямую конфронтацию с некоторыми из них.

Во-вторых, в XIV—XV вв. можно говорить о попытках осмысления общественным сознанием восточных славян тех (одновременно дифференцирующих и интегрирующих) процессов, которые привели к объединению разных частей восточного славянства в рамках новых крупных политических общностей. Попытки эти находили свое выражение в новом восприятии некоторых традиционных понятий, прежде всего в отождествлении восточ-

нославянских территорий, в рамках «своей» общности, со «всей Русской землей» и «великим княжением». Появление таких представлений не сводилось к целенаправленным действиям какого-либо одного политического центра (например, Москвы) и вызывалось к жизни, по-видимому, именно возникновением серьезных реальных различий в исторических (прежде всего политических) судьбах отдельных частей Руси. Это, как и появление особых названий для отдельных частей Руси, свидетельствует об определенном ослаблении традиционного представления о единстве восточнославянского мира, что в дальнейшем могло способствовать формированию представления о наличии в его рамках и этнических различий. Подобные процессы находились, однако, еще в самом начале: сохранялось устойчивое представление о «Руси» как этнополитическом единстве всех восточных славян и о «русском языке» как особом народе, включавшем всех восточных славян.

Что касается возникавших в это время социокультурных различий, то в XIV—XV вв. они лишь начинали осмысляться общественным сознанием и еще не выступают как один из критериев для зарождающегося разделения.

Наконец, в-третьих, еще одно замечание. Если в источниках и можно проследить осознание каких-то различий между (говоря условно) «Русью Московской» и «Русью Литовской», то нельзя обнаружить каких-либо признаков различного отношения к восточным славянам, живущим на север и на юг от Припяти.

Новый этап в развитии этнического самосознания восточных славян наступил во второй половине XV в., когда образовавшееся в это время единое Русское государство выступило с программой собирания всех «Русских земель» — возрождения Древнерусского государства с центром в Москве. И это не могло не вызвать сильной ответной реакции «Литовской Руси».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pritsak O., Reshetar J. S. The Ukraine and the Dialects of Nation Building//Slavic Review. 1963. N 2. P. 230—235.*
2. *Этнаграфія беларусаў. Мінск, 1985.*
3. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
4. Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I.
5. Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. II.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
7. Летописец Переяслава Суздальскаго//Временник Общества истории и древностей российских. М., 1841. Ки. 9. С. 110.
8. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб., 1841. Т. I. С. 61, 62, 65.
9. *Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 156—157.*
10. *Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.*
11. *Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950.*
12. Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. XVIII.
13. Полное собрание русских летописей. Л., 1925. Т. V. Вып. 1.
14. *Codex diplomaticus Prussicus/Ed. J. Voigt. Königsberg, 1842. Т. II. N 75.*
15. Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сборник материалов и исследований. СПб., 1907.
16. Грамоти XIV ст. Київ, 1974. С. 30—31.
17. *Баревинский Б. Історичні причинки. Львів, 1909. Т. II. С. 58.*
18. Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2.
19. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. М., 1977.
20. *Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 155, 157.*
21. *Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних»//Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974.*
22. *Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 364.*
23. *Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.*
24. Слово о полку Игореве и памятники куликовского цикла. М.; Л., 1966.
25. *Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.*

26. Полное собрание русских летописей. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1.
27. *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества//Известия АН. Серия VII. Отделение гуманитарных наук. Л., 1930. № 9.
28. Полное собрание русских летописей. СПб., 1863. Т. XV.
29. Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1.
30. Псковские летописи. М.; Л., 1955. Вып. 2.
31. Полное собрание русских летописей. СПб., 1851. Т. V.
32. Полное собрание русских летописей. Л., 1925. Т. IV. Ч. I. Вып. 2.
33. *Allen W.* The Ukraine. A history. Cambridge, 1941. P. 45; *Miller W.* Who are the Russians? London, 1973. P. 34.
34. Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI.
35. Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35.
36. *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче//Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7.
37. Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. VI.
38. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
39. Полное собрание русских летописей. СПб., 1907. Т. XVII.
40. *Чамярыцкі В. А.* Беларуская летапісы, як помнікі літаратуры. Минск, 1969. С. 40.
41. *Długosz J.* Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, 1964. Т. 1. S. 87, 90.
42. *Długosz J.* Opera omnia. Cracoviae, 1877. Т. 13, ks. 11. S. 340, 363—364.
43. История Украинской ССР. Киев, 1982. Т. 2. С. 328.
44. *Soloviev A.* Weiss, Schwarz und Roteussen. Versuch einer historisch-politischen Analyse//*Soloviev A.* Byzance et la formation de l'Etat russe. London, 1979.
45. *Ludat H.* Farben bezeichnungen in Volkernamen. Ein Beitrag zu asiatisch-osteuropäischen Kulturbeziehungen//*Saeculum.* 1953. N 4.
46. *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
47. Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. XXV.
48. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 154.

ЕВЗЛИН М.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И БЕЗУМИЯ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

Всякий историко-филологический комментарий повести Пушкина соотносился бы исключительно с верхним (не семантическим) слоем текста, несколько не касаясь ее структуры (мифологической во всех отношениях) и глубинных архетипических мотивов. Разумеется, социально-исторический уровень не должен совершенно исключаться из рассмотрения, поскольку является «материей» рассказа. В обществе, где распространена карточная игра (вообще азартные игры и сходные типы непроизводительной деятельности), возникает иллюзорное убеждение, что не вещи творят деньги, а наоборот. Оно не опасно, пока не становится общераспространенным убеждением о «чистом богатстве», т. е. не произведенном, а полученном через игру, обман или «философский камень». С того момента, когда даже честный и бережливый немец Германн увлекается игрой, т. е. поддается иллюзии «чистого богатства», с социологической точки зрения, возможно говорить о «разложении общества», о превращении его в паразитическое. И тем не менее, остается невыясненным самое существенное: возможность возникновения иллюзии, что золото имеет силу превращать *ничто* в нечто.

а) условия.

Повесть начинается сценой карточной игры. За ужином герой повести, Германн, слышит историю о графине¹, которая, после большого проигрыша, отыгрывается, благодаря тайне трех карт, открытой ей графом Сен-Жерменом.

О графе рассказывается, что «он выдавал себя за Вечного Жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня» [2. С. 211].

К нему обращается графиня, поскольку о нем было известно, что он «мог располагать большими деньгами». Следует обратить внимание, что говорится не «располагал», но «мог располагать большими деньгами». Являясь обладателем философского камня (сделаем допущение, что он им в действительности обладал), который в состоянии обращать в золото любой

Евзлин Михаил — лектор русского языка в Университете г. Тренто.

¹ Многозначительно, что слышит он историю после того, как «шампанское *явилось* (курсив наш.— М. Е.), разговор *оживился* (курсив наш.— М. Е.), и все приняли в нем участие». Вместо нейтрального и более уместного в описании ужина «принесли» употребляется «явилось», словно идет речь о *явлении Духа*. Шампанское, благодаря этому глаголу, приобретает черты Сомы, которая есть одновременно священный напиток и божество, дающее бессмертие и связывающее небо с землей, т. е. открывающее иные миры (о соме см. [1. Т. 2. С. 462—463]).

металл, Сен-Жермен соответственно располагает неограниченной возможностью иметь любое количество золота.

На просьбу графини он отвечает: «... Есть другое средство: вы можете отыгаться». И затем открывает ей тайну трех выигрышных карт, которые позволяют ей «отыгаться совершенно»: «Тут он открыл ей *тайну* (курсив наш.— М. Е.), за которую всякий из нас дорого бы дал...». Фраза не заканчивается, вернее, заканчивается многозначительным многоточием. При рассмотрении текста как знаковой системы, это многоточие заставляет предположить о некоем «красноречивом умолчании», которое, в духе современной Пушкину романтической литературы, вероятно подразумевает «условия» раскрытия *тайны*. В романтической литературе — это «договор с дьяволом». Достаточно вспомнить самые знаменитые примеры: *Мельмот-скиталец*, *Фауст*. В первом случае достигается бессмертие, которое оказывается проклятием Вечного Жида; во втором — земная полнота жизни, которая также оказывается ложной: слепой Фауст проваливается в черную могильную яму (символ вечного мрака, дьявольской бездны) в тот момент, когда желает «остановить мгновенье», т. е. закрепить земное строительство и тем самым навеки закрыть самую возможность иного онтологического измерения. Дьявол побеждает. Победа его, разумеется, не окончательная. Романтический мотив «договора» с дьяволом связан с христианскими представлениями о борьбе Бога и дьявола за душу человека. «Пиковая дама» имеет тему мифологическую, поэтому предположение, казалось бы, естественное в контексте романтической литературы, с которой ближайшим образом соотносится творчество Пушкина, что многоточие подразумевает «договор с дьяволом» никак не подтверждается дальнейшим сюжетным развитием повести. Само соприкосновение с тайной ослепляет, вызывает необратимое искажение и отяжеление человеческой души. Поэтому мотив «договора» применительно к мифологии тайны² не имеет смысла.

В дальнейшем графиня более не касается карт, несмотря на страсть к ним — следовательно, условия, поставленные Сен-Жерменом, состояли в том, что тайной можно воспользоваться только один раз и ни в коем случае не с целью обогащения, что графиня в точности исполняет: «Да, черта с два! — отвечал Томский, — у нее было четверо сыновей, в том числе и мой отец: все четыре отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны». Раскрыла она тайну только однажды молодому Чаплицкому: «Он был в отчаянии. Бабушка, которая всегда была строга к шалостям молодых людей, как-то сжалилась над Чаплицким. Она дала ему три карты, с тем, чтоб он поставил их одну за другой, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть». Чаплицкий полностью отыгрывается, но жизнь свою тем не менее кончает в нищете. Естественным делается предположение, что он «умер в нищете», потому что не исполнил *условий*. Следует предположить, что и сама графиня не исполнила условий, раскрыв тайну другому, за что она расплачивается, умирая насильственной смертью (непреднамеренность со стороны Германа не имеет никакого значения: «ты убийца старухи!»). Само ее *соучастие* в тайне влечет необратимые процессы. Всячески подчеркивается безобразие графини, притом какое-то особенное, о чем непрямо свидетельствует следующее описание: «Германн был свидетелем *отвратительных* (курсив наш.— М. Е.) таинств ее туалета; наконец графиня осталась в спальном кофте и ночном чепце: в этом наряде, более свойственном ее старости, она казалась менее ужасна и безобразна (курсив

² Для европейцев конца XVIII — начала XIX в. мифологией par excellence была мифология древнегреческая. Поэтому было бы некорректным анализировать пушкинскую повесть, скажем, пользуясь данными японской или австралийской мифологий. Однако, поскольку речь идет об архетипических мотивах, полагаем, допустимо привлечение данных из других мифологий, если в них находится «ключ» к исследуемому мотиву.

наш.— М. Е.)». Заметим также ее определение как *ужасной*, относящееся не столько к физическому облику графини, сколько к безумию, которое является постоянным ее состоянием: «В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли». Орест ощущает безумие [3] как приближение ужаса; последнее, что чувствует Германн перед тем, как окончательно сойти с ума,— ужас. Ужас и безумие становятся неизбежным фатальным результатом для всех, имеющих какое-то отношение к тайне.

Из сказанного следует, что речь может идти только о *формальных условиях*, которые не имеют отношения к раскрытию тайны (тайна раскрывается без условий), но, по всей видимости, только к *предохранению* от возможных губительных ее последствий.

В романтическом «договоре» раскрывается содержание тайны: каждая из сторон имеет вполне определенную цель, оговариваются условия — земное изобилие и вечное проклятие. Вместо действительной тайны здесь скорее имеется в виду *таинственность*: таинственный незнакомец, огненный взор, черный плащ, черный кот и т. п. Одним словом, условия совпадают с содержанием тайны и раскрывают ее в достаточной мере, чтобы читатель чувствовал себя посвященным. В повести Пушкина тайна анализируется в своих последствиях и губительных влияниях, и таким образом как бы приоткрывается, но никогда не раскрывается полностью, потому что «три карты» — не сама тайна, но только первое и сразу же обжигающее *прикосновение* к ней.

б) философский камень.

«Изобретатель философского камня» Сен-Жермен является также обладателем тайны трех карт. Подобно философскому камню, который превращает обыкновенный металл в золото, они имеют силу обращать проигрыш в выигрыш. Таким образом, философский камень и три карты представляют собой как бы различные стороны единой тайны — тайны золота, которая, в свою очередь связана с тайной подземного мира [4]. Об Аиде говорится, что ему принадлежат все драгоценные металлы [5. Р. 108]³. Доверяя графине тайну трех карт, Сен-Жермен посвящает ее в тайну подземного мира, к которому он сам причастен. Представляя себя как изобретателя жизненного эликсира (символ искусственного продолжения жизни с помощью магических средств), философского камня (символа земного всемогущества — золота) и как Вечного Жида (символ вечного проклятия и бесконечно длящегося призрачного существования), он раскрывает свою связанность с подземным миром смерти, т. е. в конечном счете тайна трех карт и запрещения пользоваться ими более одного раза оказывается тайной смерти, посвященной соучастницей которой становится графиня.

с) «Три злодеяния».

История, рассказанная внуком графини, Томским, производит сильное впечатление на Германа, хотя вначале он называет ее «сказкой».

«Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение и целую ночь не выходил из его головы. „Что, если,— думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу,— что, если старая графиня откроет мне свою тайну!“...

... Удивительный анекдот снова представился его воображению. Он стал ходить около дома, думая об его хозяйке и о чудной ее способности. Поздно воротился он в смиренный свой уголок; долго не мог уснуть, и когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы решительно, выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман. Проснувшись уже поздно, он вздохнул о потере своего фантастического богатства, пошел опять бродить по городу и опять очутился перед домом графини... Неведомая сила, казалось, привлекала его к нему. Он остановился и стал смотреть на окна. В одном увидел он черноволосую головку, наклоненную, вероятно, над книгой или над работой. Головка приподнялась. Германи увидел свежее личико и черные глаза. Эта минута решила его участь».

³ Аид именуется также Плутоном (πλούτης — богатство), он «владелец несметных человеческих душ и скрытых в земле сокровищ» [1. Т. 1. С. 51]. Источник земного богатства находится в подземном мире и распоряжается им Аид — бог мертвых.

Почему именно «эта минута решила его участь»? Падение Германна в действительности совершается не в «эту минуту», но во сне, после чего он попадает во власть «неведомой силы». «Черноволосая головка» и «свежее личико» рождают в его уме только план проникновения в *тайну*. Первый сон Германна — предварение второго: в первом тайна является ему в своих земных плодах (золото и ассигнации — богатство), во втором раскрывается тайна трех карт, т. е. дается магическое средство, которое должно воплотить это первое его ночное видение. Подобно Пирифою, истолковавшему ироничный оракул Зевса слишком серьезно [5. Р. 331], Германн отправляется в подземное царство, имея перед собой цель, но не представляя себе, куда он отправляется и чем это ему грозит. Не просто за посягательство на супругу Аида, Парсефону, но именно за безрассудное вторжение в запретный для смертных предел Пирифой должен терпеть вечные муки. Он преступил порог, после которого становится невозможным возвращение. В «эту минуту» Германн преступил порог. Дальнейшие события развиваются с фатальной (в мифологическом смысле этого слова) логикой. Германну в последний момент предоставляется возможность выбора (так же как и Пирифою, вопросившему оракул, но истолковавшему его в соответствии со своими желаниями): «...справа находилась дверь, ведущая в кабинет; слева, другая — в коридор. Германн ее отворил, увидел узкую витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы... Но он воротился и вошел в темный кабинет». Германн вошел в ад.

После того, как Германн вышел от мертвой графини и пришел к ее воспитаннице, «Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томского раздались в ее душе: у этого человека по крайней мере три злодейства на душе!». Эти слова Томский произносит на балу, но несколько иначе: «Я думаю, что на его совести (курсив наш.— М. Е.) по крайней мере три злодейства». Здесь речь идет не о синонимах, а о совершенно разных понятиях, отмечающих трансформацию личности: «Он не чувствовал угрызения совести при мысли о мертвой старухе. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, от которой ожидал обогащения». Поэтому «злодейства» лежат уже не на *совести*, которая делает возможными «угрызения», т. е. *возвращение*, но на *душе*, т. е. стали необратимым состоянием.

Лизавета Ивановна видит Германна — видит отмеченность его «тремя злодействами» (они точно соответствуют трем картам, ради которых «злодейства» эти совершаются).

Первое злодейство. Может показаться странным, что настаивается именно на «трех злодействах», хотя, казалось бы, совершается только одно: Германн становится невольной причиной смерти графини. Однако настаивание именно на «трех злодействах» раскрывает мифологическую структуру преступления Германна, различая в нем три элемента, слитых в единое Преступление. Желая обогатиться, он решается силой овладеть тайной, но поскольку тайна эта есть тайна подземного мира, т. е. запрещенная для смертных людей, следовательно, покушение на эту тайну есть «злодейство».

Второе злодейство. Войдя тайно в кабинет графини, Германн невольно становится «свидетелем отвратительных таинств ее туалета», т. е. подсматривает за раздевающейся графиней и видит то, что не должно никому видеть. Актеон видит купающуюся Артемиду, и за это погибает, растерзанный собственными собаками [6. С. 32]; Хам видит «наготу отца своего» Ноя, и за это проклинается (Бытие, 9, 20—27); Анхиз ужасается, когда узнает, что провел ночь с богиней (Himn. Nom. 180—190). Желая обладать тайной трех карт, Германн становится свидетелем другой тайны, и притом «отвратительной»: обнажение как бы приоткрывает тайну, в которую Германн вовсе не желал проникать, но раскрытие этой нежелательной тайны является необходимым условием другой, т. е. в действительности эти две тайны едины — одна предполагает другую. Через графа

Сен-Жермена графиня становится сопричастной подземному царству мертвых — она как бы «хтонизируется». Сама по себе старость есть состояние «хтоническое», свидетельствующее о причастности к миру мертвых, подземному царству. Старость графини постоянно подчеркивается и описывается в своих наиболее очевидных и страшных проявлениях: «Графиня сидела вся желтая, шеveled отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание *страшной* (курсив наш. — М. Е.) старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма». Кажется, не старуха-графиня сидит в кресле, но сама спящая Эриния, оживающая только от запаха проливающейся крови. Старость — основная характеристика хтонических существ, зачастую как изначальное их состояние⁴. О графине предполагается, что она была молодой, но описание ее портрета в молодости нисколько в этом не убеждает: «На стене висели два портрета, писанные в Париже m-me Lebrier. Один из них изображал мужчину лет сорока, румяного и полного, в светло-зеленом мундире и со звездой; другой — молодую красавицу с орлиным носом, с зачесанными висками и с розою в пудренных волосах». Это описание живо заставляет вспомнить салонную французскую живопись предреволюционной эпохи: бесконечных моложавых («лет сорока» — символ абсолютно среднего, безличного) вельмож, непременно со звездой, и дам с ярко раскрашенными щеками. Ничего более антиэротического, кажется, вообразить невозможно. В памяти остается только одна деталь портрета, не имеющая никакого отношения ни к молодости, ни к красоте, — орлиный нос. Черта многозначительная — словно не о придворной даме идет речь, но о кровожадном хищнике. А посему, желая проникнуть (*volente*) в тайну трех карт, он проникает (*volente*) в тайну «хтонической»⁵ природы графини, т. е. совершает второе «злодейство» (продолжение сноски см. на стр. 72).

⁴ Эринии, наиболее полно представляющие хтонических существ — вечные старухи. В славянской мифологии Баба-Яга — вечная старуха. Ее хтоническое происхождение и принадлежность миру мертвых более чем очевидно [1. Т. 1. С. 149]. Атрибут старости — свидетельство непреодоленного хтонического начала и хаотического безвременья, когда мир еще не определился в своих пространственно-временных параметрах. Возможность появления в наземном мире хтонических существ, вроде Эриний, свидетельствует также о неполной отделенности хаотического «безвременья» от божественно структурированного космоса, испытывающего своего рода «напор» глубинного «остаточного» хаоса, сконцентрированного в Тартаре.

⁵ Архетипический мотив обнаружения хтонической природы бога в древнегреческих мифах о «подсматривании» вовсе не очевиден и может быть реконструирован только на основании косвенных данных. В героической олимпийской мифологии хтоническое начало преодолевается [1. Т. 1. С. 321—334; 7], боги как бы «очищаются», «напоминание» о их первоначальной природе им «ненавистно» (Hes., Theog. 739—740). Налагается строжайший запрет на все, что может как-то приоткрыть тайну, при этом скрывается истинная его причина. Этот запрет имеет прежде всего онтологическое значение, поскольку главная его цель — максимальное сокращение контактов с разрушительными хаотическими стихиями, которые представляют «объективную» опасность для только установившегося в своей структуре мироздания. Появление богинь девственниц является свидетельством окончания теогонического процесса и закрепление мира в основных его структурах. Поэтому подсматривание Актеона за купающейся Артемидой карается с такой мгновенной беспощадностью.

Историческое объяснение проклятия потомков Хама превращает миф в своего рода «идеологическую надстройку»: миф якобы создается для идеологического оправдания, в данном случае, рабства, хаанаения у евреев [8. Р. 148, 2]. Использование мифа для «идеологического оправдания» — вещь вполне естественная и практиковавшаяся во все времена. Не корректно только смешение *использования* с *возникновением*. Поздние использования нисколько не раскрывают как причины возникновения мифа, так и его архетипическое содержание. Кастрация Ноя Хаананом, сыном Хама [8. Р. 147] уточняет значение «наготы»: Хаанан как бы до трагивается до запретной «хтонической точки». Поэтому проклятие, произносимое Ноем, — объективно, т. е. относится к охранению бытия от разрушительного действия хаоса, бездны [1'hom]), тем более, что история о проклятии Хаанана следует непосредственно за сказанием о всемирном потопе. О начале потопа рассказывается: «...разверзлись все источники великой бездны» (Бытие, 7, 11). (В древнееврейском оригинале: [nivzaku kol majanot

Третье злодейство. Оно, как и второе («подсматривание»), невольное. Вольное — только первое, влекущее фатально два других. И поэтому никакими иными, кроме как «невольными» они быть не могут: «какая-то *неведомая сила* (курсив наш.— М. Е.), казалось, привлекала его к нему», т. е. к дому графини, где совершаются два другие «невольные» «злодейства». Но именно последнее «злодейство» заключает фатальный круг, делает абсолютной безвыходность и *безвозвратность*, которая символизируется безумием Германна. Безумным Германн становится в тот момент, когда входит в соприкосновение с тайной, подпадает под действие «неведомой силы». Но и сама «страшная старуха» безумна: «В мутных глазах ее изображалось *совершенное* (курсив наш.— М. Е.) отсутствие мысли», т. е. одно только прикосновение к *тайне* делает человека безумным. Германн как бы заражается безумием графини: его окончательное безумие — выявление совершившегося в нем безумия, как имманентного возмездия тайны.

«Вы чудовище! — сказала наконец Лизавета Ивановна.— Я не хотел ее смерти,— отвечал Германн,— пистолет мой не заряжен». И тем не менее Германн признается: «И кажется, ... я причиною ее смерти». И далее: «Не чувствуя раскаяния, он не мог, однако, совершенно заглушить голос совести, твердившей ему: ты убийца старухи!». Винодность Германна подтверждается также и призраком старой графини: «Прощаю тебе мою смерть».

Итак, следуя по пути тайны, Германн становится убийцей, но убийцей особого рода, в том самом смысле, в каком убийцей был Орест — матерью-убийцей. Орест вынужден совершить убийство матери, мстя за убитого отца, осознавая при этом совершенно ясно следствия и ожидающее его возмездие. Кровь матери вызывает к жизни страшных Эриний [9. Р. 43]. То, что Германн — матерью-убийца (был ли он в действительности сыном графини или нет — абсолютно иррелевантно: он становится ее сыном через *тайну*; кроме того, следует различать текст как знаковую систему, где каждое слово, оговорка, казалось бы совершенно незначительная, значима, от банально-биологического уровня) косвенно подтверждается неожиданными и, казалось бы, никак не связанными с темой и тем не менее в высшей степени многозначительными словами «близкого родственника покойницы», который «шепнул на ухо стоящему подле него англичанину, что молодой офицер ее *побочный сын*» (курсив наш. — М. Е.). Собственно, эта ложь, выдуманная для того, чтобы оправдать падение Германна около

(*'hom gaba*). Мир, которому грозила опасность поглощения бездной (вода истекает из «великой бездны», она является как бы «содержанием» бездны), становится миром за прета.

В греческой мифологии «хтоническое» происхождение запрета яснее всего просматривается в мифе об Орфее и Эвридике. Орфей нарушает условие, поставленное Аидом, и теряет навсегда Эвридику: он не должен видеть ее, пока она не выйдет из царства мертвых, т. е. до того, как с нее не сойдет печать тайны. Сходный мотив содержится в японском мифе о Идзанаки и Идзанами [1. Т. 1. С. 433—434, 479—480]: здесь мотив невольного подсматривания непосредственно предстает как обнаружение тайной природы бога, т. е. его смертности. Намечательно в этом мифе, что страна мертвых (*эми-но кuni*; оно точно соответствует греческому Тартару — «остаточному» мраку-хаосу) появляется одновременно с миром, и богиня Идзанами, умершая при рождении бога огня, становится первой ее «обитательницей», пришедшей из верхнего мира. Когда за ней приходит Идзанаки, она отправляется посоветоваться с богами подземной страны, т. е. страна «населена», но населена исключительно существами хтоническими, никогда не выходившими из «утробного» мира. Теогонический процесс, таким образом, можно представить как самопорождение и самовыход в результате возникшего «напряжения» в недрах хаоса. Этот самовыход осуществляется только частично. Эта частичность символизируется подземной страной и населяющими ее подземными богами. Здесь можно говорить о своего рода мифологической эволюции, а о подземных обитателях как об эмбрионах (см. [4]), не преодолевших своей начальной «утробности». Смерть Идзанами также может рассматриваться как «инцидент» в миротворении, как вариант мифологического «естественного отбора», вследствие которого происходит возвращение к «эмбриональному» состоянию, т. е. распад новообретенной формы бытия. Этот японский миф позволяет раскрыть первоначальный архетипический смысл за прета и, соответственно, наказать за его нарушение вне зависимости, было ли оно совершено *volente* или *potente*.

гроба графини, кажется странной и неуместной, никак не оправданной внешней незначительностью случая: человек оступился и упал. Что может быть естественнее этого факта? И действительно, «этот эпизод» только на «несколько минут» «возмутит» «торжественность мрачного обряда».

Это «качество» матереубийцы вполне довершает и объясняет безумие Германна. Сколь оправданным ни было убийство Орестом своей матери Клитемнестры, он должен (и он знает и принимает это) понести наказание — возмездие Эриний. Приближение этого возмездия он ощущает сразу: «Чем я кончу, сам не ведаю... / С ристалища метнулись кони разума / И понесли возницу... Мыслей бешенных / Не удержать мне... К сердцу подступил и песнь / Заводим Ужас» [3. С. 1021—1025]. Это тот самый Ужас, который почувствовал Германн, когда он «взошел на ступени катафалка и наклонился... В эту минуту оказалось ему, что мертвая насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом. Германн, поспешно подавшись назад, оступился, и навзничь грянулся об землю». Далее следуют слова, что «молодой офицер ее побочный сын», т. е. «в эту минуту» он разоблачает себя как матереубийцу⁶.

В безумии Орест «угадывает» «свору мстящей матери» Эриний. Само присутствие Эриний означает безумие: «С самого начала Эринии безумны; именно благодаря своему безумию они в состоянии сделать безумными своих жертв» [9. Р. 46].

Настаиваем: безумие Германна есть безумие фатально прогрессирующее, вызванное прикосновением к тайне, притом к тайне темной. Темнота — определяющее «качество» тайны, т. е. тайна всегда есть тайна темноты. Тартар — определяется как *мрачный* (ἡρώειδής) (Hes., Theog. 119, 682), т. е. сфера *мрака*. Мрак скрывает чудовищ, из него они рождаются. Войдя в сферы мрака Германн также становится чудовищем: «Вы чудовище!», говорит ему Лизавета Ивановна. Это — точное определение нового, «темного», «качества» Германна — он стал сыном-порождением тьмы, графини. И это раскрывает, если угодно, «онтологическую» суть преступления — как того, что фатально ведет за черту мирового порядка, которая отождествляется с бронзовой стеной (Hes., Theog. 726), окружающей Тартар, тем самым охраняя структурированный олимпийский мир богов от разрушающего и отравляющего проникновения мрака, который не есть более потенция рождения, но место заключения разрушительных сил — своего рода ядовитых отходов миротворения. Преступление вводит в непосредственное прикосновение с этой мрачной «остаточной» сферой, ненавистой даже богам (Hes., Theog. 739—740). Ненавистой также и по причине, что в Тартаре как бы сокрыта тайна их хтонического происхождения.

Германн является матереубийцей также и в том смысле, в каком им является Эдип⁷.

Германн лихорадочно размышляет: «Представиться ей, подбиться в ее милость, — пожалуй сделаться ее *любовником* (курсив наш. — М. Е.), ... а ей восемьдесят лет». Эти «восемьдесят лет» исключают всякий сексуально-эротический момент из разворачивающейся драмы. Инцест и мате-

⁶ Этот мифологический мотив матереубийства, несомненно, определяет и структуру «Преступления и наказания» Достоевского.

⁷ Эринии, «охранительницы материнского права» [1. Т. 2. С. 666—667], «преследуют Ореста за убийство матери», но они преследуют также невольного кровосмесителя Эдипа (еще раз подчеркиваем *volente* или *volente* совершается преступление а б с о л ю т н о иррелевантно в мифологической системе, поскольку преступление всегда «онтологично», т. е. нарушает объективный порядок): ...τῆ δ' ἄλγεα κάλλι' ὀλισσωίλολλά μάλ'. ὄσσα τε μητρὸς Ἑρωναῖ ἔτελέουσι. Ном. Од., XI 279—280. (Ему же боли оставила//великие, которые совершают материнские Эринии.— Дословный перевод). Иокаста считает Эдипа своим убийцей, поэтому она сзывает Эриний. Таким образом, инцест и матереубийство расцениваются как варианты одного и того же преступления и соответственно наказываются одинаково. Связь Эдипа с Эриниями, а также с первопреступлением Кроноса отмечается в [10].

реубийство для мифологического сознания имеют одно и то же значение абсолютного преступления. К этому следует присоединить и «подсматривание» («Германн был свидетелем отвратительных таинств ее туалета»), т. е. «подсматривание», матереубийство и инцест, как вариант матереубийства, ставятся в один семантический ряд⁸. Подсматривание, инцест и матереубийство всегда означают прикосновение к темной тайне, невольное разоблачение (обнажение) смертной, «тартаровой» глубины бытия. Иокаста, узнав, что она была женой собственного сына, кончает самоубийством. Эдип становится здесь «невольной» причиной смерти матери, т. е. фактически матереубийцей. Это — архетипический смысл инцеста, как иной формы матереубийства, который не следует смешивать с поверхностно-психологическим.

д) сон Германна.

Три «злодеяния» совершены. За ними следует возмездие. Инструментом возмездия становится сон. «Возвратясь домой, он бросился, не раздеваясь, на кровать и крепко заснул. Он проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату». К Германну является призрак графини. «Поэтическая» деталь «луна озаряла его комнату» символизирует здесь ночное (призрачное) состояние мира.

Богиня Ночь порождает из самой себя Сон (Ἦπνος) и Сны (ὄνειροι). «Традиция говорит о снах как о детях Ночи или Земли. И та и другая являются божествами, которые принадлежат к предкосмическим потенциям, которые, отменяя на время божественный порядок, делают границы между тем, что имеет свое устойчивое местоположение в человеческом организованном мире, и тем, что еще остается причастным амбивалентности первоначал. Сон имеет своей сферой действия пространство и время еще до конца не определенные, где отсутствует божественный порядок» [11. Р. 24]⁹.

Присутствие луны с ее неверным светом является преддверием должного явиться видения. Геката, богиня мрака, ночных видений и чародейства, является также и лунной богиней [6. С. 143]. Луна-Геката в этом своем аспекте символизирует мир ночных видений, обитающих у «пределов тумана и тленья» (Hom., Od. XXIV, 14) [14; 15]. Именно туда, где обитают боги сна, ведет Гермес (Эрминий), «бог килленейский, мужей умерщвленных» [15, 1]:

Так, завизжав, полетели за Эрминием тени; и вел их
Эрминий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
Мимо Левкада скалы и стремительных вод океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провевали тени на Асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают [15, 9—14].

⁸ По Гесиоду (Hes., Theog. 126—127) первым порождением Земли, Геи, было Небо, Уран. От союза Геи и Урана (т. е. матери и сына) рождаются чудовища, которых Уран прячет в земной утробе, т. е. в какой-то момент происходит как бы «задержка» в миротворении: кровосмесительный союз матери и сына начинает производить только чудовищ, которые настолько чудовищны, что не могут выйти из утробы матери, присутствуя в ней как невыносимая тяжесть. Облегчение может прийти только через прекращение дальнейшего наполнения утробы Земли страшными порождениями Неба, совершенно излишними и вредными в отношении дальнейшего продолжения миротворения, более того, являющимися для него главным препятствием, заводящим его как бы в «тупик». Дальнейшее наполнение Земли чудовищами означало бы, по всей видимости, катастрофу, и кровосмеситель Уран стал бы убийцей своей матери. Поэтому инцест и матереубийство являются абсолютным преступлением, поскольку имеют свой космо- и теогонический архетип.

Это — «онтологическое» объяснение инцеста, повсеместного его запрета и ужаса, который он вызывает в особенности в архаических традициях, несколько не исключает социологического толкования. В том и другом случае сохраняется фундаментальный структурный элемент: инцест как задержка развития мира или рода, возвращение их к тесным и темным пределам Тартара как «остаточного» (поэтому «тесного») хаоса.

⁹ О снах в древнегреческой литературе и мифологии см. также [12—13].

Сны и тени умерших помещаются в той же самой подземной сфере¹⁰: видения, тени умерших, чародейство, Эринии, богини местности, Геката, богиня видений и волшебства — все они обитают в царстве вечного мрака. Поэтому то, что призрак графини представляется как реальный, «объективный», свидетельствует, что «сон» Германна конструируется по мифологическому образцу, непосредственным литературным источником которого является «Одиссея» Гомера. Это «влияние», разумеется, следует понимать архетипически¹¹, а не как простое «заимствование».

О гомеровских снах говорится: «Наиболее характерная форма та, которая описывает сон как существо, обладающее личной автономией. Такой природой обладает большинство гомеровских снов, действие которых разворачивается в психике спящего, но при этом в реальном физическом пространстве: сон проникает в комнату, принимает человеческий образ, встает у изголовья заснувшего, передает ему свое сообщение» [11. Р. XIII]. Это сообщение может быть как правдивым, так и ложным:

— Странник, конечно, бывают и темные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь; и не всякой сбывается сон наш.
Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;
Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья [15, XIX, 560—567].

Имея своей главной целью передачу сообщения (вне зависимости от того, ложное ли оно или нет) сон или ночное видение всегда являются «объективными», представляют реальность, хотя «онтологически» иную — бестелесную, ночную, актуализируемую по чужой воле.

Сердцу его наконец показалася лучшею дума:
Сон послать обманчивый мощному сыну Атрея
Зевс призывает его... [17, II, 5—7].

Рек он; и Сон отлетел, повелению Зевса покорный [17, II, 16].

«Обманчивый»¹² сон посылается Зевсом с целью отомстить ахейцам за оскорбление, нанесенное Агамемноном Ахиллу. «Обманчивый» сон здесь — орудие возмездия.

«Сон» Германна в точности следует этой мифологической структуре гомеровских сновидений:

¹⁰ Связь снов с подземным миром выявляется также в функциях Гермеса. Он — проводник душ в царство мертвых, но также вестник богов, сообщающий людям их волю во сне, который он наводит, касаясь человека своим золотым жезлом. Ему Зевс приказывает убить Аргуса, которого он усыпляет игрой на свирели, а затем убивает, т. е. наводит на него *обманчивый сон*,¹¹ являющийся средством возмездия и преддверием смерти (см. [6. С. 292—293]).

¹¹ О мифологических мотивах у Пушкина говорилось достаточно. Первой попыткой обнаружить архетипическое содержание в творчестве Пушкина можно считать известную статью М. Гершензона «Мудрость Пушкина». Разумеется, понятие «архетипа» в ней не используется. Сознательное намерение автора — реконструировать некую архаическую, «докультурную» мудрость-философию поэта. Сама по себе попытка найти вневременные и бессознательные источники поэтического творчества представляется в высшей степени ценной [16].

¹² О двойственном значении сна говорится в орфическом гимне ¹Ουεφρον [18]: благочестивым людям боги раскрывают во сне будущее, безбожникам они предвещают несчастья.

1. Он «объективен», поэтому Германи видит призрак графини не «во сне», а «наяву».

2. Это «обманчивый» сон, так как он посылается как возмездие за «три злодеяния».

3. Именно «объективность» сна убеждает спящего в его несомненной достоверности. В сне Агамемнона это убеждение достигается тем, что приносимое сообщение отвечает, во-первых, пожеланиям самого царя и, во-вторых, заканчивается словами о том, что боги достигли окончательного согласия и угрозой на случай неисполнения повеления богов.

«Обманчивый» сон делится, таким образом, на две части: в первой сообщается нечто, во второй это сообщение наделяется видимостью достоверности с тем, чтобы окончательно убедить спящего.

Первое, что говорит призрак графини, это: «Я пришла к тебе против своей воли», затем сообщает тайну трех карт. И чтобы окончательно убедить Германина, ставит ему условия: не играть потом в карты и жениться на «воспитаннице Лизавете Ивановне». Здесь сон имеет тройственное деление: вступление, сообщение, условия. Более логичным, если речь идет в самом деле об условиях, сначала (после вступления) поставить условия и только потом, по приятии их, раскрыть тайну. Нарушение естественного логического порядка должно было внушить подозрение, что речь идет не об условиях, а о чем-то совсем другом. Далее, условие, которое ставит Германину графиня («...чтобы ты в сутки более одной карты не ставил»), не совпадает с условием, которое она поставила Чаплицкому: («...чтоб он поставил их одну за другой»). Сама она также играет тремя картами в один день и в одну игру. Завершение судьбы Германина разъясняет это разделение игры на три дня: оно предстает как *намеренное* отступление от фундаментального условия тайны трех карт — *одной игры*, а здесь имеет место уже не одна игра, а *три*. Это новое «невольное» нарушение, по внушению призрака графини, основного условия делает тем более неотвратимым возмездие.

Германин не обращает на это никакого внимания, а также на несоответствие условий, поставленных ему и Чаплицкому, и в третий день игры, который соответствует стоящему на третьем месте условию, вместо выигрышного туза вытягивает «пиковую даму»: «В *эту минуту* (курсив наш.— М. Е.) ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его...— Старуха! — закричал он в ужасе».

Возмездие свершилось. Германин сходит с ума. Яд тайны достиг его мозга и отравил его окончательно. Безумный человек как тень. Безумие внушает такой же священный ужас, как и смерть (см. [19]). Безумие и смерть обитают в одном и том же «месте», имеют единое происхождение. Тени мертвых безумны, поскольку *бессмысленны*; безумна Геката, охотящаяся среди могил и призраков преисподней, безумны Эринии, насылающие на своих жертв сначала безумие, а потом выпивающие их кровь, безумны титаны и чудовища, заключенные в Тартаре, а посему всякое соприкосновение с подземным царством имеет своим первейшим и страшным следствием Безумие¹³, т. е. распад под действием хаотических сил структуры макро- и микрокосмоса.

В этом отношении повесть Пушкина является единственной в своем роде реконструкцией фатальной мифологической (архетипической) логики преступления и безумия. Безумие всегда является следствием преступления, поскольку есть преступление мирового порядка, разруше-

¹³ О безумии в древнегреческой мифологии см. [20].

ние божественной структуры мироздания. Поэтому преступление и безумие онтологичны, ибо уводят в сферу, которая опасна даже для богов, а посему ненавистна им¹⁴.

е) *delirium*. Психологический комментарий.

Эпиграфом к истории Германна можно было бы поставить слова К. Г. Юнга: «кто беден, тот желает, и кто желает, навлекает на себя какую-нибудь фатальность» [22. Р. 14]. Повесть Пушкина вполне может служить иллюстрацией основных положений аналитической психологии (см. [22]) о конфликтной ситуации, вызываемой вторжением в сознание бессознательного архетипического содержания¹⁵.

О Германне рассказывается: «Германн был сын обрусевшего немца, оставившего ему маленький капитал. Будучи твердо убежден в необходимости упредить свою независимость, Германн не касался и процентов, жил одним жалованьем, не позволял себе ни малейшей прихоти. Впрочем, он был скрытен и честолюбив, и товарищи его редко имели случай посмеяться над его излишней бережливостью. Он имел сильные страсти и огненное воображение, но твердость спасла его от обыкновенных заблуждений молодости. Так, например, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему (как сказывал он) *жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее*, — а между тем, целые ночи просиживал за карточными столами, и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры».

Это описание расчетливого и рационального немца позволяет предположить, что он был протестантом. Это вовсе не означает, что немцы-протестанты отличаются какой-то особенной расчетливостью и рациональностью. Осторожность, закрытость «страстям молодости», маниакальное желание обрести независимость, которая понимается как *обладание капиталом*, — точное описание душевного и умственного состояния человека эпохи Просвещения, начало которому было положено Реформацией.

И тем не менее за рационализированной поверхностью сознательного скрываются «сильные страсти и огненное воображение».

«В душе» Германн был «игрок», но «никогда не брал карты в руки». Делал он это из расчета, однако «целые ночи просиживал за карточными столами, и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры». Отмечается также и другая его черта: «он был скрытен и честолюбив». Скрывается эта «вторая натура» игрока. Честолюбие также связано с этим скрытым качеством Германна: он может удовлетворить его через игру, которую он сам себе запретил. Игра для Германна является тем *запретным*,

¹⁴ Гесиод описывает пределы земли и Тартара как «места, ненавистные даже богам» (Hes., Theog. 810). Опасность для олимпийских богов подземного мира символизируется рекой Стикс (Hes., Theog. 775—806) [6. С. 502]. Бессмертные боги не могут умереть, но воды Стикса, которыми они клянутся, в состоянии оставить их без дыхания в течение года, т. е. как бы нейтрализовать на какое-то время божественную энергию. Тифон, страшное порождение Геи и Тартара, нейтрализует на какое-то время даже Зевса, перерезав ему сухожилия [6. С. 529]. В конце концов Зевс побеждает Тифона, забрасывая его в Тартар. Но эта победа никогда не является окончательной. «Но час придет, и вырвутся из черных недр/Огня потоки. Челюстями жадными/Сглождают пашни спелые Сицилии./Расплавленное, огненное бешенство,/Всепожирющую ярость вырыгнет/Тифон, хоть Зевса он обуглен молнией» [21]. Все боги хтоничны, т. е. все они являются порождением Земли или ведут от нее свой род. Суть теогонического процесса в отделении-нейтрализации своей первоначальной хаотическо-хтонической природы. Тартар становится своего рода тайным вместилищем этой отделенной и нейтрализованной темной природы. Но поскольку она божественная, то, следовательно, в принципе неуничтожимая, присутствующая в недрах бытия как вечная угроза. Поэтому все, что как-то может раскрыть или активизировать ее — становится абсолютно запретным. Нарушение этого запрета не остается безнаказанным даже для богов (клятва водами Стикса), не говоря уже о людях (подсматривание, непосредственный контакт с подземным миром).

¹⁵ Об архетипах у К. Г. Юнга и в современной науке см. [1. Т. 1. С. 1106—1111].

которое неодолимо и фатально влечет его к себе. И посему именно через игру вступает он против своей сознательной воли, но влекомый своей тайной натурой игрока, в контакт с миром бессознательного и архетипического, *неволею* в него заглядывает, погружается и никогда уже из него не выходит.

Пока Германн пребывает в сознании, начавший являться в его разгоряченном воображении архетипический мир он оценивает (или пытается оценивать) с точки зрения обыденного разума. По этому поводу (об отношении разума к бессознательному) Юнг, быть может, самый замечательный современный критик рационального сознания, говорит: «В действительности, человек открыл только одно: над своими образами он еще совсем не размышлял. И когда он начинает над ними размышлять, делает это с помощью того, что он называет „разумом“, который в действительности является ничем иным, как суммой предосторожностей и близорукости» [22. Р. 12].

- «Анекдот о трех картах сильно подействовал на его (Германна.— М. Е.) воображение». Возникает положение, когда: «Наши сознательные намерения ... встречают противодействие ... со стороны бессознательных вторжений, глубинные причины которых мы не можем понять» [22. Р. 103]. Собственно, эти три карты явились одним из архетипов, которые совершили «прорыв» в сознание Германна, наполнили его своей темной стихийностью и в конце концов разрушили его: «...активизируется архетип, соответствующий ситуации, вследствие чего начинают действовать взрывные и опасные силы, скрытые в архетипе, имеющие часто следствия, которые невозможно предусмотреть. Нет безумия, которым не может быть охвачена личность, находящаяся во власти архетипа» [22. Р. 48]¹⁶.

Этот «прорыв», разумеется, произошел не сразу: он подготавливался просиживанием «целыми ночами за карточными столами» и лихорадочным наблюдением «за различными оборотами игры». Сама по себе игра также является своего рода архетипом. По всей видимости, «следы с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры», он надеялся найти какой-то рациональный принцип, правило. Но вместо «принципа», «правила» он касается тайны трех карт, т. е. непосредственно соприкасается с иррациональными хаотическими силами, которые в азартной игре находят для себя выход. Возникает ситуация, по словам Юнга, «которая соответствует определенному архетипу, тогда архетип активизируется и образуется принудительность, которая, подобное силе инстинкта, прокладывает себе дорогу вопреки разуму и воли или же является причиной конфликта, имеющего патологические размеры» [22. Р. 49].

Окончательное погружение Германна в бессознательное происходит во сне: «Ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы решительно, выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман.

¹⁶Ср. наблюдения М. Гершензона в статье, посвященной «Пиковой даме». Главный недостаток этой статьи состоит в увлеченности автора своим психологическим толкованием повести, что ведет его не только к пренебрежению конкретными фактами текста, но и фактическим ошибкам. Например, Гершензон говорит: «Она велит ему ставить те три карты одну за другою и после того уже никогда не играть: это те самые условия, которые она, по рассказу Томского, поставила Чаплицкому» [16. С. 101]. У Пушкина по поводу Чаплицкого: «Она дала ему три карты с тем, чтобы он поставил их одну за другою» (курсив наш.— М. Е.). О Германне: «... но с тем, чтобы ты в *сутки более одной карты не ставил* (курсив наш.— М. Е.). Как следствие невнимания к объективным фактам текста, извращается вся логика рассказа. Далее Гершензон говорит: «... подробное объективное описание графининой спальни ... — серьезный художественный промах; всего, что здесь перечислено, Германн, конечно, не мог тогда видеть и сопоставлять в своем уме» [16. С. 112]. В описании Пушкина нет ни одной лишней детали: Германн видит именно то, что он должен видеть, каждая подробность здесь определяется *абсолютной* логикой рассказа, а не сомнительной психологической «правдоподобностью». Здесь вспоминается рассказ Юнга о случае из его практики: пациент видит у солнца фаллос. Сколько бы это было неправдоподобно, но он его видит.

Проснувшись уже поздно, он вздохнул о потере своего фантастического богатства...». После этого он весь оказывается во власти некой *неведомой силы*. От всех рациональных установок в возбужденном мозгу Германна осталась одна, сделавшись маниакальной идеей обогащения любой ценой¹⁷. Все, что происходит с ним далее — *delirium*. Последняя сцена, когда он «обдернулся» и вместо туза поставил пиковую даму, в точности соответствует сну: он теряет свое «фантастическое богатство». После этой потери, которая совершается в бреде¹⁸, Германн сходит с ума.

О том, что описывается *delirium*, можно заключить также из сцены явления мертвой графини. Она является ему не во сне, но как бы в действительности. Но если это не сон, то ничем иным это явление быть не может, как *галлюцинацией*.

Идея «вынудить клад у очарованной фортуны (курсив наш.— М. Е.)» стала всепоглощающей в потухшем сознании Германна. Это патологическое состояние описывается Пушкиным с замечательной точностью: «Две неподвижные (курсив наш.— М. Е.) идеи не могут вместе существовать в нравственной (курсив наш.— М. Е.) природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место. Тройка, семерка, туз — скоро заслонили в соображении Германна образ мертвой старухи. Тройка, семерка, туз — не выходили из его головы и шевелились на его губах».

Архетип динамичен только в своих внешних воплощениях, но в самом себе он статичен, представляя собой чистую форму, модель или predisposedness [22. Р. 81]. Таким образом, неподвижной может быть только архетипическая идея, вытеснившая из сознания все прочие и заполнившая его собой. И поскольку идея-архетип приходит из мира бессознательного, заполняя собой сознание, разрушая его таким образом, она отделяет его от реальности. Вернее было бы сказать: в тот момент, когда перестает существовать сознание, перестает существовать реальность и наступает *delirium*. Поэтому все, что происходит с Германном с того момента, когда он услышал «анекдот о трех картах» — не реально, а *сюрреально*. Здесь разыгрывают свою драму не люди, но *архетипы*. И сценой для нее являются не петербургские салоны, но разгоряченное воображение бедного инженера, возымевшего странную идею — «вынудить клад у очарованной фортуны», не веря ни в *фортуну*, ни тем более в *очарованность*, т. е. во все то, что рациональным сознанием объявлено было «сказкой» (« — Сказка! — заметил Германн» было первой его реакцией на «анекдот о трех картах»).

Лучшим комментарием здесь были бы слова Юнга: «Патологический элемент содержится не в существовании представлений, но в диссоциации сознания, ставшего неспособным доминировать над бессознательным» [22. Р. 38].

И далее: «Анима доставляет нам мотивы, которые убеждают нас не бросаться в бессознательное, избегая таким образом разрушения наших моральных запретов и высвобождения сил, которые лучше не тревожить» [22. Р. 26]. «И тем не менее, „наше сердце пылает“ и тайное беспокойство подтачивает корни нашего бытия» [22. Р. 22].

Драма Германна, сосредотачивая в себе фундаментальные мифологические мотивы, таким образом, является также драмой рационального сознания, закрытого и потому незащищенного от темной своей глубины, выродившегося в «материалистическое доктринерство, которое представляет восстание хтонических сил» [22. Р. 106].

¹⁷ Совершенно неважно, какая это идея. Значимо, что она одна.

¹⁸ Собственно, бред — это сон, поглотивший сознание. Во сне человек часто испытывает страх потеряться во сне и никогда из него более уже не выйти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мифы народов мира. М., 1987.
2. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. 3-е изд. М., 1961—1966.
3. Эсхил. Орестея. Плакальщицы, 1021—25//Эсхил. Трагедии/Пер. Вяч. Иванова. М., 1989.
4. Eliade M. *Arti del metallo e alchimia*. Torino, 1980.
5. Graves R. *I miti greci*. Milano, 1983.
6. Мифологический словарь. М., 1990.
7. Лосев А. Ф. *Античная мифология в ее историческом развитии*. М., 1957.
8. Grave R., Patai R. *I miti ebraici*. Milano, 1964.
9. Devereux G. *Il sogno dell'Erinni//Il sogno in Grecia*. Bari, 1988.
10. Ginzburg C. *Storia notturna*. Torino, 1989.
11. Brillante C. *Metamorfosi di un'immagine le statue animate e il sogno//il sogno in Grecia*. Bari, 1988.
12. Dodds E. R. *I greci e L'irrazionale*. Firenze, 1959.
13. Kessels A. H. M. *Studies on the dream in Greek literature*. Utrecht, 1978; *Lieshout van R. G. A. Greeks on dreams*. Utrecht, 1980.
14. Отеро. *Odissea*. Torino, 1989.
15. Гомер. *Одиссея*/Пер. В. А. Жуковского. М.; Л., 1935.
16. Гершензон М. *Мудрость Пушкина*. М., 1919.
17. Гомер. *Иллиада*/Пер. Н. И. Гнедича. М., 1985.
18. Inni orfici. 'Ορφέος ᾠδοί, LXXXVI. Roma, 1986. P. 108.
19. Foucault M. *Histoire de la folie à l'âge classique*. Paris, 1972.
20. *Der Wahnsinn im griechischen Mythos und in der Dichtung bis zum Drama des fünften Jahrhunderts*. Heidelberg, 1970.
21. Эсхил. Трагедии. Прометей, 367—372/Пер. А. И. Пиотровского. М., 1989. С. 245.
22. Jung C. G. *Gli archetipi dell'inconscio collettivo*. Torino, 1983.

Памяти БОРИСА БЕРМАНА (1957—1992)

ОРЕЛ В.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «СПИСКУ НАРОДОВ» (GENESIS 10)

1. DŌDĀNĪM. 2. «СПИСОК НАРОДОВ», «ТРОЯНСКИЙ СОЮЗ» И «АНАТОЛИЙСКАЯ КОАЛИЦИЯ» В БИТВЕ ПРИ КАДЕШЕ

Название dōdānīm появляется в «списке народов» в Gen. 10 : 4 среди других потомков Явана, в непосредственном соседстве с kitīm. В параллельном списке (I Chron. 1 : 3) как явный вариант dōdānīm фигурирует форма gōdānīm, на которой основывается Абарбанель, интерпретируя gōdānīm в связи с названием Родоса, греч. Ρόδος. Соотношение вариантов dōdānīm и gōdānīm — а это, бесспорно, варианты одного древнего этнонима — обратно тому, которое наблюдается между ġīrat (Gen. 10 : 3) и dīrat (I Chron. 1 : 6), что, возможно, и побудило переводчиков Септуагинты, стремившихся придать тексту больше «логики», передать dōdānīm в книге Genesis с начальным г-.

С нашей точки зрения, интерпретация дублетов типа dōdānīm ~ gōdānīm не может основываться ни на выдвигаемой ad hoc идее фонетического чередования d- ~ г-, ни, тем более, на принципиальном допущении одновременной исконности обеих форм (M^e šūdāt Šiyuōn, s. v.). Речь идет не более, чем об отклонении (ошибке, порче и под.) в графической передаче некой исходной формы, связанном с неверным прочтением («далет» как «реш» или «реш» как «далет»). Поскольку имеются серьезные основания считать список в Genesis 10 прототипическим, форму gōdānīm (I Chron. 1 : 3) естественно понимать как вторичную. Таким образом, в комментарии как таковом нуждается форма dōdānīm.

Согласно Мидрашу, за dōdānīm скрывается название малоазийских дарданцев, т. е. этноним, соответствующий гомеровскому Δαρδανοί (Il. 3, 456). В «Илиаде» дарданцы выступают как участники «троянского союза», т. е. объединения, состоящего преимущественно из анатолийских и восточнобалканских (фрако-дакийских) племен. Как связаны и связаны ли вообще гомеровские Δαρδανοί с одноименным балканским племенем, вопрос особый и не подлежащий решению в рамках настоящих заметок (см. [1] с лите-

Орел Владимир — канд. филол. наук, преподаватель Еврейского университета в Иерусалиме.

ратурой; 2. С. 124]. Достаточно сказать, что выдвигавшиеся до сегодняшнего дня этимологические интерпретации Δάρδανοι либо полностью гадательны (ср. [3], где с сомнением указывается на греч. δάρδα ἰμέλινα и δαρδαίνει μολύνει), либо заведомо неверны, как сопоставление Δάρδανοι с алб. dardhë 'груша' ([4], см. также [5; 6]) — последнее, как мы уже показали ранее [7], никак не связано с греческим названием дикой груши ἄραξ, ἄραδος и восходит, скорее всего, к и.-е. *dhorg̃hā и потому едва ли может быть соотнесено с Δάρδανοι.

В любом случае, принимая отождествление др.-евр. dōdānīm ~ греч. (гомер.) Δάρδανοι, мы должны так или иначе объяснить две фонетические детали, которыми древнееврейская передача этнонима отличается от гомеровской: отсутствие -г- и -ō- первого слова. Первая из этих деталей, вообще говоря, может быть связана и с простой «ошибкой» при передаче иноязычного названия, и с особенностями того языка-источника, откуда было почерпнуто слово dōdānīm. Допустимо, кстати, и иное толкование: учитывая вариантность dōdānīm ~ dōdānīm, можно думать и о гипотетическом прототипе *dor'dānīm, который по-разному отразился в Gen. 10 : 4 и I Chron. 1 : 3.

Особого внимания заслуживает специфический вокализм древнееврейской формы, отличный от греческого. Это различие может оказаться существенным для решения вопроса о том, откуда проник в древнееврейскую традицию интересующий нас этноним. Известные нам греческие передачи относятся либо к гомеровскому диалекту, либо к более позднему аттическому койне. В них представленная в Δάρδανοι группа -ар- может, в частности, замещать исходное слоговое *ḡ, которое, однако, развивалось в -ор-, -ро-

в эолийском и аркадо-кипрском диалектах, ср. аттич. καρδίᾱ ~ кипр. хорсῖᾱ, аттич. καρτερός ~ лесп. хортерос, аттич. τέταρτος ~ аркад. тетортес. Аналогичное развитие наблюдается и в микенском: аттич. τράλεζα ~ микен. to-re-za (*torpeza), см. [8]. Поэтому не исключено, что источником древнееврейской формы мог стать архаичный греческий диалектный вариант этнонима, нечто вроде гипотетического микенского *do-da-no, фонетически — *dordanoi или *drodanoi, из прагреческого *δρδανοί.

На ту же исходную форму с -о- первого слога может указывать и еще одно существенное обстоятельство. Помимо древнееврейского «списка народов» в Gen. 10 : 4 и I Chron. 1 : 3 и греческого списка участников «троянского союза» в II. 2, 816—877, где упоминаются дарданцы, мы располагаем еще одним, древнеегипетским, источником, предположительно упоминающим этот этноним, — текстами Рамсеса II о победе при Кадеше. В надписях о победе при Кадеше [9] неоднократно упоминается — среди других участников «анатолийского союза» — народ dṛdny, который большинство исследователей отождествляет с гомеровским Δάρδανοι [10—12]. Скептическое отношение к этому сопоставлению, выражаемое иногда по той причине, что дарданцы не упоминаются в хеттских документах [13], едва ли имеет под собой серьезные основания. Следует иметь в виду, что, согласно некоторым традиционным концепциям в египтологии, написание dṛdny может трактоваться как «групповое» («group-writing», см. [14; 15]) с более или менее гипотетической вокализацией d-ro-d-n-y) [16. P. 57]. Эта вокализация практически полностью соответствует той, на которую указывает древнееврейская форма. Таким образом, каков бы ни был исходный источник названия дарданцев, его ближневосточные передачи согласуются друг с другом.

Здесь уместно сделать несколько замечаний более общего характера. «Списку народов», представленному в Gen. 10, соответствуют, по крайней мере, два приблизительно синхронных перечня — список народов, входящих в «троянский союз» в «Илиаде» (II. 2, 816—877), и список народов, входящих в антиегипетскую «анатолийскую коалицию», в надписях Рамсеса II о

победе при Кадеше. В то время как эти древнеегипетские надписи датируются достаточно точно [16. Р. 5] и относятся к событиям начала XIII в. до н. э., гомеровский список, в своем окончательном виде восходящий только к IX в. до н. э., также описывает ситуацию, которая имела место во временном интервале от середины XIII до рубежа XIII—XII вв. [17; 18]. Что касается древнееврейского «списка народов», то весьма вероятно, что он — полностью или частично — отражает этногеографическую картину ойкумены, соответствующую содержательно и хронологически эпохе Исхода из Египта, т. е., предположительно, ситуацию XIII в. до н. э. [19].

Ввиду сказанного, сопоставление той части древнееврейского «списка народов», которая, как можно думать, относится к Анатолии, и соответствующих перечней в греческой и египетской традициях (с необходимыми конъектурами и добавлениями в греческом списке за счет других мест «Илиады») приобретает особое значение, поскольку, как мы видим, речь идет, в сущности, о трех источниках, обладающих уникальным хронологическим единством. Естественно, что при этом списки, имеющие разное назначение, не дают нам полного совпадения и идентичного порядка при перечислении этнонимов. Ниже мы приводим основные случаи совпадения названий, следуя порядку максимально полного списка в надписи Рамсеа II и гомеровского списка «троянского союза».

1. Егип. ḥt (P43) ~ др.-евр. Ḥēt (Gen. 10 : 15). Отражает название страны хеттов — KUR^{URU} Ḥatti. К тому же источнику, вероятно, восходит и др.-евр. kitīm (упомянутое рядом с названием dōdāmīm в Gen. 10 : 4), чему не препятствует обычная интерпретация kitīm как названия Кипра (о принадлежности Кипра к хеттскому царству см. [20]), ср. еще греческие передачи названия кипрского города Κίτιον, Κέτιον, Κήτιον. Возможно, др.-евр. kitīm отражает более позднюю и фонетически продвинутую анатолийскую форму, в которой начальный ларингал ḥ- отражается уже как велярный. В гомеровском списке соответствующий этноним отсутствует, однако предположительно соответствующее KUR^{URU} Ḥatti гомеровское Κήτιοι (также с позднеанатолийским отражением ḥ-) фиксируется в «Одиссее» (Od. 11, 519 ff.), см. [21].

2. Егип. ms (P 44) ~ др.-евр. maš (Gen. 10 : 23). В I Chron. 1 : 17 на месте maš стоит mešek, упоминаемое в Gen. 10 : 2. Это, возможно, просто ошибка или результат ложной этимологизации maš, однако интересно, что mešek традиционно понимается как название Мизии. В любом случае, егип. ms ~ др.-евр. maš соответствуют хеттскому Masa (указывается, например, как одна из стран Ассувы в договоре Муватталиса с Алаксандусом). Не исключено, что сюда же относятся и малоазийские Μυσοί или Μήρονες (II. 2, 864, 866) из гомеровского списка. Иначе относительно Μήρονες (< анат. *mawa — wapa/i-) см. [2, с. 170].

3. Егип. krḳš (P45) ~ др.-евр. gīrgāšī (Gen 10 : 16). Соответствует хеттскому Karkiša, которое, в свою очередь, отражено в греческом как Κάρια < Karkija (из позднеанатолийской формы с утраченным срединным -k-). Этот этноним присутствует в гомеровском списке в форме Κάρης (II. 2, 867).

4. Греч. Τρωες (II. 2, 816) ~ др.-евр. tīrās (Gen. 10 : 2). Эта идентификация близка к мнению рава Шимона (Talmud Yoma 10a), видевшего в др.-евр. tīrās фракийцев (о соотношении Τρωες и Θρακίτες < *Τραφίτες < *Τραυδ-ίτες см. подробно [22]). В любом случае, *Τρωες продолжает *Τρωες. За греческой передачей скрывается, как известно, анатолийская форма, ср. хетт. KUR^{URU} Та-гу-í-ša. В то же время следует принять во

внимание и наличие в древнееврейском списке формы tarsis^v (Gen. 10 : 4), которая также может быть связана с перечисленными названиями Трои.

5. Греч. Πελασγοί (11. 2, 843) ~ др.-евр. p^vlisfīm (Gen. 10 : 14). Попытку детального обоснования этого сопоставления см. [23].

6. Греч. Ἀσκανίη (11. 863), Ἀσκανίος ~ др.-евр. ask^v naz (Gen. 10 : 3). Аскания в «Илиаде» характеризуется как фригийская территория, что как нельзя лучше согласуется с локализацией ask^v naz рядом с Араратом и царством Минни в Jerem. 51 : 27. Возможно, ask^v naz является прямой передачей греч. Ἀσκανίος (с -z на месте конечной «сигмы»).

Важной особенностью сопоставленных выше древнееврейских, египетских и греческих форм является то обстоятельство, что они, будучи элементами самостоятельных перечней, в то же время приблизительно соответствуют друг другу по порядку перечисления, т. е. отражают некий единый ближневосточный прототип последовательного этнографического описания. Это станет очевидным, если придать рассмотренным нами данным табличную форму (цифры в скобках указывают номера этнонимов по порядку их появления в соответствующих списках):

Древнееврейский	Египетский	Греческий
tārās (1), tarsis ^v (3)		Τρωες (1)
ask ^v naz (2)		Ἀσκανίη (2)
p ^v lisfīm (4)		Πελασγοί (3)
hēt (5)	ḥt (1)	
mas (7)	ms (2)	Μυσοί (4), Μήγες (5)
girgāsī (6)	krks (3)	Κῆρες (6)

Выходя за пределы рассмотренных выше древнеегипетского и гомеровского списков, мы можем отметить еще некоторое количество гомеровских ономастических параллелей этнонимике Genesis 10. Например, греч. Ἰάωρες, микен. iawone ~ др.-евр. yāwān (Gen. 10 : 2) при егип. 'iwn', 'imnp'; и греч. Ἰλιος ~ др.-евр. 'ēlīsā (Gen. 10 : 4; судя по Ezek. 27 : 7, заведомо прибрежный этнос!), отражающие хетт. Wilusa. Но это уже тема, которую мы намерены затронуть особо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957. S. 118.
2. Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.
3. Frisk HJ. Griechisches etymologisches Wörterbuch I. Heidelberg, 1960. S. 349.
4. Hahn G. von. Albanesische Studien. Jena, 1854.
5. Tomaschek W. «Die alten Thraker I. Übersicht der Stämme // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. CXXVIII, 1893, № 25.
6. Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896. S. 245 ff.
7. Орел В. Э. «Балканские этимологии 113—115» // Этимология 1986—1987. М., 1989. С. 224—225.
8. Lejeune M. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. Paris, 1972. P. 197.
9. Kuentz Ch. La Bataille de Kadech (Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale LV). Caire, 1928, passim.

10. *Gardiner A. H.* Ancient Egyptian Onomastica I. Oxford, 1947. P. 129.
11. *Garstang J., Gurney O. R.* The Geography of the Hittite Empire. London, 1959. P. 104.
12. The Cambridge Ancient History II, pt. 2. Cambridge, 1975.
13. *Page D. C.* History and the Homeric Iliad Berkeley. Los Angeles, 1966. P. 114.
14. *Gardiner A. H.* Egyptian Grammar. Oxford, 1927, paragr. 60.
15. *Edel E.* Altägyptische Grammatik. Roma, 1955, passim.
16. *Gardiner A. H.* The Kadesh Inscriptions of Ramesses II. Oxford, 1960.
17. *Blegen C. W.* Troy and the Trojans. New York, 1963. P. 174.
18. *Wace A. J. B., Stubbings F. H.* A Companion to Homer. London, 1962, p. 383—386.
19. *Johnson P.* A History of the Jews. London, 1987. P. 22—26.
20. *Göterbock H. G.* The Hittite Conquest of Cyprus Reconsidered // Journal of Near Eastern Studies, 1967, 26 : 2.
21. *Kretschmer P.* Der Name der Lykier und andere kleinasiatische Völkernamen // Kleinasiatische Forschungen, 1927, I, 1.
22. *Kretschmer P.* Zum Balkan-Skythischen // Glotta, 1936, XXIV, S. 38 ff.
23. *Георгиев В. И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, passim.

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

АКСЕНОВА Е. П., ВАСИЛЬЕВ М. А.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГОНИИ СЛАВЯНСТВА И ЕГО ВЕТВЕЙ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ РУБЕЖА 1930—1940-х ГОДОВ

Вторая половина 1930-х годов в целом не являлась временем, благоприятным для развития славяноведения в СССР (см. [1—4]). Тем не менее наряду с бесспорным попятным движением существовали и такие направления, которые во второй половине 30-х — начале 40-х годов переживали бурное развитие. Речь далее пойдет об ускоренной, даже форсированной разработке в рассматриваемые годы проблем этногонии (этногенеза) славянства и отдельных его группировок, в первую очередь славян восточных и, менее, южных.

То, что вопросы славянской этногонии оказались «на направлении главного удара исторического фронта» (воспользуемся терминологией тех лет), явилось следствием крупных подвижек в исторической науке СССР, происшедших в середине 1930-х годов и ставших результатом резко возросшего внимания тоталитарной системы к истории как идеологическому инструменту воздействия на умы. Поэтому рассмотрение обозначенной в заголовке статьи темы невозможно вне общего контекста развития советской исторической науки.

16 мая 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в соответствии с которым было решено к июню 1935 г. подготовить новые школьные учебники по истории, в том числе по истории СССР; в постановлении от 9 июня 1934 г. говорилось о введении в средней школе элементарного курса истории СССР [5. 1936. № 1/2. С. 25—26]. В начале 1936 г. публикуются «Замечания по поводу конспекта учебника „Истории СССР“», подписанные И. Сталиным, А. Ждановым, С. Кировым. В «Замечаниях» содержались положения, носившие установочный характер и во многом определившие дальнейший ход работы над учебниками и обобщающими трудами по истории СССР и их проблематику. В частности, отмечалось, что составители учебника подготовили «конспект русской истории, а не истории СССР — т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР». И далее: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР... и где бы

Аксенова Елена Петровна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

Васильев Михаил Александрович — канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории...» [6. 1936. № 1. С. 5—6].

Не будем касаться истинных целей подлинного автора «Замечаний», очевидно в качестве сверхзадачи полагавшего обоснование исторической обусловленности возникновения многонационального Советского Союза во главе с ним. Для нас важно иное. Прочитанные установки (методологическая правомерность которых, заметим, бесспорна) выдвигали перед учеными действительно большую научную проблему — проблему глубокой разработки истории всех народов СССР (включая славянские) с древнейших времен. И одними из ключевых здесь оказывались вопросы этногенеза, до того либо изучавшиеся недостаточно, либо не исследовавшиеся в отношении многих народов вовсе, либо разрабатывавшиеся не «по-марксистски».

Имевшаяся научная лакуна нуждалась в быстром заполнении. Этого требовала развернувшаяся интенсивная работа по созданию учебников и учебных пособий по истории СССР для средней, а затем высшей школы, трудов по истории отдельных территорий и народов страны. Этого требовало и начавшееся создание многотомной академической «Истории СССР», призванной дать фундаментальную картину прошлого страны.

В 1936—1937 гг. подготовительные работы по составлению проекта (схемы) программы многотомника велись в Институте истории АН СССР (о ходе работы над проектом см. [7. 1937. № 4/5. С. 140—141; 6. 1937. № 3. С. 146; № 5/6. С. 265]). К концу ноября 1937 г. составление было закончено [6. 1937. № 5/6. С. 265], причем в разработке проекта участвовали не только ученые Института истории, но и Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра (ИИМК) и Института востоковедения [5. 1938. № 1/2. С. 181]. Первые три тома издания планировалось подготовить к печати сверхбыстро, в течение 1938 г.; работу над первым томом (который нас в первую очередь интересует) должен был вести преимущественно ИИМК [5. 1938. № 1/2. С. 181].

В начале 1938 г. схема многотомника была опубликована в ряде научных журналов для широкого обсуждения специалистами [5. 1938. № 1/2. С. 182—218; 6. 1938. № 1. С. 174—204]. В третьем разделе третьей части первого тома предусматривалось, в частности, осветить проблему древнейших сведений о славянах и антах, вопрос об автохтонности славян в Восточной Европе, в четвертом разделе — «Племена севера СССР в I тысячелетии н. э.» — рассмотреть известия о народах средней полосы и севера страны и источники их изучения, дать характеристику быта славян, финнов, литовцев по памятникам второй половины I тыс. н. э.; в первом разделе второго тома проанализировать вопрос о расселении славян в Восточной Европе [6. 1938. № 1. С. 177—178].

Таким образом, импульсом интенсивной разработки проблем славянской этногонии в стенах АН СССР послужили партийно-государственные решения середины 30-х годов и начавшаяся работа над многотомной «Историей СССР», потребовавшая создания цельной концепции происхождения славянства и его восточной ветви. Основная нагрузка при этом пришлась на сотрудников Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, созданного в середине 1937 г. на базе Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) и являвшегося ведущим археологическим учреждением страны. Данное обстоятельство было вполне закономерно. Как отмечал в этой связи в 1939 г. М. И. Артамонов, «... при изучении древнего периода истории СССР письменные данные могут иметь лишь ограниченное значение. В силу этого центр тяжести... необходимо перенести на данные

¹ Остается не ясным, как соотносится эта деятельность с утверждением авторов предисловия к «Очеркам истории СССР. III—IX вв.» о том, что «инициатива написания древнейшей истории народов СССР принадлежит академику Ю. В. Готье, разработавшему в 1936 г. общий план этого издания» [8]; иных упоминаний о плане Готье 1936 г. обнаружить не удалось.

другого рода: ... языка, этнографии, фольклора, антропологии и в особенности археологии» ([7. 1939. № 7. С. 27], см. также [9. 1939. № 2. С. 128]).

По мере работы над первыми томами «Истории СССР» проблемы этногонии народов страны в силу их сложности, малой разработанности и принципиальной важности для этого издания все более занимали внимание ученых². Оно усиливалось еще одним мотивом, в котором научная сторона переплеталась с откровенно политической. 10 сентября 1938 г. в Институте истории под председательством А. Д. Удальцова состоялось совещание по вопросам этногенеза. В своем сообщении Удальцов «подчеркнул актуальность вопросов этногенеза и необходимость отпора фашистской, человеконенавистнической, расистской теории происхождения народов и племен». В результате обмена мнениями, в котором приняли участие академик-секретарь Отделения общественных наук АН СССР (ООН) А. М. Деборин, М. И. Артамонов (ИИМК), Е. Г. Кагаров, Н. В. Кюннер (Институт этнографии), «выяснилось, что в ряде институтов Отделения (в Институте истории, в Институте истории материальной культуры, в Институте этнографии) уже многое делается для разрешения вопросов этногенеза. Совещанием был намечен проект программы исследований по этногенезу. К этим исследованиям необходимо привлечь, кроме названных выше институтов, также и Институт языка и мышления и Институт антропологии. В качестве основных тем исследований по этногенезу выдвинуты: вопрос о происхождении славян, в частности о происхождении русского народа» [6. 1938. № 6. С. 201].

Осень 1938 г. вообще стала важным рубежом в разработке советскими учеными проблем славянского этногенеза в конце 30-х — начале 40-х годов. На октябрьской сессии ООН АН СССР А. Д. Удальцов в докладе «Проблема этногенеза и вопрос о происхождении готов», вновь заклимав «лженауку фашистской Германии», призвал противопоставить ей «учение об этногенезе с точки зрения нашей марксистско-ленинской научной теории». При этом оратор отметил большую роль в разработке проблем этногенеза Н. Я. Марра как создателя теории единства глоттогенетического процесса и единства народов [9. 1938. № 4. С. 259]. По докладу Удальцова сессия приняла следующее постановление: «Учитывая большую политическую и теоретическую значимость изучения проблем этногенеза в целях борьбы с фашистской лженаукой, признать необходимым дальнейшую тщательную исследовательскую работу по вопросам происхождения готов и славян представителями различных дисциплин — историками, археологами и лингвистами. С этой целью ввести в состав комиссии по этногенезу представителей лингвистических дисциплин, которые до сего времени в этой работе не участвовали» [9. 1938. № 4. С. 261].

Создание Комиссии по этногенезу произошло, вероятно, между сентябрьским совещанием в Институте истории и октябрьской сессией ООН. Надо полагать, именно к этому времени относится решение Президиума АН СССР, который, «придавая большое значение изучению вопросов этногенеза в целях борьбы с извращениями в области истории, в особенности с фашистскими фальсификациями», утвердил при Отделении истории и философии АН СССР (ОИФ)³ Комиссию по проблемам этногенеза в следующем

² Попутно заметим, что в это время набирала силу кампания по критике «школы М. Н. Покровского». Не были обойдены и взгляды историка на вопросы славянского этногенеза. В редакционной статье сборника «Советская археология», в частности, отмечалось, что Покровский «очень легко переходил от одних своих суждений к другим, иногда прямо противоположным суждениям, не давая себе труда обосновать столь решительные перемены в своих взглядах. Так, в четырехтомнике по русской истории он утверждал, что славяне были в Восточной Европе и даже в Верхнем Поволжье автохтонами, сидели здесь с первобытных времен, а в „Сжатом очерке“ и в более поздних статьях писал, что славяне явились сюда как завоеватели и колонизаторы „небольшими группами“, покоряя и истребляя ранее жившие здесь автохтонные племена» [10. 1937. Вып. II. С. 6].

³ В октябре 1938 г. ООН было разделено на три отделения: истории и философии; литературы и языка; экономики и права [7. 1938. № 9/10. С. 82].

составе: А. Д. Удадьцов (председатель), И. А. Орбели⁴, В. В. Струве, И. И. Мещанинов, Н. С. Державин, М. С. Плисецкий, С. П. Толстов, А. В. Мишулин [7. 1939. № 4/5. С. 175]⁵. Что касается практической деятельности комиссии в области славянской этногонии, то она никак не проявилась. Вероятно, в этом не было специальной необходимости, потому что ее работа дублировала бы многочисленные посвященные этому сессии ОИФ, в которых участвовали почти все назначенные в комиссию ученые, и без того перегруженные массой иных обязанностей. 28—29 мая 1940 г. комиссия провела совещание по этногенезу народов Севера (см. [7. 1940. № 6. С. 49—51]), после чего следы ее активности не обнаруживаются.

На октябрьской сессии ООН был также заслушан доклад А. В. Мишулина «Ранние византийские сведения о древних славянах» [9. 1938. № 4. С. 261—262], ставший затем основой статьи ученого «Древние славяне и судьбы Восточноримской империи» [9. 1939. № 1]. По докладу возникли оживленные прения, которые можно считать началом полномасштабных академических дискуссий по проблемам этногенеза славянства и его ветвей. Н. С. Державин, полемизируя с А. В. Мишулиным, считавшим славян пришельцами на Балканы с севера, указал, что к разрешению проблемы этногенеза славян надо подходить не через объяснение происхождения народов мира миграционным путем, а путем диалектическим: «Каким образом народы переживают стадильность, которая приводит их к новым типологическим и этнографическим образованиям,— вот что надо проследить». Державин настаивал на том, что западные и балканские славяне представляют собой местное население. Это не значит, что не имели место вторжения извне, однако главное состояло в ином: «... Славяне на Балканском полуострове жили в III в., но в VI в. в процессе социального развития славян выявились такие сдвиги, которые привели к разьединению их с Византийской империей. Началась борьба с византийским соперничеством». Точку зрения Державина поддержал И. И. Мещанинов [9. 1938. № 4. С. 263].

Н. С. Державину возражал М. И. Артамонов, считавший, что при изучении этногенеза народов нельзя настаивать только на либо миграционизме, либо автохтонном развитии. В истории имеются факты передвижения крупных этнических массивов, и это надо учитывать при изучении этногенеза балканских славян. Далее Артамонов выдвинул проблему связи славян со скифами [9. 1938. № 4. С. 263].

В прениях приняли участие также Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Л. В. Щерба. В заключение сессия приветствовала предложение Мещанинова о постановке в ближайшее время одного — двух докладов лингвистического характера «по линии этногенеза» [9. 1938. № 4. С. 263], что так и осталось благим пожеланием.

Не будем здесь задерживаться на полемике Н. С. Державина и М. И. Артамонова, во-первых, потому, что существо их, на октябрьской сессии лишь обозначенных, взглядов на славянскую этногонию будет раскрыто далее, и, во-вторых, потому, что и тот и другой опирались в своих построениях на единую теоретическую базу — «новое учение о языке» Н. Я. Марра,— и разница состояла только в силе акцентирования роли автохтонного развития и миграции в сложении ветвей славянства, в данном случае южных славян. Для дальнейшего изложения важнее остановиться

⁴ Вскоре по личной просьбе И. А. Орбели был освобожден от обязанностей директора ИИМК (в связи с назначением председателем президиума Армянского филиала АН СССР) и институт возглавил М. И. Артамонов.

⁵ В марте 1939 г. комиссия уже безусловно существовала [6. 1939. № 3. С. 212; 11. Д. 1. Л. 4], поэтому ошибочным является утверждение Н. С. Державина в письме А. М. Деборину от 16 мая 1940 г. о том, что она была организована постановлением Президиума Академии наук от 14—15 апреля 1939 г. [12. Д. 46. Л. 148].

(применительно к нашей проблематике) на самом этом учении и его влиянии на общественные науки в те годы.

Однако прежде чем перейти к данному сюжету, сделаем одно необходимое пояснение. В советской науке рубежа 30—40-х годов процессы глоттогенеза и этногенеза не различались, а этнос понимался в первую очередь как совокупность людей, говорящих на одном языке. Поэтому проблема этногенеза, например, славян преимущественно сводилась к проблеме времени и места возникновения славянского языка. Отсюда понятна та ключевая роль, которая в то время отводилась в решении вопроса славянской этногонии лингвистике. Лишь в 60—70-е годы в отечественной этнологии было выработано и утвердилось теоретическое положение, согласно которому важнейшим критерием, свидетельствующим о возникновении и существовании любого этноса, являются не язык и культура, а наличие у этнофоров этнического самосознания как сознания принадлежности к определенной культурно-генетической общности, венчающего сложную иерархию иных этнических признаков (о проблеме этнического самосознания славян подробнее см. [13—16]).

Аспекты «нового учения о языке» (яфетидологии) «позднего Марра», нас интересующие, могут быть кратко представлены следующим образом. Язык является частью идеологической надстройки и отображением человеческого мышления и общественно-экономического строя. Глоттогенетический процесс един, все языки проходят одни типологические стадии, соответствующие различным ступеням социально-экономического развития общества; при смене последних языки скачкообразно, взрывоподобно изменяются и образуются новые. Отсюда вытекают полное неприятие теорий праязыков и прародин этносов (в том числе и особенно индоевропейского праязыка и прародины), объявленных «буржуазными», «расистскими» и т. п., практическое отрицание миграций и тезис о том, что смена языков на одной и той же территории есть результат перемены общественных и хозяйственных стадий развития автохтонного населения. Яфетические языки — не особая этническая или генетическая семья языков, а особый этап, особая стадия в развитии всех языков, соответствующая определенной ступени социально-экономического развития. Индоевропейские, тюркские, финно-угорские и другие языки Евразии возникли из яфетических языков как следствие перехода на новую глоттогенетическую стадию в результате создания новых хозяйственно-общественных условий. Новые этносы с качеством новыми культурами и языками скачкообразно возникали также в результате скрещиваний (скрещений) разных этносов и их языков («племенные скрещення»).

На рубеже 1930—1940-х годов, хотя бы формально⁶, марризм господствовал в советском языкознании и принимался в качестве основополагающего в смежных общественных науках. Причин тому несколько. Это, во-первых, тот флер «единственно революционной марксистской теории», который удалось создать Марру и его окружению вокруг «нового учения», «разоблачившего» и «опровергнувшего» «буржуазную лингвистическую лженауку». В качестве таковой теории оно вошло в «катехизис» тогдашней официальной идеологии, а клятвы верности «новому учению о языке» стали одним из «пробных камней» марксистской ортодоксальности обществоведов. Во-вторых, учение Н. Я. Марра пользовалось особой популярностью у обществоведов-нелингвистов, в том числе таких авторитетных, как М. Н. Покровский, А. М. Деборин и др. [17. С. 30, 54]. «Не будучи компетентны в языкознании,

⁶ Уже к концу 30-х годов в основанном Н. Я. Марром и носившем его имя Институте языка и мышления (ИЯМ), замечает В. М. Алпатов, «очень мало кто из лингвистов всерьез принимал элементарный анализ... Но прямо сказать о его ненаучности до 1950 г. (появление работы Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“.— Е. А., М. В) не решался никто» [17. С. 119].

они принимали на веру основные положения „нового учения“, казавшегося им продуктивным для решения их собственных проблем... Одним из следствий теории Марра, подкупающим „специалистов-смежников“, казалась возможность дать путеводную нить для проникновения в глубины доистории, о которых не сохранилось прямых свидетельств⁷ [17. С. 54]. Понятно поэтому особая популярность теории Марра у историков, археологов, этнографов.

Если говорить о таких исследователях, как М. И. Артамонов и П. Н. Третьяков, то к указанным причинам можно добавить и третью. Как ученые они сформировались уже в советское время, в стенах основанной Марром ГАИМК (ИИМК), где позиции «нового учения» изначально были очень сильны; Марр для них являлся абсолютным авторитетом (ср. [10. 1951. Вып. XV. С. 15; 17. С. 30]). Иное дело Н. С. Державин, которого В. М. Алпатов характеризует как «одного из самых дремучих марристов» [17. С. 117]. Складывается впечатление, что он сделал ставку на «новое учение», не в последнюю очередь руководствуясь прагматическими соображениями. Во всяком случае остается фактом то, что в 1931 г., не будучи доктором наук, не имея звания члена-корреспондента, Державин был проведен Марром в действительные члены АН СССР [3. С. 70; 17. С. 107].

Уже в 1938 г. отмечалось неучастие лингвистов в разработке этногонической проблематики; подобные упреки неоднократно раздавались и позднее. Уяснить некоторые причины такой ситуации помогает решение Президиума АН СССР 1938 г. по отчетному докладу директора ИЯМ И. И. Мещанинова. В качестве основных недостатков в работе ИЯМ Президиум отметил «отсутствие сплоченного руководящего ядра лингвистов — последователей Н. Я. Марра» и «отсутствие широкой перспективы в дальнейшей разработке нового учения о языке» [7., 1938. № 4. С. 91]. В этом, на наш взгляд, проявился постепенно углублявшийся кризис теории Марра (после его смерти в 1934 г.) вследствие изначальной тупиковости и вненаучности марризма, о чем свидетельствовал, в частности, начавшийся частичный отход языковедов-марристов от «нового учения». Иные же лингвистические теории как «буржуазные» и «немарксистские» для выхода из кризиса в то время открыто развивать было невозможно. Президиумом, далее, было указано, что «кадры лингвистов в Советском Союзе малочисленны и расплывлены между многими учреждениями. Еще не развернута по-настоящему борьба за ликвидацию последствий вредительства на лингвистическом фронте» [7. 1938. № 4. С. 91]. Тем самым, пусть косвенно, признавалось тяжелое положение, сложившееся в советской лингвистике, в частности славистике, в результате репрессий и свертывания с середины 30-х годов по указанию сверху многих исследовательских направлений [1—4].

Однако круг ученых, занимавшихся этногенезом славянства, расширился за счет других научных дисциплин. 13 февраля 1939 г. состоялось, как сказано в архивном документе, заседание «Совета Отделения общественных наук» по вопросу «Против лженауки или фальсификации на этнографическом фронте». Речь на нем шла о «проспекте научно-популярного антифашистского сборника», который готовил Институт этнографии [18. Оп. 13. Д. 1. Л. 33—34, 37, 42]. Второй его раздел, называвшийся «Лженаучные и фашистские установки в этнографии СССР», предусматривал параграфы «Проблема этногенеза восточных славян по данным антропологии (Критика теории германских расистов о мнимой роли германцев в культуре Восточной Европы)» (авторами планировались Г. Ф. Дебец и Т. А. Трофимова) и «Определение древности расселения русских, украинцев и белорусов на

⁷ Ср. высказывание Б. Д. Грекова 1937 г.: «Сейчас мы не можем ограничиться изучением Киевского государства в качестве первичного факта нашей истории. Н. Я. Марр заставил нас взглянуть далеко назад — на скифов, киммерийцев и еще дальше, показав нам, что именно здесь следует искать корни славянства и других европейских народов. Н. Я. Марр до-историю превратил в историю» [5. 1937. № 5. С. 1103].

занимаемых ныне территориях» (Н. П. Гринкова) [18. Оп. 13. Д. 1. Л. 7, 35]. Как отметил делавший основной доклад В. В. Струве, последний вопрос может быть решен только совместными усилиями археологов, антропологов, языковедов и историков. К сожалению, ни археологи, ни историки, ни лингвисты этим вопросом в должной мере не занимаются. Требуется радикальная перестройка соответствующих областей науки в указанном направлении. На основании уже имеющихся материалов, подчеркнул Струве, можно иметь понятие о древности расселения славян на ныне занимаемой территории и автохтонности трех восточнославянских народов [18. Оп. 13. Д. 1. Л. 7, 16—17]. Выступивший затем Н. С. Державин предложил расширить рамки раздела о славянах, включив в него не только восточных, но и западных и южных: «Здесь мы найдем очень много материалов, которые выступают против миграционной теории (т. е. за автохтонность славян.— *Е. А., М. В.*), против тех точек зрения, на которых стоит немецкая наука» [18. Оп. 13. Д. 1. Л. 28—29].

Оценка В. В. Струве работы археологов являлась, бесспорно, неверной. В течение 1938 г. коллективом ИИМК был написан первый том «Истории СССР» (от посвящения человека на территории СССР до образования Древнерусского государства) объемом около 100 печатных листов [19. Вып. IV. С. 64]. Буквально 15 февраля 1939 г. Президиум АН СССР постановил напечатать представленный первый том на правах рукописи в количестве 250 экземпляров и разослать его для обсуждения и отзывов заинтересованным учреждениям и лицам [6. 1939. № 3. С. 215]. Первый полутом (первая и вторая части первого тома «Истории СССР») увидел свет в апреле, несколько позднее появился второй полутом (третья и четвертая части) [7. 1939. № 7. С. 88]. Редактирование тома было проведено М. И. Артамоновым, В. И. Равдоникасом, А. Ю. Якубовским. Интересующие нас вопросы анализировались в его третьей (происхождение славян, характеристика их культуры и быта по письменным и археологическим данным) и четвертой (восточные славяне в период образования Древнерусского государства) частях [19. Вып. I. С. 36—37].

26—27 марта 1939 г., еще до выхода макета первого тома «Истории СССР» из печати, состоялась сессия ОИФ, на которой с докладом «Основные вопросы древней истории СССР»⁸, посвященным первому тому, выступил М. И. Артамонов [6. 1939. № 3. С. 210; 7. 1939. № 4/5. С. 176; 9. 1939. № 2. С. 166]. Сессия признала том ценным вкладом в советскую науку при условии его доработки с учетом дополнений и уточнений, сделанных на заседании ОИФ. «Учитывая, что наиболее слабым местом в первом томе является вопрос этногенеза славян», сессия сочла необходимым «укрепление и расширение состава Комиссии по этногенезу» с включением в нее представителей ИЯМ, Института антропологии и других соответствующих организаций и учреждений. Пункт седьмой постановления гласил: «Считать необходимым на ближайшем заседании Отделения постановку ряда докладов, посвященных вопросам этногенеза» [11. Д. 1. Л. 3—4]. К обсуждению первого тома было решено вернуться после выхода макета из печати [9. 1939. № 2. С. 166; 6. 1939. № 3. С. 210]. 26—27 апреля 1939 г. состоялась сессия ОИФ, целиком посвященная вопросам этногенеза народов СССР. Центральное место на ней заняла этногония славянства.

В начале своего доклада «Проблема происхождения южных славян» (изложение см. [7. 1939. № 6. С. 45—46; 9. 1939. № 2. С. 167]) Н. С. Державин дал краткую историографическую справку. «В истории мировой науки проблема происхождения славян впервые получает свою формулировку в XII в. под пером киевского летописца,— отметил он,— и после этого в течение восьми веков ... никогда не сходит со страниц ее истории». Далее Державин перечислил основные, с его точки зрения, когда-либо существовавшие теории происхождения славян: теория дунайской прародины (основоположена киевским летописцем XII в. и дожила в русской

⁸ В опубликованном варианте «основные» было заменено на «некоторые» [7. 1939. № 7. С. 26—38].

науке до начала XX в.); вандалская теория, доказывавшая тождество славян и вандалов (господствовала в немецкой науке XVI в.); сарматская теория, согласно которой предками славян были скифы, сарматы, роксаланы и др. (возникла в польской науке в XVI в., получила распространение также в Чехии и России в XVI—XVIII вв.); выход в свет в 1837 г. «Славянских древностей» П. Шафарика знаменовал рождение прикарпатской теории славянской прародины, безраздельно ныне господствующей в западной науке, как ранее она господствовала в русской дореволюционной [18. Оп. 13. Д. 9. Л. 8—12].

«Разгромив» всего за несколько минут фактические основания последней теории, которая по своему идеологическому содержанию, согласно Державину, ничем не отличается от предыдущих (ибо стоит на принципах славянских прародин и праязыка, тесно связанных с общеиндоевропейскими прародиной и праязыком, хотя и построена на огромном материале специальных лингвистических и исторических изысканий), академик пришел к выводу о том, что эта теория «носит на себе типичную для всякой буржуазной науки печать идеализма и метафизики, и с этой точки зрения... такой же безвыходный тупик, какой представлял собой и вся буржуазная наука в целом в области изучения истории, лингвистики и этнографии, стоящая на основах так называемой индоевропейской теории» [18. Оп. 13. Д. 9. Л. 13—15].

Создав необходимую «теоретико-идеологическую почву», Державин перешел к собственно проблеме происхождения южных славян. Не отрицая факт прихода славянских отрядов на Балканы в VI в. из-за Дуная, он тем не менее полагал, что они появлялись и изнутри Византийской империи. В резкой военной активизации славян на Балканах в VI в. Державин усматривал свидетельство не начала славянской колонизации полуострова, а назревших к тому времени среди балканских славян социальных сдвигов, их перехода от патриархально-родового строя к военно-дружинным объединениям. Вторжения из-за Дуная содействовали консолидации местной протославянской «племенной общности», а в результате объединенные силы славян нанесли сокрушительный удар «восточноримскому теократическому депотизму». «Но не эти вторжения из-за Дуная положили собою начало славянскому населению полуострова» [18. Оп. 13. Д. 9. Л. 25—28]. Задунайские славяне VI в. попадали на Балканах уже в «этнографически родственную себе среду», ибо славяне на Балканах являлись гораздо «более ранними насельниками, чем об этом можно думать, исходя из данных исторических источников» [18. Оп. 13. Д. 9. Л. 31—33].

В полном соответствии с теорией Марра, Державин широкими мазками нарисовал перед собой следующую картину. Административно-хозяйственная политика Рима на Балканах, привлечение им сюда племен из-за Дуная содействовало ускорению процесса диалектной, а вместе с тем и этнографической дифференциации среди фракийских племен и не исключено, что уже в первые века н. э. на полуострове складывается новое этнографическое качество — на месте бывших фракийских племен возникают древнейшие на полуострове протославянские племенные образования. Фракийские и иллирийские племена явились тем доиндоевропейским яфетическим субстратом, на котором на Балканах вырос протославянский язык позднейшей индоевропейской формации. «Таким образом, я полагаю, что эпоха римского завоевания... была той датой, откуда мы можем ориентировочно вести начало южных славян, как сложившихся к тому времени здесь же на полуострове, а не где-либо в стороне от него, в процессе племенных скрещений и диалектического, в философском смысле этого слова, этнографического развития его исконного населения» [18. Оп. 13. Д. 9. Л. 46, 50].

И дабы развеять последнее возможное сомнение — славяне в VI в. все-таки переселялись из-за Дуная, откуда они там взялись, если «северной прародине» не существовало? — Державин обратился к этногенетическому теоретизированию. По его мнению, все ветви славянства сложились на основе доиндоевропейского субстрата — комплекса племен, «стоявших на общей для них яфетической стадии культурного развития, а потому и именуемых чаще всего у древних авторов коллективными именами: фракийцы, скифы, венды». В результате же «постоянных межплеменных скрещений зародышных, эмбриональных языковых и племенных образований» возникли славяне, германцы, финны, литовцы и другие народы [18. Оп. 13. Д. 9. Л. 51, 53]. Последний гвоздь в теорию карпатской прародины был вбит — она попросту растворилась в яфетической стадии.

Доклад Державина был встречен академично: плохо скрываемый скепсис сдобривался, однако, похвалами в адрес «товарища по научному цеху». В. И. Пичета, например, отметил, что вполне разделяет ту позицию, что проблемы, связанные с происхождением славянства, требуют пересмотра с новых точек зрения. В этом смысле работа Державина имеет громадное научное значение, внешне выводы доклада не вызывают сомнений. Но... «В некоторых вопросах было слишком много гипотез и, я бы сказал, увлечений». Пичета подверг критике один из центральных тезисов Державина, который считает возможным «поставить знак равенства между фракийцами и славянами», однако этот вывод повисает в воздухе, ибо фракийского языка мы по существу не знаем [18. Оп. 13. Д. 9. Л. 70—72]. Весьма интересно то, что Пичета этим замечанием (недоказанность связи фракийского и славянского языков) выразил, вольно или невольно, сомнения

не столько в гипотезе Державина, сколько в основополагающем пункте учения Марра. Требовать обоснование такой связи мог только «буржуазный индоевропеист» старой школы. С точки же зрения марристской ортодоксии у Державина было все в порядке: любой язык (в данном случае фракийский) путем «скачков» и «скрещений» без всяких доказательств и обоснований без труда переходил в любой другой (славянский). Эту позицию и отразил ответ Державина, заявившего, что он не ставит знак равенства между фракийцами и славянами, что перед нами — очень сложная диалектическая связь различных этапов развития [18. Оп. 13. Д. 9. Л. 75—75 об.].

А. В. Мишулин, назвав тезис Державина о происхождении южных славян от фракийцев и иллирийцев интересным, указал, что для решения этой проблемы материалов недостаточно, и поэтому сам докладчик вряд ли будет настаивать на своей гипотезе [9. 1939. № 2. С. 167]. Ю. В. Готье высказался за позднее появление славян на Балканском полуострове [18. Оп. 13. Д. 10. Л. 15].

По докладу Н. С. Державина было принято сдержанное постановление, рекомендовавшее дальнейшую разработку вопроса в рамках Комиссии по этногенезу [11. Д. 1. Л. 15]. Затем сессия ОИФ заслушала доклад Б. А. Рыбакова «Анты и Киевская Русь».

Выступление Рыбакова было посвящено в первую очередь обоснованию того, что анты в VI—VII вв. являлись одним из важнейших «исторических корней» древнерусской государственности. Наши сюжеты он коснулся лишь попутно. «В докладе, — осторожно заявил Рыбаков, — я сейчас не смогу осветить полностью вопрос о происхождении славян потому, что эта проблема еще стоит перед нами и ждет своего разрешения», однако заметил, что «корни славяства уходят в ту архаическую культуру, которая связана со скифо-сарматской культурой» [18. Оп. 13. Д. 9. Л. 79 об., 89 об.]. Основной же его этногонический тезис сводился к тому, что «в антах VI—VII вв. мы имеем прямых предков тех восточнославянских племен, из которых спустя несколько столетий сложилось Киевское государство», что анты — предки «значительной части восточных славян» [9. 1939. № 1. С. 323]⁹.

В докладе П. Н. Третьякова «Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза» концентрированно излагались основные положения соответствующих разделов первого тома «Истории СССР». Третьяков начал традиционн — с критики «статической» индоевропейской теории этногенеза восточных славян и похвал в адрес «диалектической» теории Марра. Затем он перешел к итогам обобщения накопленного к тому времени археологического материала, в основном второй половины I тыс. н. э., который был связан, по мнению Третьякова, с восточнославянской этногонией.

Судя по археологическим материалам, восточнославянские племена были продуктом длительного автохтонного развития как в области Среднего Поднепровья, так и на севере, в верховьях Днепра и Приильменья. Культуры и северной, и южной частей будущих восточных славян имели древние местные корни, прослеживаемые до I тыс. до н. э. По сравнению с южными «восточными славянами» с их весьма продвинутой хозяйством и общественными отношениями, северные племена сильно отставали в своем развитии, их культура середины I тыс. н. э. являлась значительно более примитивной. Такая разница в культурном и социальном уровне исключает даже мысль о том, что северные славянские племена происходят от южных, что они якобы переселились на север из Среднего Поднепровья или из северного Прикарпатья; северные восточнославянские племена генетически не могут быть увязаны с южными. Формирование восточного славянства как известного единого целого, судя по археологическим данным, относится лишь ко второй половине I тыс. н. э., к эпохе распада первобытнообщинного строя, когда новые социальные и экономические отношения разрушили рамки более древних племенных культур. В процессе консолидации восточных славян огромную роль сыграло вторжение славян в VI—VII вв. на Балканский полуостров.

В целом же, обширные археологические материалы подтверждают концепцию Н. Я. Марра о том, что славянские, в частности восточнославянские, племена не имели одного корня,

⁹ Еще до апрельской сессии доклад Рыбакова в виде статьи под таким же названием появился в «Вестнике древней истории», где указывалось, что публикация является переработкой соответствующего раздела первого тома «Истории СССР» [9. 1939. № 1. С. 319]. Отметим, что журнал принял самое активное участие в публикации исследований по раннеславянской тематике. На его страницах увидела свет работа М. В. Левченко («Византия и славяне в VI—VII вв.») [9. 1938. № 4]; в первом номере за 1939 г. были напечатаны объединенные рубрикой «К истории древнейших славян» статьи Н. С. Державина («Об этногенезе древнейших народов днепровско-дунайского бассейна»), Б. Т. Горянова («Славянские поселения VI в. и их общественный строй»), упоминающие статьи Б. А. Рыбакова и А. В. Мишулина; в четвертом номере появилась работа А. П. Дьяконова «Известия Псевдо-Захарии о древних славянах» (публикаций М. В. Левченко и Б. Т. Горянова мы еще коснемся).

одной прародины, а являются результатом развития и консолидации многих и различных ранее племен [7. 1939. № 6. С. 48—49; 9. 1939. № 2. С. 168; 11. Д. 3. Л. 13—14; 19. Вып. П. С. 3—5].

Доклады Б. А. Рыбакова и особенно П. Н. Третьякова многими были встречены, без преувеличения, восторженно. Собравшимся на сессии ОИФ ученым, которые являли цвет тогдашней отечественной исторической науки, показалось, что наконец прояснились дотоле темные вопросы дописменной истории восточных славян. А. В. Арциховский выразил следующее мнение: «Что сделал для летописных славян А. А. Спицын (крупнейший отечественный археолог и исследователь славянских древностей.— *Е. А., М. В.*), то для долетописных веков сделал П. Н. Третьяков», а Ю. В. Готье оценил доклад последнего как чрезвычайно ценный и чрезвычайно интересный [18. Оп. 13. Д. 10. Л. 2, 11 об.]. Б. Д. Греков отметил: «Общее впечатление от этих двух докладов такое, что мы, благодаря успехам нашей археологии, действительно получаем возможность сделать очень важную и давно недостающую пристройку к нашим социальным и историческим построениям», вскрыть истоки Киевской Руси, «...работы наших археологов настолько ценны, что сейчас... наше представление о прошлом ... страны приобретает совершенно другой характер, чем это было 20 лет тому назад» [18. Оп. 13. Д. 10. Л. 6, 10].

В ходе обсуждения докладов Рыбакова и Третьякова на основных моментах этногенеза славян остановился М. И. Артамонов, полностью разделив точку зрения Третьякова. Существуют две теории славянского этногенеза, подчеркнул он: одна, индоевропейская, ярким представителем которой являлся А. А. Шахматов, и вторая, выразителем которой был Н. Я. Марр. Первая мертва, хотя еще во многих случаях задает тон, есть и явные наскоки на теорию Марра [18. Оп. 13. Д. 10. Л. 17—17 об.]. Отталкиваясь от последней, Артамонов высказал мнение, что славяне являются не изначальным, а историческим образованием. Северные племена «восточного славянства», называемого так условно, в первой половине I тыс. н. э. являлись яфетическими дославянскими; в дальнейшем происходит их славянизация. Археологические данные свидетельствуют о передвижках славян в разных направлениях с вовлечением в их этногенез местного населения [9. 1939. № 2. С. 169]. Совпадение взглядов Третьякова и Артамонова на восточнославянскую этногонию не было случайным. Работая совместно в ИИМК и над «Историей СССР», они создали единую концепцию, причем можно утверждать, что если Третьяков в основном разрабатывал и обобщал собственно археологические материалы, в первую очередь по северным районам, то Артамонову принадлежало теоретико-методологическое обоснование концепции.

Неординарное видение проблемы выказал П. И. Лященко: «... Если принять во внимание... большие массовые движения революций рабов (в Римской империи.— *Е. А., М. В.*) и передвижения огромного количества людей с юга за пределы границы собственно Дуная..., то надо учесть этот элемент, ибо он сыграл важную роль в истории образования славянства» [18. Оп. 13. Д. 10. Л. 25].

Подводя итоги дискуссии, А. М. Деборин охарактеризовал доклады Б. А. Рыбакова и П. Н. Третьякова как «крупные достижения нашей науки», традиционно затем посетовав на неучастие в работе столь важной сессии ОИФ лингвистов [18. Оп. 13. Д. 10. Л. 41 об.— 42]. Ценным вкладом в науку они были признаны в резолюции сессии [11. Д. 1. Л. 19] и особо отмечены в отчете о работе ОИФ в 1939 г. [12. Д. 10. Л. 40].

Доклады П. Н. Третьякова и отчасти Б. А. Рыбакова на апрельской сессии ОИФ 1939 г., выступление в прениях М. И. Артамонова отразили выработанную в стенах ИИМК в ходе работы над первым томом «Истории

СССР» и вошедшую в макет этого тома концепцию происхождения славян и восточного славянства. Макет тома был разослан всем заинтересованным научным учреждениям, организациям, лицам, занимающимся историей. В результате его обсуждения, проходившего как в форме письменных отзывов, так и в виде выступлений на различного рода научных собраниях, по макету первого тома было сделано солидное количество замечаний, указано на многочисленные недостатки и ошибки [6. 1939. № 3. С. 215; 9. 1939. № 2. С. 170—171; 12. Д. 13. Л. 3; 19. Вып. IV. С. 64]. Особенно много критических суждений вызвали разделы, посвященные древнейшей истории славян. По разделу о происхождении славян мнения разделились. «Наряду с приветствиями и одобрениями новой постановки этого вопроса,— указывал в марте 1940 г. М. И. Артамонов,— и правильного, как говорили некоторые рецензенты, его разрешения в духе учения Н. Я. Марра, имеются отзывы, в которых наша трактовка признается не только не убедительной, но просто непонятной» [12. Д. 13. Л. 3—4]. Выразительное признание, лишний раз свидетельствующее, что марристская теория этногенеза далеко не являлась тогда общепризнанной среди советских ученых.

Прошедшее обсуждение потребовало от авторского коллектива серьезной переработки первого тома, проходившей во второй половине 1939 — начале 1940 г. [19. Вып. IV. С. 64]. В ходе нее, в частности, два полутома первого тома естественным образом превратились в отдельные тома. Теперь во втором томе «Истории СССР» имелись: глава, посвященная происхождению и древнейшей истории славян (с параграфами: происхождение славян; общественное устройство и быт славян; древнейшая история славян), и глава, трактованная о восточнославянских племенах в VIII—X вв. и образовании Древнерусского государства [12. Д. 13. Л. 4, 26]. Исследовательскую работу, связанную с первой из указанных глав, вел коллектив, возглавлявшийся П. Н. Третьяковым, главным образом им же были написаны разделы, посвященные древнейшим славянам; М. И. Артамонову принадлежала общая редакция всех разделов и глав тома [12. Д. 13. Л. 5]. Руководимый Третьяковым коллектив в 1939 г. «подготовил большой сборник статей и материалов... дающий ряд новых решений по отдельным вопросам становления славян» [12. Д. 13. Л. 5] (см. также [19. Вып. IV. С. 65; 7. 1940. № 8/9. С. 107—108]). Сборник увидел свет в 1941 г. и включал в том числе крупное монографическое исследование Третьякова «Северные восточнославянские племена» [20].

К февралю 1940 г. уже можно было подводить некоторые итоги проделанной работы. Именно такой характер носил прочитанный 5 февраля на пленуме ИИМК, посвященном памяти Марра, доклад Третьякова «Некоторые вопросы этногонии восточного славянства».

Доклад начинался вполне традиционно: заявлялось, что созданный индоевропейской лингвистикой «миф о славянской „прародине“, о распаде якобы единого некогда славянства на отдельные ветви» перестал существовать в качестве научного построения, что работы Марра, посвященные вопросам этно- и глоттогонии Восточной Европы, послужили для него «поистине уничтожающим приговором»; сакраментальный характер носило и заключение, согласно которому дальнейшее изучение археологических памятников «еще более подтвердит» правильность мыслей Марра по проблемам этногенеза и древнейшей истории восточных славян [19. Вып. V. С. 10, 16]. Но в основном тексте доклада практически отсутствует марристская терминология, и хотя Третьяков исходил из этногонической теории Марра, но проявлял при этом значительно большую сдержанность, чем Артамонов, выступая в первую очередь как археолог-исследователь, а не этнолог-теоретик. Если убрать марристскую вуаль, то взгляды Третьякова являлись для своего времени вполне научными и фундированными.

По мнению Третьякова, в первые века н. э. в Среднем Поднепровье, Верхнем Побужье, Северном Причерноморье и других смежных областях Центральной Европы «на древней местной основе складывается относительно однородный массив племен. Его культура ... в ряде случаев могла быть увязана генетически со славянской культурой более позднего времени и ее принадлежность славянским или древнеславянским племенам является более или менее установленной. Таким образом, процесс возникновения славянства в более южных областях Европы... начался значительно раньше, чем на севере» [19. Вып. V. С. 12]. В северных же районах до середины I тыс. н. э. различные по своей культуре племенные группы не

распадались на отдельные резко очерченные этнические массивы. Лишь около V в. в результате «сложного автохтонного этнического развития» здесь возникает, наряду с восточнофинским и прибалтийским, славянский этнический массив. Причины его формирования «еще далеко не выяснены (!). Несомненно лишь, что эти явления сопутствовали глубоким изменениям внутренней жизни, с которыми племена лесной полосы вступали в высокую ступень варварства» [19. Вып. V. С. 14—15].

Таким образом, славяне севера и юга Восточной Европы, по Третьякову, оказывались генетически не связаны друг с другом, поэтому «точка зрения индоевропейской слаистики, рассматривающей северные восточнославянские племена в качестве переселенцев из более южных областей, ... полностью опровергается археологическими данными» [19. Вып. V. С. 12].

Значительные различия, в первую очередь культурного, экономического и социального порядка, существовали между среднеднепровскими и северными восточнославянскими племенами в течение ряда столетий. Они были изжиты лишь в VI—VIII вв., в результате включения славянства в «великое переселение народов». Оно «глубоко всколыхнуло всю массу славянства, прозвучало до далекого славянского севера», вызвав значительные этнические подвижки. Происходит продвижение на юг более примитивных северных племен, что привело к известной варваризации Среднего Поднепровья. Имело место смешение пришлого и аборигенного славянского населения, сопровождавшееся сначала снижением, а затем постепенным ростом общего уровня его развития [19. Вып. V. С. 15—16].

16 февраля 1940 г. Б. Д. Греков в качестве председателя Главной редакции многотомной «Истории СССР» направил письмо А. М. Деборину. В нем говорилось, что бюро Главной редакции просит организовать творческую дискуссию, в частности по вопросу «о ранней истории славян и их происхождении». Проблема требует «срочного обсуждения и решения в связи с окончанием редакционной работы по II-му тому работы „Истории СССР“». Основным докладчиком предлагался М. И. Артамонов, содокладчиками — Ю. В. Готье и Б. Д. Греков [12. Д. 46. Л. 63].

Письмо, а также состоявшиеся в конце февраля 1940 г. сессия ОИФ, где Греков сообщил об итогах и перспективах работы над «Историей СССР», и Общее собрание Академии наук, на котором он же прочел доклад «Спорные вопросы древней истории народов СССР» [7. 1940. № 3. С. 125, 130], вероятно, определили повестку мартовской сессии ОИФ. Центральными на ней являлись два доклада, тематически дополнявшие друг друга: М. И. Артамонова «Вопросы ранней истории славянства» [7. 1940. № 4/5. С. 163; 12. Д. 13. Л. 2] и Н. С. Державина «Происхождение великорусского, белорусского и украинского народов».

Отправной точкой выступления Артамонова в части, посвященной происхождению славянства в целом, стал тезис о том, что наряду с венедами, которых традиционно, следуя Иордану, полагают предками славян, у последних имелись и иные предки, «которые в первые века н. э. отнюдь не отождествлялись с венедами и действительно отличались от них. Только при таком допущении можно понять, каким образом славяне одновременно появляются на громадной территории» и притом без всяких признаков смены населения на ней. В Средней Европе предками славян можно смело считать те племена древней Восточной Германии, которые античные писатели знают под именем лугиев; какое-то отношение к славянам имела и часть дакийских племен [12. Д. 13. Л. 7, 9—10].

Для территории СССР более или менее ясно, что предками славян являлось земледельческое население Среднего Поднепровья I тыс. до н. э., входившее в скифское объединение племен. Что касается Верхнего Поднепровья «в широком и несколько условном значении этого термина», то здесь славяне — исконное население, ни в какой степени не обязанное своим появлением переселению венедев, ибо археологические материалы позволяют проследить «непрерывное развитие культуры от древнейших времен до эпохи... бесспорного славянства населения этой территории...» [12. Д. 13. Л. 7—8].

Если круг предков славян значительно шире, чем только венеде, то встает вопрос: когда и при каких условиях они превратились в собственно славян? Превращение отдельных племенных групп в этническое единство могло иметь место только при их действительном объединении, когда «частные признаки уступали место общим и количество последних умножилось настолько, что не оставалось сомнений в наличии славянства как целого... Такие условия ... имелись налицо в период готского, а затем гуннского объединений, когда различные и мало связанные между собой племена оказались включенными в громадные политические системы». Борьба же с Византией, наступление на Балканы завершили «процесс формирования славянства как этнической общности на громадной территории...». «Итак, в вопросе о происхождении славян мы устанавливаем один в высшей степени важный момент, а именно

¹⁰Подробно эта концепция была обоснована П. Н. Третьяковым в [20. С. 9—53].

¹¹Доклад под названием «Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси» в отредактированном и несколько сокращенном виде был опубликован в [19. Вып. VI. С. 3—14].

превращение ряда племен в славян, возникновение между ними этнической общности настолько очевидной, что это немедленно отражается в наших источниках» [12. Д. 13. Л. 10—11]¹².

Возникновение славянства в середине I тыс. н. э. было подготовлено предшествующим развитием составлявших его племен. Основы культурной и этнической общности, предопределившей образование славян, были заложены «не позже, чем эпоха бронзы, а, может быть, даже в конце неолита». «Было бы вместе с тем совершенно неправильно полагать, что уже в то время славяне существовали со всеми признаками своей этнической индивидуальности», что позднее в состав славян не могли войти племена, происходившие от предков с культуры иного рода. Это были пра-, протославяне, но еще не славяне. В этом отношении показательно и интересно отношение между разнокультурными племенами Среднего и Верхнего Поднепровья. И те, и другие сделались славянами, т. е. были протославянами, но их культуры до середины I тыс. н. э. серьезно различались. Выводы из этого различия можно сделать такие: «Или существование славян со всеми основными признаками этого этнического образования нужно предполагать в Верхнем Поднепровье еще в неолите, или славянским верхнеднепровское население сделалось очень поздно, а именно в то время, когда определяются тесные культурные связи его со Средним Поднепровьем, основным и древнейшим очагом славянского этногенеза в Восточной Европе» [12. Д. 13. Л. 11—13].

«Окончательное решение вопроса — дело будущего. Решающее слово здесь, конечно, принадлежит лингвистам. Мы, археологи, склонны думать, что никакого единого... протославянского народа, заселявшего... территорию от верховий Дуная до Волги, не было и быть не могло не только в неолитический период, но и значительно позже, что круг славянских племен постепенно... расширялся за счет вовлечения в славянский этногенез племен, которые могут быть названы протославянскими только потому, что они в конце концов превратились в славян» («мы те племена, которые еще ... не были славянскими, финскими, германскими и т. п., называем яфетическими, предполагая, что строй речи у этих племен был еще не индоевропейский»), что славяне сложились в результате «взаимосвязей и общности исторического развития, охватившего разные компоненты славянства далеко не в одно и то же время» [12. Д. 13. Л. 14—15].

«Вот то гипотетическое решение проблемы славянского этногенеза, которое мы предполагаем взамен теории расселения славян с некоей прародины и какое положено в основу изложения соответствующих разделов „Истории СССР“, — подводил итоги Артамонов. — Это решение опирается на конкретные данные археологии и на учение Н. Я. Марра» [12. Д. 13. Л. 14].

Перейдя к этногонии восточной части славянства, Артамонов повторил концепцию, изложенную в феврале 1940 г. в ИИМК Третьяковым: значительное отличие протославянских племен Среднего и Верхнего Поднепровья во второй половине I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. по уровню культурного и социально-экономического развития; слияние этих двух групп в результате общего движения славянства на юг, за Дунай в VI—VII вв. при особой роли передвижек населения из северных в южные области, что и привело к окончательной консолидации восточного славянства [12. Д. 13. Л. 15—18].

Дискуссия по докладу М. И. Артамонова, проходившая 26—27 марта, сконцентрировалась вокруг трех групп вопросов.

Первую из них — где, когда и как протославяне стали славянами? — сформулировал Ю. В. Готье. Вопрос «где?», по его мнению, решался в «Истории СССР» в целом правильно [12. Д. 13. Л. 34]. Иное дело вопрос «когда?». Лингвисты, даже руководствуясь теорией Марра, «все-таки отвлеченной, на него не ответят». Сомнительно, что ответят и археологи. Историки же, в силу отсутствия письменных источников, здесь бессильны. «... Думаю, что и в будущем это сделать будет трудно», — пессимистически констатировал ученый [12. Д. 13. Л. 39—40]. Коренной же «вопрос о том, как же происходит превращение протославян или кандидатов в славяне в настоящих славян, в докладе в общем так и не решается» [12. Д. 13. Л. 44]. По мнению Н. Л. Рубинштейна, хотя «мы не признаем вопроса о прародине, как его ставила индоевропеистика, но это не дает права вообще выбрасывать вопрос об этой территории и о той базе, на которой складывались славянские народы». Наметить эту территорию должны были археологи, что они не сделали, как и не ответили на вопрос о времени начала славянства, ибо сказать, что все население этой территории вошло в какой-то мере в состав будущих славян, значит не сказать ничего [12. Д. 11. Л. 5—7]. Легко решались, в последовательном марристском духе, три

¹²Отметим научную прозорливость положения о появлении славян как этноса относительно быстро и около середины I тыс. н. э. На иной, чем у Артамонова, основе оно ныне актуализируется некоторыми исследователями (см., например, [15; 16]).

«роковые вопроса» Н. С. Державиным, вообще из всех участников дискуссии встретившим доклад наиболее благожелательно. Население Восточной Европы эпох неолита, бронзы, I тыс. до н. э. считать славянами никаких оснований нет. В VI в. славяне выступают уже на огромной территории. «... Мы можем с большой долей вероятности утверждать, что это есть та территория, на которой произошло и происходило в течение веков и тысячелетий, в процессе племенных скрещений», сложение славянского «этнографического типа». Когда возникли славяне — «неизвестно и нам это не надо знать». Народы не возникают в определенный момент, процесс этот длится очень долго и «говорить, когда возник тот или иной народ, мы не имеем никаких оснований». Наконец, что касается того, как возникли славяне, то «решающую роль в этом отношении играл, конечно, процесс племенного скрещивания» [12. Д. 13. Л. 49—54].

Вторая и третья группы вопросов были взаимосвязаны, а именно: степень гипотетичности предложенной концепции славянской и восточнославянской этногонии и возможность в связи с этим ее включения в столь фундаментальное издание, как «История СССР». Здесь мнения также разделились. Ю. В. Готье сравнил некоторые положения доклада М. И. Артамонова со сказкой из «Тысячи и одной ночи», а концепцию в целом охарактеризовал как «увлекательную сказку» [12. Д. 13. Л. 42, 45]. Столь же категоричен был В. И. Пичета, выразивший преобладавшее среди собравшихся настроение: «В течение уже двух лет на заседаниях Отделения общественных наук происходят горячие споры по вопросу об этногенезе славянства... В течение двух лет высказываются различные теории..., причем одна теория сменяется другой..., часто эти теории принимают характер взлета фантазии... и эту фантазию хотят выдать за реальные исторические факты. И те, кто говорил об истории славянства, об их этногенезе, усиленно хотели нас, историков, стоящих на реальных фактах, превратить в поэтов...». Доклад Артамонова, заявил Пичета, никого, в том числе меня, не удовлетворил. «Я думаю, что ясности в этом вопросе нет, а наоборот, получилась еще бо́льшая запутанность по сравнению с тем, что было раньше». Пичета, являвшийся содокладчиком, отказался даже полемизировать с Артамоновым, ибо «вместо одной гипотезы я могу выставить другую гипотезу, и тогда борьба этих гипотез будет напоминать средневековую схоластику...» [12. Д. 13. Л. 56—58]. С. В. Бахрушин, отметив, что гипотеза Артамонова имеет право на существование, хотя проблема в целом еще находится на стадии разработки и подводить итоги рано, указал, однако, что если гипотеза войдет в многотомник, то есть опасность того, что она «получит определенное распространение и крепко осядет в нашем научном обиходе» [12. Д. 11. Л. 15—19].

Иную позицию заняли С. П. Толстов и Н. С. Державин. Толстов упрекнул Пичету за критику гипотетичности построений, изложенных Артамоновым, так как «все так называемые теории о происхождении славян, которые вошли в свое время в старые дореволюционные учебники..., отнюдь не более, а часто гораздо менее обоснованы», чем гипотеза Артамонова. С учетом замечаний, полагал Толстов, глава о славянской этногонии должна войти в «Историю СССР» [12. Д. 11. Л. 9, 14]. Меня, — заявил Державин, — не смущает, что крупнейшая проблема славянских древностей во втором томе «Истории СССР» не получит окончательного разрешения. «Мы ведь только начинаем строительство новой науки в этой области и требовать, чтобы на все вопросы были даны удовлетворительные для всех ответы, было бы неправильно» [12. Д. 13. Л. 55].

В заключительном слове Артамонова и сегодня, сквозь строки стенограммы, слышится его нескрываемая обида. Воспроизведя резкие оценки доклада Готье и Пичетой, он охарактеризовал их следующим образом: сказанное до некоторых из присутствующих «не дошло или отразилось в

головах... каким-то странным и совершенно непонятным для меня образом» [12. Д. 11. Л. 26]¹³. Еще раз обозначив основные положения своего выступления, Артамонов указал, что доклад — не плод его умствований, а результат большой работы целого коллектива. Коснувшись вопроса о соотношении текстов доклада и соответствующих глав «Истории СССР», он подчеркнул, что в докладе проблемы поставлены «в своей обнаженности», тогда как в многотомнике «гипотетическая часть в значительной степени ослаблена, то, что невозможно достаточным образом подкрепить, снято» [12. Д. 11. Л. 31—32].

Итоги дискуссии подвел Б. Д. Греков. По его мнению, обсуждавшиеся вопросы не такие, «чтобы можно было их за два заседания решить. Это вопросы, над которыми мировая наука работает в течение веков». Поэтому «в многотомнике придется сделать оговорку, что проблема происхождения славянства еще не решена» [12. Д. 11. Л. 42, 46].

Доклад Н. С. Державина был выдержан в обычном для этого ученого марристском духе. «... Начиная с первых веков н. э., — говорил Державин, — обширные пространства на территории Центральной и Восточной Европы» занимали славяне, составлявшие «по языку, обычаям и всему укладу своей жизни один народ». Однако «разнородность обстановки культурно-исторического развития древних славян на востоке, на юге и на западе занимаемой ими обширной территории, в своеобразном для каждого из названных районов культурном, политическом, экономическом и этнографическом окружении, привела славянские племена с течением времени к естественному территориальному обособлению и территориальным племенным группировкам, в результате чего образовались три большие территориальные группы славянских племен — восточные, южные и западные». Со времени возникновения у славян первых государственных объединений эти группы значительно разошлись в своем политическом и культурном развитии. Так возникли три ветви славянства [12. Д. 11. Л. 80—81].

Что касается «русского народа» (под этим термином Державин разумел всех восточных славян), то он вырос постепенно, «начиная с доисторических времен, из межплеменных скрещений, растворивших предшествовавшее племенное наследие в новом племенном образовании». Предками «русского народа», как доказал Марр, являлись киммерийцы, скифы, сарматы, стоявшие на доиндоевропейской, яфетической стадии развития [12. Д. 11. Л. 83—84, 88—89]¹⁴.

После мартовской 1940 г. сессии ОИФ и до начала Великой Отечественной войны проблемы славянской этногонии в стенах Академии крупномасштабно не обсуждались. Помимо явных усталости и разочарования в возможности их решения, проявившихся в ходе мартовской дискуссии, сказалось, вероятно, и то, что работа над вторым томом «Истории СССР» была практически завершена, а его авторский коллектив, несмотря на прозвучавшую критику, не хотел, да и не мог, пересматривать с таким трудом выработанную концепцию, не ломая ее.

В мае 1940 г. сессия ОИФ обсуждала второй и третий тома «Истории СССР». Б. Д. Греков в докладе отметил, что «второй том сильно подработан по сравнению с тем, который мы видели раньше», а глава о славянах «переработана в том смысле, что славянам отведено значительно больше места» [12. Д. 15. Л. 13 об.]. Возвращаясь к мартовскому обсуждению и как бы вновь подводя его итоги, Греков говорил: «... В прошлый раз М. И. [Артамонов] докладывал нам свою точку зрения, или своего института, о том, что историю антов и южных славян... разрывает вхождение в состав

¹³То, что ряд участников сессии ОИФ плохо разобрались в сути предложенной Артамоновым концепции, объясняется вполне банально: даже Готье, содокладчик, ознакомился с текстом Артамонова только за день до заседания; другой содокладчик, Державин, откровенно заявил, что «ничего не видел и ничего не прочел» [12. Д. 13. Л. 27, 47], и вместе с остальными воспринимал доклад на слух.

¹⁴В письме от 16 мая 1940 г. Деборину Державин сообщал о том, что подготовил к печати книгу «Происхождение славян и образование первых славянских государственных объединений» объемом около 25 печатных листов. Это «первый опыт на русском языке, — писал Державин, — систематического изложения главнейших проблем, связанных с изучением основных проблем происхождения славян согласно новейшим данным нашей советской науки» [12. Д. 46. Л. 148]. Судя по приложенному к письму конспекту-оглавлению книги, основу ее составили доклад Державина о происхождении южных славян на апрельской сессии ОИФ 1939 г. и доклад на мартовской сессии 1940 г. [12. Д. 46. Л. 141—147].

южных славян потока с севера. Первый раз, когда мы это слышали, были некоторые возражения, сомнения. Я вчитывался в эту главу (второго тома.— *Е. А., М. В.*) и нахожу, что факты, которые сообщаются в подтверждение этой гипотезы... таковы, что с ними надо считаться, так как другой, лучшей гипотезы, чем предложил М. И., нет. Я думаю, что эту гипотезу следует оставить. Пускай другой, следующий этап в развитии нашей науки дает более лучшую гипотезу, но в настоящее время более продуманной гипотезы дать нельзя» [12. Д. 15. Л. 17].

Выступление М. И. Артамонова было пронизано усталостью («мне столько раз приходилось выступать по второму тому „Истории СССР“, что уже и сказать нечего, ничего не осталось» [12. Д. 15. Л. 20 об.]) и свелось к повторению теории о движении в VI—VII вв. северных славянских племен на юг с последующим усилением этногонического процесса, подчеркиванию важности учения Марра и констатации малых усилий лингвистов в решении этногенетических вопросов [12. Д. 15. Л. 22, 24 об., 36 об.].

Подводя итоги обсуждения, А. М. Деборин предложил Главной редакции «Истории СССР» сдать второй и третий тома в печать к 20 июня [6. 1940. № 8. С. 146]. Однако до войны они, как и все издание, завершение которого было намечено на 1942 г. [8. 1940. № 4/5. С. 157], свет не увидели...

На сессии был заслушан также доклад Н. В. Пигулевской «Сирийские источники по истории народов СССР» [12. Д. 15. Л. 41—81], где содержались важные сведения о ранних славянах (в 1941 г. работа вышла отдельной книгой). Из других предвоенных публикаций необходимо отметить подборку А. В. Мишулина «Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.» [9. 1941. № 1], явившуюся развитием его доклада 1938 г. и статьи 1939 г. Проблем этногонии славянства во введении к публикации Мишулин коснулся крайне осторожно, с явной оглядкой на недавние жесткие дискуссии («славянские племена... конечно, не с неба упали, а явились результатом какого-то этнического развития племен, населявших восточные, соприкасавшиеся с Римом, районы Европы» [9. 1941. № 1. С. 228]).

Подведем некоторые итоги. Академические дискуссии рубежа 1930—1940-х годов, в которых участвовал цвет отечественного славяноведения того времени, не привели к решению проблемы происхождения славянства и его ветвей или хотя бы созданию приемлемой для большинства исследователей соответствующей этногонической теории. И если апрельская 1939 г. сессия ОИФ (первый пик дискуссий) отличалась энтузиазмом, когда многим показалось, что «проклятая» задача вот-вот наконец будет разрешена, то мартовскую сессию 1940 г. (второй пик) характеризовали пессимизм и разочарование в возможности на путях марризма и усилиями археологов одолеть проблему. Не увидел свет в варианте 1940 г. второй том «Истории СССР». Давно отвергнут в качестве научной теории марризм, а вместе с ним и все основанные на нем гипотезы и концепции. «Реабилитированы» и успешно развиваются «буржуазный индоевропеизм», идея «прародины» (в том числе как прикарпатской, так и дунайской, о последней см. [21]) славян. Однако все это не дает права свысока смотреть на прошлое и полагать, будто всплеск этногонических славянских разысканий конца 30-х — начала 40-х годов представляет только «антикварный интерес».

В рассматриваемое время Н. С. Державиным и М. И. Артамоновым — П. Н. Третьяковым (при участии других сотрудников ИИМК) были созданы непротиворечивые (в рамках марристской парадигмы) теории происхождения славянства и его группировок (соответственно, южной и восточной). Тем самым, со всеми необходимыми оговорками, можно сказать, что была продолжена научная традиция П. Шафарика, Л. Нидерле, А. А. Шахматова и других, требующая от ученых, работающих в области славянских древ-

ностей, не просто изучать частные вопросы, но через их призму видеть сверхцель — создание целостной картины этногенеза и ранней истории славян.

Другое дело, в 30—40-е годы эта задача не получила убедительного решения. (Впрочем, слова Б. Д. Грекова, сказанные в 1940 г.— «проблема происхождения славянства еще не решена», — могут служить эпиграфом к любому современному исследованию по славянской этногонии.) Причины тому лежали не только на субъективном уровне: следование изначально антиисторичной марристской теории; необходимость форсированно выработать, да еще принципиально отличную от «буржуазных», «марксистскую» теорию, что, конечно, далеко не способствовало ее спокойной и скрупулезной проработке. Имелись факторы и объективного свойства: различение в этнологических построениях того времени глотто- и этногенеза, необходимость разграничения которых не была еще даже осознана; крайняя сложность проблемы славянского этногенеза вообще, требующая не просто дальнейшего накопления фактического материала и совместных разработок специалистов смежных дисциплин, но, видимо, выхода на качественно иной теоретический и методологический уровень¹⁵.

Работа над «Историей СССР» потребовала фронтального изучения и обобщения, в первую очередь историками и археологами, материалов, относящихся к происхождению и ранней истории славянства и особенно его восточной ветви, реализовавшихся в ряде фундаментальных для своего времени публикаций. Для отечественной науки подобные масштабность и комплексность исследования данной проблемы явились безусловно этапными, подводили базу и стимулировали дальнейшее изучение этногонии славянства.

Кроме того, подготовка академической «Истории СССР», созданные в результате этого разработки славянской этногенетической проблематики, апробированные в ходе дискуссий, имели непосредственным результатом появление после войны ряда обобщающих работ [23], влияние которых на развитие современной им науки было весьма велико, а в чем-то не утратилось и сегодня. Что касается самого многотомника, то процитируем предисловие к вышедшим в 1958 г. «Очеркам истории СССР. III—IX вв.»: «Коллективом авторов под редакцией М. И. Артамонова было написано два тома „Истории СССР“ с древнейших времен до образования Киевской Руси. Макет этих двух томов опубликован в 1939 г. и ... сыграл известную положительную роль в развитии нашей исторической науки, так как явился первой попыткой обобщения обильного археологического и исторического материала по истории первобытного строя, рабовладения и раннего феодализма на всей территории Советского Союза. После создания академиком Б. Д. Грековым многотомной серии „Очерков истории СССР“ обе части макета 1939 г. были включены в нее в качестве начальных томов серии»; впрочем, «текст всех разделов был написан заново в 1950-е годы с учетом новых достижений советской науки» [8].

Дискуссии и публикации рубежа 30—40-х годов, где затрагивались проблемы происхождения славян, выявили, что среди ученых отношение к марризму являлось далеко не однозначным. В этом отношении просматриваются три группы: те, кто безоговорочно следовали учению Марра, кладя его в основу своих построений (Н. С. Державин, М. И. Артамонов, сдержаннее П. Н. Третьяков); те, кто публично не критикуя марризм, тем не менее фактически его отторгали (например, В. И. Пичета, см. также выше). Третью группу составляли ученые, находившиеся в открытой оппозиции теории Марра, «смеявшие» печатно высказываться фактически про-

¹⁵ Не случайно сегодня говорится о необходимости создания «этногенезологии» как комплексной дисциплины, призванной синтезировать достигнутое отдельными науками (историей, лингвистикой, археологией, этнографией, фольклористикой и др.), занимающимися вопросами этногенеза (см. [22]).

тив нее. Речь идет о появившихся в «Вестнике древней истории» статьях М. В. Левченко и Б. Т. Горянова (для умонастроений ученого мира показателен сам факт допуска на страницы научного журнала этих не столь уж безопасных по тем временам работ). Вероятно, именно их имел в виду Артамонов, говоря в апреле 1939 г., что имеются явные наскоки на теорию Марра [18. Оп. 13. Д. 10. Л. 17 об.].

Левченко, исходя из гипотезы о прародине славянства к северу от Карпат, писал: «Славяне... появились в Европе в итоге длительного общения между собой различных племен и народов, расселись на огромных пространствах Восточной Европы. Шахматов правильно связывает факт мощного движения славян на запад и на юг Европы в V—VI—VII вв. с великим переселением народов. Мы не знаем, когда произошла колонизация славянами бассейнов Одера и Эльбы [...], а также Богемии, Моравии и Силезии... В сидящих на Дунае (в начале VI в.— Е. А., М. В.) славянах мы видим предков восточных и южных славян, которые, еще не разделившись, в конце V в. покинули Привислинье и прошли на Дунайскую равнину» [9. 1938. № 4. С. 25—26].

Горянов, приведя две точки зрения, существовавшие в русском византиноведении начала XX ст. (славяне расселились по Европе с Карпат, которые и являются их прародиной; первоначальное местоположение славян находилось к северу и северо-востоку от Карпат, до течения Днепра), заключил: «Не вдаваясь здесь в рассмотрение сложного вопроса о „славянской прародине“, можно уже, однако, и сейчас установить, что ближе к научной истине вторая точка зрения» [9. 1939. № 1. С. 312].

Открытое и скрытое противостояние марризму способствовало его быстрому изживанию после 1950 г. и возвращению отечественной науки в общемировое русло изучения славянской этногонии.

Еще в 1925 г. Ю. В. Готье писал: «Русская историческая наука ... должна принять в область своего прямого и непосредственного изучения тот длинный период времени, который она до сих пор считала по отношению к истории собственно России доисторическим, и не отмежевываться от него, так как если в этот период нельзя говорить об истории Русского государства, то на значительном протяжении его можно говорить об истории русского народа, а еще раньше — об истории его предшественников, а может быть и предков... Русская археологическая наука должна, со своей стороны, подходить к той же цели, отречьшись от накопления материала, которым она почти исключительно занималась до сего времени» (цит. по [24]). Сформулированные Готье необходимость совместных усилий славянской археологии и исторической науки, значение археологических изысканий для чисто исторических выводов русистов были реализованы в ходе работы над многотомником, когда дописанная и письменная история восточных славян оказалась связана воедино и протянута в праславянскую древность. И здесь существен сам подход, кажущийся ныне само собой разумеющимся, а не те или иные конкретные построения, которые менялись и будут меняться.

Наконец, работа над «Историей СССР», концепцией этногенеза восточного славянства и славян в целом оказала большое влияние на последующее развитие отечественной археологии в том ключе, в каком оно виделось Готье. «Советская археология,— говорил Артамонов в 1940 г.,— переживает период крутого поворота к истории... Результаты нового курса уже сказываются... На основе опыта обобщающих исторических трудов и частные археологические темы ставятся по-новому. Сотрудники института (ИИМК.— Е. А., М. В.) ставят их как историки, а не как узкие ограниченные специалисты-археологи, которые не умели из-за деревьев видеть леса и, годами работая над какой-нибудь археологической темой, не могли ответить — почему сие важно хотя бы в-пятых» [19. Вып. IV. С. 64].

Вместе с тем с конца 1930-х годов и в течение длительного времени изучение славянского этногенеза оказалось по разным причинам едва ли не «монополией» археологов. И хотя Артамонов призывал коллег совмещать с доскональным знанием материалов по своей узкой специальности «хорошее знание археологии эпохи в целом и знакомство с данными по этой эпохе сопредельных дисциплин» [19. Вып. IV. С. 65], этого зачастую не проис-

ходило. В результате и без того далеко не «прозрачный» вопрос о происхождении и ранней истории слагян нередко оказывался еще более запутан, впрочем, «усилиями» не только археологов. И это вновь возвращает нас к назревшей необходимости синтеза на равноправной основе выводов всех смежных наук для ощутимого продвижения в решении проблемы этногонии славянства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы)//Советское славяноведение. 1989. № 1.
2. *Горяинов А. Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов: некоторые неизвестные страницы из истории советской науки//Советское славяноведение. 1990. № 2.
3. *Аксенова Е. П.* «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы)//Советское славяноведение. 1990. № 5.
4. *Аксенова Е. П.* Из истории советской славистики в 1930-е годы//Советское славяноведение. 1991. № 5.
5. Известия АН СССР. Отделение общественных наук.
6. Историк-марксист.
7. Вестник АН СССР.
8. Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958. С. 5.
9. Вестник древней истории.
10. Советская археология: Сб. статей. М.; Л.
11. Архив РАН (бывший Архив АН СССР). Ф. 457. Оп. 1—1939.
12. Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1—1940.
13. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
14. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
15. *Иванов С. А.* Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей)//Советское славяноведение. 1991. № 5.
16. *Васильев М. А.* Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года?//Славяноведение. 1992. № 2.
17. *Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.
18. Архив РАН. Ф. 394.
19. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1939—1941.
20. Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941. Т. 1. (= Материалы и исследования по археологии СССР. № 6).
21. *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
22. *Седов В. В.* Проблема происхождения и начальной истории славян//Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 21.
23. *Державин Н. С.* Славяне в древности: Культурно-исторический очерк. М., 1945; *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.; Л., 1948; 2-е изд. М., 1953; *Рыбаков Б. А.* Древние русы//Советская археология: Сб. статей. М., 1953. Вып. XVII, и др.
24. *Бахрушин С. Юрий Владимирович Готье*//Исторический журнал. 1944. № 2/3. С. 77—78.

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Оригинал-макет материалов этого раздела
изготовлен в Синодальной библиотеке
Московского патриархата

Плетнева А.А.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

ВТОРОЕ СКЛОНЕНИЕ

Ко второму склонению относятся существительные женского и мужского рода с твердым или мягким конечным согласным основы, в *И.ед.* оканчивающиеся на -а или -ӑ: *женà, земл̆а, ѳоноша, свѣд̆а*. Если в 1-е склонение входит ряд существительных, не относящихся в старославянском к склонению на *ѡ, то 2-е склонение практически тождественно старославянскому склонению на *ã. Однако при близости 2-го склонения и склонения на *ã одни старославянские формы не сохранились, другие появляются в ряду варьирующихся форм. Система окончаний второго склонения выглядит следующим образом:

единственное число

И.		-а, -ӑ (<i>женà, земл̆а, дѣвѣнца, рѣкӑ</i>)
Р.	<1>	-ы, -и (<i>жены, земли, дѣвѣнцы, рѣки</i>)
Д.	<2>	-ѣ, -и (<i>женѣ, земл̆и, дѣвѣнцѣ, рѣцѣ</i>)
В.		-ѡ, -ю (<i>женѡ, земл̆ю, дѣвѣнцѡ, рѣкѡ</i>)
Т.	<3>	-ою, -ею (<i>женóю, земл̆ею, дѣвѣнцею, рѣкóю</i>)
П.	<4>	-ѣ, -и (<i>женѣ, земл̆и, дѣвѣнцѣ, рѣцѣ</i>)
Зв.	<5>	-о, -е (<i>женó, земл̆е, дѣвѣнце, рѣкó</i>)

<6>

двойственное число

И., В., Зв.	<7>	-ѣ, -и (<i>женѣ, земл̆и, дѣвѣнцѣ, рѣцѣ</i>)
Р., П.		-ѡ, -ю (<i>женѡ, земл̆ю, дѣвѣнцѡ, рѣкѡ</i>)
Д., Т.	<8>	-ама, -ӑма (<i>женáма, земл̆ама, дѣвѣнцама, рѣкӑма</i>)

И.,Зв.	<9>		-ы, -и (жѣны, зѣмли, дѣвѣицы, рѣки)
Р.	<10>		ѵ, -ей (жѣнѣ, земѣль, дѣвѣицѣ, рѣкѣ, кѣщей)
Д.			-амѣ, -амѣ (женамѣ, землямѣ, дѣвѣицамѣ, рѣкамѣ)
В.	<11>		-ы, -и, -а, ѵ (жѣны, зѣмли, дѣвѣицы, рѣки, ѵтроковѣицѣ)
Т.	<12>		-амѣ, -амѣ, -мѣ (женамѣ, землямѣ, дѣвѣицамѣ, , рѣкамѣ, тѣсакѣмѣ)
П.	<13>		-ахѣ, -ахѣ, -ѣхѣ (женахѣ, земляхѣ, дѣвѣицахѣ, рѣкахѣ, слобѣхѣ)

ПРИМЕЧАНИЯ КО 2-МУ СКЛОНЕНИЮ

1. Следует обратить внимание на различия церковнославянской и старославянской форм *Р.ед.*: цсл. – рѣки, влагѣ, землѣ, дѣвѣицы, стсл. – рѣкѣ, влагѣ, землѣ, дѣвѣица. На основе приведенных С.К.Буличем примеров форм из Острожской и Московской Библии [1, с. 193] можно заключить, что в Московской Библии уже не встречаются формы со старославянским окончанием -а/-а, в то время как в Острожской это окончание является наиболее распространенным.

2. У существительных с основой на задненебные в *Д.ед.* происходит чередование конечных согласных к, г, х со свистящими ц, з, с: рѣка – рѣцѣ, ногѣ – ногѣ, снохѣ – сноцѣ¹. Однако изредка встречаются формы без изменения конечного согласного: И речѣ ноёмѣнѣ къ рѣдѣ снохѣ своей (Рух 2,22). Существительные с основой на -ц- имеют окончание -ѣ: И принесѣша главѣ ѿгѣ на блюдѣ, и дѣша дѣвѣицѣ (Мф. 14,11). У существительных с основой на шипящую встречается как окончание -ѣ, так и окончание -и: Старецѣ избрѣннѣи госпожѣ и чѣдомѣ ѿа, и хужѣ ѣзѣ любѣю воистиннѣ (2 Ин. 1,1). ...ѣки сходяще на полѣ къ пѣрвоѣ стражи сынѣвъ ѣсѣровыхѣ (Иф. 14,2).

3. У собственных имен мужского рода, в *И.ед.* оканчивающихся на -ѣа, в *Т.ед.* наряду с окончанием -ѣа встречается окончание -ѣмѣ по аналогии с 1-м склонением: Тогда свѣстѣа речѣнное ѣремѣмѣ прорѣкомѣ... (Мф. 2,17). Сѣй во ѣсть речѣнный исѣѣмѣ прѣрѣкомѣ... (Мф. 3,3). Ѡбѣче рѣка ѣхѣкамѣ сѣа сафанѣнна вѣ со ѣремѣю (Иер. 26,24).

4. У существительных с основой на задненебные перед -ѣ происходит чередование к, г, х со свистящими ц, з, с: рѣка – рѣцѣ, ногѣ – ногѣ, снохѣ – сноцѣ. Однако в текстах встречаются формы и без изменения задненебных: И вѣдетѣ ѣакѣ древо насаждѣнное при водахѣ, и во влагѣ пѣститѣ корѣнѣ свое (Иер. 17,8). Ииѣ ѿѵбо сѣдѣ напиши сѣа на десѣѣ, и вѣ книгѣ... (Ис. 30, 8). Существительные с основой на шипящую, так

1. В.И.Классовский указывает на форму пѣсѣѣ (от пѣсѣа), являющуюся исключением из этого правила, т.к. х в этом случае чередуется с ц [2, с.18].

же как и с основой на мягкий согласный², имеют окончание -и, а существительные с основой на -ц- оканчиваются на -ѣ: ...И востѣ ѿ оўтреничѣи стражи (Иф. 12,5). Когда же тѣмъ видѣхомъ волѣща, илии въ темницѣ, и приидѣхомъ къ тебѣ; (Мф. 25,39)³.

5. Наряду со специфическими звательными формами встречаются формы, имеющие окончание *И.п.* Возвеселиса пѣстыне, и вси ѡл, приидѣоша, и живѣшии въ кидарѣ (Ис. 42,11). радѣиса пѣстына жаждѣща, да веселѣтса пѣстына, и да цвѣтетъ ѣкво кринъ...(Ис. 35,1).

6. Формы двойственного числа в церковнославянских текстах употребляются непоследовательно. Вместо них часто встречаются формы множественного числа: ѡбѣ страны (Иез. 35,10); ѡбѣ снохи (Рух 1,6-7). Для того, чтобы избежать омонимии флексий единственного и неединственного числа, используются дополнительные графические средства, такие как чередование о и ѡ, ѣ и ѣ, замена острого ударения на обличенное (об этом см. подробнее раздел *орфография*).

7. У существительных с основой на -к-, -г-, -х- происходит чередование заднебных со свистящими: рѣка – рѣцѣ, нога – нозѣ, сноха – снобѣ⁴. Существительные с основой на -ц- оканчиваются на -ѣ, а существительные с основой на шипящую имеют окончание -и. Вѣжди ѡгѡ испытѣетѣ сыны человекѣскѣа (Пс. 10,5). И бѣдетъ въ той дѣнь, кормити бѣдетъ человекѣкѣ юницѣ ѿ волѡвъ, и двѣ ѡвцѣ (Ис. 7,21).

8. Существительные с основой на -j-, хотя и относятся к мягкому типу склонения, могут иметь окончание -ама: ѡце дамъ... покой скраніама моима, дѡндеже ѡбращѣ мѣсто гдѣви... (Пс. 131,4-5). Как исключение можно рассматривать формы с окончанием существительных 1-го склонения: ...И слагѣ по ланитнома ѡгѡ вѣахѣ (Мк. 14,65).

9. Старославянское окончание существительных с мягким конечным основы -я(-а, -а) не встречается в церковнославянских текстах. Существительные с основой на -к-, -г-, -х- образуют форму *И.мн.* без изменения заднебных в свистящие: рѣки, нѡги, снохи. Окончание -и в этой форме появилось в церковнославянском под влиянием русского языка, а в старославянском находим окончание -ы (рѣкы). Существительные с основой на -ц- имеют окончание -ы, а существительные с основой на шипящей чаще имеют окончание -и,

2. Для существительных с основой на мягкий согласный В.И. Класовский [2, с.18] приводит наряду с окончанием -и вариативное окончание -ѣ. Нам не удалось обнаружить формы с этим окончанием в церковнославянских текстах.

3. В Острожской и Московской Библиях после -ц- в *П.ед.* находим окончание -и, а не -ѣ. [1, с.196]

4. В приведенных примерах не происходит замены о на ѡ, острого ударения на обличенное, т.к. формы *Д.,П.ед.* отличаются от форм *И.,В.,Зв.дв.* местом ударения: рѣцѣ, нозѣ, снобѣ (*Д.,П.ед.*) – рѣцѣ, нозѣ, снобѣ (*И.,В.,Зв.дв.*).

однако изредка, скорее как исключение, также встречается -ы⁵. Въ падѣніи ѿгѡ почиша всѧ птицы нѣныѧ (Иез. 31,13). И црїе зѣмстїи и великожи... скрѣшасѧ въ пещѣрахъ...(Откр. 6,15). Праведныхъ же дѣшы въ рѣцѣ бж҃ей, и не прикоснетсѧ ѿхъ мѣка (Прем. 3,1).

10. У существительных мягкого варианта склонения кроме старославянского нулевого окончания в Р.мн. встречается также окончание -ей, которое восходит к старославянскому -ни/-ьи склонения на *ī. Изъ ноздорѣй ѿгѡ исхѡдитъ дымъ...(Иов 41,11).

11. У существительных с основой на заднеязычные вместо старославянского окончания -ы (ржкы) находим -и (рѣки, нѣги, снѣжи). Старославянское окончание -ѧ мягкого варианта склонения встречается довольно редко⁶: И имѧхъ бронѧ, ѡко бронѧ желѣзны, и гласъ криѧтъ ѿхъ, ѡко гласъ колесницъ (Откр. 9,9). Существительные с основой на шипящий и -ц имеют окончание -ы⁷: И создѧ бг҃ъ ицѣ ѿ земли всѧ свѣри сѣльныѧ, и всѧ птицы небѣсныѧ... (Быт. 2,19). И сотвориши блѡда ѿ... и чѣшы, ѿмже возливѧти бѣдѣши...(Исх. 25,29). У одушевленных существительных в В.п. изредка встречается нулевое окончание (это окончание характеризует Р.мн.): И тогѡ радѣ шпѣстїѧ всѣ отроковѣцѣ ѿ тебѣ (Дан. 13, 21). Случаи такого рода объясняются влиянием русского языка, где одушевленные существительные отличаются от неодушевленных формой винительного падежа.

12. Кроме форм с окончаниями -ами/-ями встречаются также, хотя и довольно редко, формы с окончанием -ми: И видѣхъ, и сѣ возмогѧше тѡй человекъ съ тысящми небѣсными (3 Езд. 13,3).

13. Кроме исконных форм с окончаниями -ѧхъ/-ѧхъ встречаются, правда, довольно редко, формы с окончаниемъ -ѣхъ (вероятно, по аналогии с 1-м склонением), причем это окончание появляется как у существительных мягкого варианта склонения, так и у существительных твердого варианта: И бити имѧтъ лица своѧ ѡ слобѣхъ, ѡже твориша во всѧхъ мѣростехъ своихъ (Иез. 6,9). Извлечѣши ли смѧ оудицею, или ѡбложѣши оудѧ ѡ ноздорѣхъ ѿгѡ; (Иов 40,20).

ТРЕТЬЕ СКЛОНЕНИЕ

К третьему склонению относятся существительные женского рода с мягким конечным согласным основы, в И.ед. имеющие нулевое окончание. Кроме того, к 3-му склонению относятся

5. Из примеров, приведенных С.К Буличем [1, с.198], видим, что в Московской Библии употребление -ы/-и после шипящих и -ц-такое же, как и в Елизаветинской, в то время как в Острожской в этой позиции находим окончание -ѧ, соответствующее старославянскому.

6. С.К.Булич отмечает, что в Острожской Библии наиболее распространенным в мягком варианте склонения является окончание -ѧ/-ѧ. В Московской Библии это старославянское окончание практически во всех случаях заменяется на -и/-ы [1, с.202-203].

7. Таким образом, для существительных с основой на шипящий оказываются противопоставленными формы И.мн. и В.мн.: юноши (И.) – юношы (В.)

существительные *м.р.* *пѣть* и *гоутѣнь* и существительные, имеющие лишь формы множественного числа: *гѣсли, ѿсли, пѣрси, мѡщи, людіе*. Окончания 3-го склонения почти тождественны окончаниям старославянского склонения на *І. Изменения в системе окончаний, произошедшие за тысячелетнюю историю церковнославянского языка, здесь не носят принципиального характера. Изменился лишь состав существительных, относящихся к этому склонению (в старославянском языке к склонению на *І относилась довольно большая группа существительных *м.р.*, которая почти вся в современном новоцерковнославянском относится к 1-му склонению). Система окончаний существительных 3-го склонения выглядит следующим образом:

		<i>единственное число</i>
И.		∅ (<i>зѣповѣдъ, пѣть</i>)
Р.		-и (<i>зѣповѣди, пѣти</i>)
Д.	<1>	-и (<i>зѣповѣди, пѣти</i>)
В.		∅ (<i>зѣповѣдъ, пѣть</i>)
Т.	<2>	-ію, -емъ (<i>зѣповѣдію, пѣтемъ</i>)
П.		-и (<i>зѣповѣди, пѣти</i>)
Зв.	<3>	-е, -и, ∅ (<i>зѣповѣде, пѣть, пѣти</i>)
	<4>	<i>двойственное число</i>
И.,В.,Зв.		-и (<i>зѣповѣди, пѣти</i>)
Р.,П.	<1>	-ію (<i>зѣповѣдію, пѣтію</i>)
Д.,Т.	<2>	-ема, -ьма (<i>зѣповѣдема, пѣтьма</i>)
	<4>	<i>множественное число</i>
И.,Зв.	<2>	-и -іе (<i>зѣповѣди, пѣтіе</i>)
Р.	<5>	-ей, -ій (<i>зѣповѣдей, пѣтій, дверій</i>)
Д.	<2>	-емъ, -емъ (<i>зѣповѣдемъ, пѣтемъ</i>)
В.	<6>	-и (<i>зѣповѣди, пѣти</i>)
Т.		-ьми (<i>зѣповѣдми, пѣтьми</i>)
П.	<7>	-ехъ, -ѣхъ (<i>зѣповѣдехъ, пѣтѣхъ, юдѡлѣхъ</i>)

ПРИМЕЧАНИЯ К 3-МУ СКЛОНЕНИЮ

1. Имена собственные *ѡсдѣрь, рѣдъ* в *Д.ед.* имеют формы по типу 1-го склонения: *На прѣѣ же речѣ царѣ ко ѡсдѣрю...* (*Есф. 5,6*). *И речѣ ноемлинѣ къ рѣдѣ...* (*Руф 1,15*).

2. Существительные *ж.р.* и *м.р.* 3-го склонения имеют в формах *Т.ед.* и *И.мн.* разные окончания (*зѣповѣдію – пѣтемъ; зѣповѣди – пѣтіе*), что является особенностью и старославянского языка. Различия в формах *Д.мн.* и *Р.,П.дв.* для существительных *ж.р.* и *м.р.* (этих различий мы не найдем в грамматиках старославянского языка) объясняются орфографическим правилом, согласно которому одинаково звучащие, но имеющие разное грамматическое содержание формы, пишутся по-разному: *зѣповѣдію* (*Т.ед.*) – *зѣповѣдію* (*Р.,П.дв.*);

пѣтъмѣ (Т.ед.) – пѣтъмѣ (Д.мн.). Различие окончаний в формах *зѣповѣдѣна* и *пѣтъмѣ* (Д., Т.дв.) не связано с противопоставлением окончаний *м.р.* и *ж.р.*: *ѣ* в форме *зѣповѣдѣна* восходит к старославянскому *ь*.

3. Если старославянская форма звательного падежа оканчивается на *-и*, то современная церковнославянская форма – на *-ѣ* (это объясняется влиянием существительных 2-го склонения)⁸: *И рече ѿи: что ти есть ѿсрѣе; (Есф. 5,1). Возлюблю тѣ гдѣи крѣпосте моѣ... (Пс. 17,2)*⁹.

4. Если окончания форм *дв.* и *мн.* чисел совпадают с окончаниями форм единственного числа, то для противопоставления форм используются специальные графические средства (подробнее см. раздел *орфография*).

5. В современном церковнославянском так же, как и в старославянском языке, у формы *Р.мн.* встречаются два окончания: *-ѣи* и *-ѣи* (в старославянском было *-иѣ* и *-ѣи*). Окончание *-ѣи* является наиболее распространенным¹⁰: *И азъ даже до времени онаго двѣроѣи не поставихъ во вратѣхъ (Неем. 6,1). Аггль во гдѣнь сшѣдъ съ нѣсе, пристѣплъ Швалѣи камень Ш двѣроѣи грѣба, и сшѣдше на нѣмъ (Мф. 28,1).*

6. Существительные с основой на шипящую в *В.мн.* могут иметь окончание *-ы*, вместо ожидаемого *-и*, что объясняется влиянием 2-го склонения (см. примечание 11 ко 2-му склонению): *Тѣко ѿже ѡбитѣютъ на землѣ, тѣкмо вѣщы назѣмныѣ развѣсти мѡгѣтъ (3 Езд. 4,21).*

7. Кроме традиционного окончания *-ѣхъ* (от старославянского *-ѣхъ*) в *П.мн.* изредка встречается окончание *-ѣхъ*, появление которого объясняется влиянием 1-го склонения¹¹: *Бѣста же правѣдна ѡба предъ вѣгомъ, ходѣще во всѣхъ зѣповѣдѣхъ и ѡправданѣхъ гдѣнихъ безпорѣчна (Лк. 1,6). И изыдоша сѣдмь аггль изъ храма, ѿже имѣахъ сѣдмь ѿзвѣвъ..., и препѡсани на пѣрсѣхъ поѣсы златѣмни (Откр. 15,6).*

ЧЕТВЕРТОЕ СКЛОНЕНИЕ

К 4-му склонению мы относим те существительные, которые в грамматиках старославянского языка рассматриваются как существительные склонения с основой на согласный (т.е. те существительные мужского, женского и среднего рода, у которых

8. С.К.Булич отмечает, что в Острожской Библии находим форму звательного падежа на *-и*, в Московской Библии встречаются оба окончания: *-и* и *-ѣ* [1, с.167].

9. Что касается существительных *м.р.* *пѣтъ* и *гортѣнъ*, то нам не удалось найти в церковнославянских текстах их звательной формы. Приведенные в качестве примеров формы *пѣтъ*, *пѣти* соответствуют формам, приведенным в грамматиках Алипия и Павлова [3, с. 50; 4, с.38].

10. В Острожской Библии практически во всех случаях находим *-ѣи*, в Московской уже *-ѣи* [1, с.168].

11. В Острожской Библии формы 3-го склонения с окончанием *-ѣхъ* не встречаются; в Московской Библии формы на *-ѣхъ* встречаются в тех же случаях, что и в Елизаветинской. [1, с.168-169].

формы косвенных падежей отличаются от формы именительного падежа, кроме существительных типа *свекры*). Вопрос о группировке существительных по склонениям не столь очевидный как кажется на первый взгляд. Алипий, например [3, с. 53], вместе с существительными с основой на согласный рассматривает существительные *непѣды*, *свекры* и *под*. В грамматике В.И.Классовского [2, с. 6-20] находим другую классификацию: существительные *ср.р.* (*ѣмѧ, ѡтрочѧ, нѣбо*) образуют самостоятельное склонение, существительные *ж.р.* примыкают к бывшему склонению на *ĭ, а существительные *м.р.* – к бывшему склонению на *ǫ.

Действительно, если сравнить между собой системы окончаний существительных таких типов, как *ѣмѧ, кѧмень, мѧти, зѧповѣдѧ*, видно, что существительные типов *кѧмень, мѧти, зѧповѣдѧ* в современном церковнославянском языке имеют между собой не меньше общего в склонении, чем существительные типов *ѣмѧ, кѧмень, мѧти*. Однако мы в описании следуем традиционной классификации. Традиционная классификация здесь, на наш взгляд, позволяет упростить описание системы склонений имен существительных, с одной стороны, и, с другой стороны, провести отчетливую параллель между церковнославянским и старославянским склонением.

Традиционно по типу основ косвенных падежей выделяются следующие подтипы существительных 4-го склонения: I. Существительные *ср.р.*, в *И.ед.* оканчивающиеся на *-ѧ*, в косвенных падежах имеющие приращение *-ен-*: *ѣмѧ – ѣмене, времѧ – време*; II. Существительные *ср.р.*, в *И.ед.* оканчивающиеся на *-ѧ/-ѧ*, имеющие приращение *-ѧт-/-ѧт-* (эти существительные имеют общее лексическое значение: они обозначают детей человека или детенышей животных): *ѡтрочѧ – ѡтрочѧте, ѡрѧ – ѡрѧте, ѡслѧ – ѡслѧте*; III. Существительные *ср.р.*, в *И.ед.* оканчивающиеся на *-о*, имеющие в косвенных падежах приращение *-ес-*: *нѣбо – небесе, слово – словесе*; IV. Два существительных *ж.р.*, имеющие приращение *-ер-*: *мѧти – матере, дщѣ – дщере*; V. Существительные *м.р.* *кѧмень, кѡрень, стѣпень, пламень, кремьнь, ремьнь, дѣнь, гѧчмьнь*¹².

Система окончаний существительных 4-го склонения выглядит следующим образом:

12. Древняя основа формы *И.ед.* противопоставлялась основе всех остальных падежей: *кѧмы – кѧмене, пламы – пламене*. Нам известны лишь два случая употребления древней формы *И.ед.* в современных церковнославянских текстах: *дѧшѧ же ѡгнь ѣкво ѡгньѧ, ѣ ѣкво пламы ѣз ѡгть ѡгнь ѣхѡдѧтъ* (*Иов 41,12*). *Жестока ѣкво ѣдѧ рѣвность: крила ѡм крила ѡгньѧ, ѡгньѧ ѡгньѧ ѡгненно пламы ѡм* (*П. песн. 8,6*). В остальных случаях встречаем новую форму с выровненной основой: *ѣгдѧ же сѣѣ вѣсть, пламень возгорѧса...* (*2 Мак. 1,32*).

единственное число

И.,Зв.	<1>	-а, -а, -о, ∅, -и (йма, отроча, небо, камень, ма́ти)
Р.	<2>	-е (ймене, отроча́те, небесе́, камене́, ма́тере)
Д.	<3>	-и, -еви, -ю (ймени, отроча́ти, небеси́, каменнi, ма́тери, днѣве, днiю)
В.		-а, -а, -о, ∅ (йма, отроча, небо, камень, ма́терь)
Т.	<4>	-емъ, -омъ, -iю (йменемъ, отроча́темъ, небесѣмъ, небомъ, каменемъ, ма́терию)
П.	<5>	-и (ймени, отроча́ти, небеси́, каменнi, ма́тери)

двойственное число

И.,В.,Зв.	<6>	-и, -а (ймвни, отроча́ти, небеси́, камена́, ма́тери)
Р.,П.		-ѡ, -ю, -iю (йменѡ, отроча́тѡ, небесѡ, каменѡ, днiю, ма́терию)
Д.,Т.		-ема, -ьма, (йменѣма, отроча́тема, небесѣма, каменья́ма, ма́терема)

множественное число

И.,Зв.	<7>	-а, -и, -iе (ймена́, отроча́та, небеса́, ка́мвни, ма́тери, днiе)
Р.	<8>	∅, -iй, -ей (йменѡ́, отроча́тѡ́, небесѡ́, каменiй, ма́тери, ма́терей)
Д.	<9>	-омъ, -амъ, -омъ, -емъ, (йменомъ, йменомъ, ймена́мъ, отроча́томъ, небеса́мъ, небесѡ́мъ, отроча́томъ, ка́меномъ, ма́теремъ)
В.		-а, -и, -ей (ймена́, отроча́та, небеса́, ка́мвни, ма́тери, ма́терей)
Т.	<10>	-ы, -ами, -ьми (ймены́, ймена́ми, отроча́ты, небесы́, небеса́ми, ка́меньми, ма́терьми)
П.	<11>	-ѣхъ, -ехъ, -ахъ (йменѣхъ, йменехъ, ймена́хъ, отроча́тѣхъ, отроча́техъ, небесѣхъ, ка́менехъ, ма́терехъ)

ПРИМЕЧАНИЯ К 4-МУ СКЛОНЕНИЮ

Ввиду того, что существительные, относящиеся к 4-му склонению, имеют в каждом из подтипов свои особенности в склонении, рассмотрим эти подтипы отдельно:

1. Существительные типа йма

2. Довольно редко встречается форма Р.ед. с окончанием -и: *врѣмени* (Откр. 12,14).

9. В *Д.мн.* встречаются формы с тремя вариантами окончания: *Сїи вѣша начѣнницы племенѡмъ ꙗлавымъ* (1 Цар. 27,23). *И приведе хорѡвъ венѣмїю по племенѡмъ...* (1 Цар. 10, 21). *И нынѣ стѣните предъ гдѣмъ по хорѡвамъ вашимъ, и по племенѡмъ вашимъ...*(1 Цар. 10,19).

10. Старославянская форма *Т.мн.* сосуществует с формой по типу основ 2-го склонения. *Свѣдѣтельство времены свои, въ неже поставленъ выхъ ѡзъ...* (1 Тим. 2,6). *И постави вгд надъ временами дѡмъ іосифова* (3 Цар. 11,28).

11. В *П.мн.* находим три варианта окончания: -ѣхъ, -ехъ, -ахъ. *Подобаетъ ти пакѣ прѡрѡчествовати въ людехъ и во племенехъ и во ѡзыцѣхъ* (Откр. 10,11). *Изверите себѣ мѡжи мѣдры... въ племенехъ вашихъ* (Втор. 1,13). *И во временахъ своихъ не имѣтъ прейти слова* (Сир. 39,38).

II. Существительные типа *ѡтрочѣ*

8. Как исключение в *Р.мн.* можно рассматривать форму без приращения основы: *дѣтїи* (...оставите дѣтїи приходити ко мнѣ — Мк. 10,14).

9. Кроме правильных форм с окончанием -ѡмъ встречаются также формы с окончанием -ѡмъ: *ѡ плѣвы и пища ѡслѡтѡмъ нашимъ вѣсть...* (Суд. 19,19).

11. В *П.мн.* возможны два орфографических варианта: с окончанием -ехъ, старославянским по происхождению, и с окончанием -ѣхъ, которое появляется под влиянием существительных *ср.р.* 1-го склонения: *И се ѡцъ твоѣ Шверже глагола ѡ ѡслѡтехъ...* (1 Цар. 10,2). *И ѡ ѡслѡтехъ твоихъ заблѣдвшихъ днесь третїи дѣнь, не помышлай въ сѣрдцы своемъ...* (1 Цар. 9,20).

III. Существительные типа *нѣбо*¹³

2. Как исключение можно рассматривать формы *Р.ед.*, образованные без приращения: *ѡнъ же глаголаше ѡ цркви тѣмъ своего* (Ин. 2,21).

4. Наряду со старославянскими формами в *Т.ед.* довольно часто встречаются формы без приращения по типу существительных первого склонения¹⁴. *И кленїица нѣсѣмъ, кленѣса престѡломъ вѣжимъ и сѣдѡшнмъ на немъ* (Мф, 23,22). *Прѣжде же всѣхъ братїе моѣ, не кленїтеса ни нѣомъ, ни землѣю...*(Иак. 5,12).

7. В *И.мн.* наряду с формой *древеса* (Иез. 31,9) встречается форма *древѣ* (Исх. 9,25) и форма с собирательным значением *древїе* (Мк. 8,24).

9. В *Д.мн.* преобладают формы с окончанием -ѡмъ: *словесѡмъ* (1 Тим. 6,3), *чѣдесѡмъ* (Деян. 4,30) и др., в то же время встречаются и формы с окончанием -амъ, как с приращением -ес-, так и без

13 Существительное слово (ὁ Λόγος) может обозначать второе лицо св. Троицы, Сына Божиего (см. Ин. 1,1). В этом случае оно, естественно, употребляется только в ед.ч. и имеет формы без приращения по типу 1-го склонения: ...безъ истлѣнїѣ вѣа слова рѡждшѣю сѣшю вгрѡднцъ тѣ величѣемъ (Достойно есть). Встречается также форма звательного падежа: Ѡ мѣдросте и словѣ вѣїи и сію! (К.Пасхи, п. 9)

14. Уже в Острожской Библии в форме *Т.ед.* встречаются формы без приращения [1, с.179].

него: И рече терние къ дровѣмъ...(Суд. 9,15). Колѣсамъ же симъ воззваѣа, гѣлгелъ, слышашѣ мнѣ (Иез. 10,13).

10. Кроме старославянских форм с окончанием -ы (словесы – Рим. 16,18) встречаются формы, образованные, видимо, под влиянием русского языка с окончанием -ами, с приращением или без него: ...и снѣди съ древесами сладости въ гавинѣ землию... (Иез 31,18); ...пойдѣ владѣти древѣми...(Суд. 9,9). Изредка встречаются формы, образованные по типу существительных ср.р. 1-го склонения, т.е. с окончанием -ы, но без приращения: ...Хірамъ царь турскій помогаше соломонѣ дрѣвы кедрскими... (3 Цар. 9,11).

11. Окончание -ѣхъ в П.мн. появляется в церковнославянских текстах, по всей видимости, по аналогии с формами существительных ср.р. 1-го склонения. Старославянская форма с окончанием -ѣхъ сохраняется еще в Острожской Библии (естественно -ѣхъ переходит в -ѣхъ), но уже в Московской на месте -ѣхъ находим -ѣхъ.

IV. Существительные типа камень

1. Звательная форма может образовываться по типу существительных 1-го склонения: Иисе, каменю драгій, просвѣти мѣ (КАИС, ик.12).

2. Помимо форм с окончанием -е (кѣрене, пламене) встречаются формы каменіа (Откр. 18,12), кореніа (Мф. 13,6) и подобные от основ с собирательным значением каменіе, кореніе. Кроме того, изредка встречаются формы с окончанием 1-го склонения іачменѣ (Быт. 26,12), каменѣ (3 Езд. 1,20)¹⁵.

3. В Д.ед. встречается традиционное окончание -и: камени (Сир. 22,1). Кроме того, встречаются окончания 1-го склонения: ...и повѣгоша въ пѣстыню къ каменю реммоню... (Суд. 20,45); ...рцы каменеви семѣ, да вѣдетъ хлѣбъ (Лк. 4,3). Может встретиться также форма по типу собирательных основ: И глаша горѣмъ и каменію... (Откр. 6,16).

4. Наряду с формой каменемъ (Сир. 29,13; Плач 3,16) встречается форма каменіемъ (Сир. 46,6; Мк. 5,5).

5. Старославянское окончание -е в П.ед. не встречается. Наиболее распространенным является окончание -и: кѣрени (Мф. 3,10). Единичное употребление имеет окончание -ѣ: іачменѣ (Иоил. 1,11).

6. Наряду со старославянским окончанием -и встречаются формы с окончанием 1-го склонения -а: сегѡ ради тѡй даде вамъ въ дѣнь шестій хлѣба на два дни (Исх. 16,29). И возмеша два каменѣ...(Исх. 28,9). И положиши два каменѣ на раменахъ верхнійа ризы...(Исх. 28,12).

7. В форме И.мн. находим два окончания: -и – по типу существительных 1-го склонения, и -іе (каменіе – Мф. 4,3) – по типу собирательных существительных. Слово дѣнь в форме И.мн. всегда употребляется с окончанием -іе. Испланишасѣ дніе родити ѡй (Лк. 2,6).

8. В Р.мн. равноправно встречаются два окончания -ий и -ей: ѡже внити въ вертепы твердаго камене, и въ расцѣпны каменей (Ис. 2,12). Гозда (мшѡсѣй) ѡлтарь подъ горѡю, и дванадесѣть каменій въ дванадесѣть

15. Такие формы в тексте Острожской Библии не встречаются [1, с.170].

ПЛЕМѢНЪ ЙЛЕВИХЪ (Исх. 24,4).

10. Наряду с формами, имеющими старославянское окончание -ми (дѣнми – Иов 15,10), в Т.мн. часто встречается форма, образованная по типу собирательных основ среднего рода. И ѿкрѣжи вѣгò шипкѣи златѣми ѿдѣждоу стѣю ... ѿсткннѣю багрѣностѣю, ... кѣменѣи многоцѣннѣми (Сир. 45,11-14).

11. В П.мн. кроме форм с окончанием -ехъ (кѣменехъ – Иер. 18,3) встречаем и формы от основ с собирательным значением (кѣменѣихъ – Есф. 5,1; кѣменѣихъ – Прит. 30,26).

V. Существительные мѣти и дщи

1. Кроме старославянской формы дщи (Мф. 9,18) встречается также форма с выравненной основой И.ед.: дщѣрь мѣтере твоѣа тѣи ѿси (Иез. 16,45). Звательная форма у существительных мѣти и дщи старославянская: Тѣмже, мѣти дѣво вѣлице, тогò моѣи спастѣса дщамѣ... (Богор. гл.3). Дѣрзѣи, дщи, вѣра твоѣа спасѣ тѣ (Мф. 9,22).

4. В П.ед. возможно окончание -ѣ: Вѣ стѣонѣ спасѣйтѣса живѣщѣи во дщѣрьѣ вавѣлѣнстѣй (Зах. 2,7).

8. В Р.мн. возможны оба варианта окончаний -ий и -ей: мѣтерѣй (Плач 2,12), дщѣрий (Лк. 1,5).

РАЗНОСКЛОНЯЕМЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Существительные свекрѣвь, ѣтровѣ, крѣвь, любовѣ (любы), смѣквь, цѣрковѣ, непѣды в старославянских грамматиках рассматриваются как существительные особого склонения на *ѣ. Под влиянием склонения на *ї (соответственно 3-го склонения) окончания некоторых форм этих существительных изменились. В грамматиках современного церковнославянского языка существительные типа свекрѣвь классифицируются по-разному. Так Алипий их рассматривает вместе с существительными 4-го склонения (ѣтрѣчѣ, нѣво, кѣмень и др.), В.И. Классовский вместе с существительными 3-го склонения (зѣповѣдѣ). Однако очевидно, что склонение этих существительных полностью не соответствует ни 3-му, ни 4-му склонениям. Эти существительные лучше рассматривать либо как относящиеся к отдельному склонению, либо, ввиду их малочисленности, как разносклоняемые существительные¹⁶. Существительные типа свекрѣвь склоняются следующим образом: ед.ч. И.,Зв¹⁷. – свекрѣвь (Руф. 2,18), Р. – свекрѣве, крѣве (Мф. 23,35), Д. – свекрѣви (Руф. 2,18), В. – свекрѣвь (Лк. 12,53), Т. – свекрѣвию (Руф. 2,11), П. – свекрѣви, любовѣи (1 Ин. 4,16); дв.ч. И.,В.,Зв. – свекрѣви, Р.,П. – свекрѣвию, Д.,Т. – свекрѣвама; мн.ч. И. – свекрѣви, смѣкви (Иер. 24,3), Р. – свекрѣвей, смѣкви (Иер. 24,1), крѣвѣи (2 Цар.16,7), Д. – свекрѣвамѣ, смѣквѣмѣ (Иер.

16. Существительные типа кѣмень также можно рассматривать как разносклоняемые существительные ввиду большого числа исключений из общей системы склонения. Именно так поступает в своей *Практической грамматике* А.Павлов [4].

17. Старославянскую форму на -ы сохранили лишь существительные непѣды (Лк. 1,7) и любы (1 Кор. 13,4). Наряду с последней встречается и форма любовѣ (Екк. 9,6)

14,2), В. – свєкрѡвы, смѡквы (Ос. 2,12), Т. – свєкрѡвни, крѡвни (Откр. 17,6), крѡвни (Пс. 105,38), П. – свєкрѡвахъ, любѡвахъ (Иуд. 1,12).

Существительное *братъ* имеет во мн.ч. следующие формы: И.,Зв. – *братіе* (Рим. 16,17), *братіа* (Быт. 42,3); Р. – *братій* (Лк. 16,28), *братін* (Быт. 48,22); Д. – *братіамъ* (Быт. 47,3), *братін* (Быт. 37,6); В. – *братій*, *братію* (Быт. 42,7); Т. – *братіамн*, *братією* (Быт. 42,4); П. – *братіахъ* (еще *молнмса...ю всѣхъ преждепочившихъ оцѣхъ и братіахъ... – Ект.*), *братін*.

Существительное *господъ* склоняется следующим образом: ед.ч. И. – *господъ*, Р. – *господа* (Мф. 4,7), Д. – *господѣ* (Мф. 4,10), *госповеди* (Пс. 28,2), В. – *господа*, Т. – *господемъ* (Ис. 51,11), *господомъ*, П. – *господѣ* (Пс. 63,11), Зв. – *господи* (Мф. 7,21); дв.ч. И.,В.,Зв. – *господа*, Р.,П. – *господѣ*, Д.,Т. – *господема*; мн.ч. И.,Зв. – *господіе* (Еф. 6,9), Р. – *господей* (Мф. 15,27), *господій* (Еф. 6,5), Д. – *господемъ* (Тит. 2,9), *господіамъ* (Тов. 2,14), В. – *господій* (1 Тим. 6,2), Т. – *господн*, *господы*, *господіамн* (1 Мак. 9,25), П. – *господѣхъ*.

Существительные *ѡко*, *оўхо* имеют формы 1-го и 4-го склонений: в ед. и во мн.ч. они склоняются с приращением основы и без него, в дв. – всегда без приращения. *Ваша же блажѡнна ѡчєса, ѡакѡ видѣтъ: и оўши ваши, ѡакѡ слышатъ* (Мф. 13,16). *Или какѡ речєши братѣ твоємъ: ѡстаѡи, да измѣ свѣецъ изъ ѡчєсє твоєгѡ: и сє бревнѡ во ѡцѣ твоємъ* (Мф. 7,4). *И воздастъ ми гдѣ по правдѣ моеї, и по чистотѣ рѡкъ моею, предъ ѡчиима ѡгѡ* (Пс. 17,25). *Добрѣйше ти ѡсть со ѡдинѣмъ ѡкомъ въ живѡтъ вниѡи, неже двѣ ѡцѣ имѡщє вѡержєнѣ быѡи въ геєннѣ ѡгненнѡю* (Мф. 18,9).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булич С.К. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893.
2. Классовскій В.И. Краткая грамматика церковнославянского языка. СПб., 1857.
3. Алипій (Гаманович). Грамматика церковнославянского языка. М., 1991.
4. Павлов А. Практический курс краткой грамматики церковнославянского языка нового периода. Пг., 1915.

Рубрика *Материалы к учебнику церковнославянского языка* будет продолжена в четвертом номере нашего журнала

Церковнославянско-русские паронимы

ЎБИТАТИ (ЎБИТАЮ) – временно жить на чужбине, ξενίζω: Приидоша же с нами и нѣцыи оучицы ѿ кесарии ... оу неговже бы ѱБИТАТИ НАМЪ (Деян. 21,16).

ЎБИТЕЛЬ – 1: приют, гостиница, καταλύμα; 2: гостеприимство, ξενία: И положи его въ ѿслехъ: зане не въ имъ мѣста во ѱБИТЕЛИ (Лк. 2,7); Кѣново же и оуготови ѱБИТЕЛЬ (Филим. 1,22); 3: жилище, μονή: Въ домѣ оца моего ѱБИТЕЛИ мнози сѣтъ (Ин. 14,2).

ЎБЛАКЪ – 1: облако, νέφος: И покры ѱБЛАКЪ скінію свидѣній, и славы гдѣни исполниса скініа (Исх. 40,34); 2: множество, νέφος: И мы толикъ имѣще ѱБЛЕЖАЩЕ НАСЪ ѱБЛАКЪ СВИДѢТЕЛЕЙ ... (Евр. 12,1).

ЎБЛАСТЬ – 1: власть, ἐξουσία: Бгъ ѣсть и держай ѱБЛАСТІЮ всю тварь – Он Бог и содержит властію [Своей] все творение (КРГ (Маюм)); Самъ градеть во славе со ѱБЛАСТІЮ (КВ (Маюм)); Ддаде имъ ѱБЛАСТЬ чадомъ вѣжимъ быти – Дал им власть быти чадами Божиими (Ин., 1,12); И глаголаша ѣмъ: коею ѱБЛАСТІЮ твориши – И говорили Ему: «Какой властію Ты это делаешь?» (Мк. 11,28); Но сѣ ѣсть ваша година, и ѱБЛАСТЬ ТѢМНАА – Но ныне ваше время и власть тьмы (Лк. 22,53); Солнце во ѱБЛАСТЬ ДНѢ: ѿкво въ вѣкъ мѣтъ ѣгво: лѣна и звѣзды во ѱБЛАСТЬ НОЦИ: ѿкво въ вѣкъ мѣтъ ѣгво – Солнце – чтобы оно владело днем, ибо вовек милость Его; луну и звезды – чтобы они владели ночью (Пс. 135,8); Предати ѣгво начальствѣ и ѱБЛАСТИ и҆геμωνѣ – Чтобы предать Его под начало и во власть правителя (Лк. 20,20); 2: область, местность, περίχωρος: Вопрошъ, ѿ коеѣ ѱБЛАСТИ ѣсть, и оувѣдѣвъ, ѿкво ѿ кілікіи ... – Спросив, из какой он местности, и узнав, что из Киликии ... (Деян. 23,34).

ЎБЛАНЧАТИ (ЎБЛАНЧАЮ), ЎБЛАНЧИТИ (ЎБЛАНЧѢ) – 1: делать известным, открыть, παραδειγματίζω, ἐλεγχώ: Іосифъ же мѣжъ ѣмъ сын, и не хотѣ ѣмъ ѱБЛАНЧИТИ, восхотѣ тай пѣстити ю (Мф. 1,19); Всѣ же ѱБЛАНЧАЮМАА, ѿ свѣта ѡблѣются: все во ѡблѣемое свѣтъ ѣсть – А все обнаруживаемое становится явным от света; ибо все, становящееся явным, есть свет (Еф. 5,13); 2: поучать, наставлять: Накѣжетъ праведникъ мѣтїю, и ѱБЛАНЧИТЪ мѣ: ѡлей же грѣшнаго да не намѣститъ главы моеѣ – Научит меня праведник милостию и наставит меня; а елей грешника пусть не умастит главы моей (Пс. 140,5); Не ѱБЛАНЧАЙ ЗАБЫХЪ, да не

Продолжение. Начало см. Славяноведение. 1992. № 5 – 1993. № 1. (поучай) дурных [людей], чтобы не возненавидели тебя; обличай мудрого и он полюбит тебя (Прит. 9,8); 3: обвинять, уличать: Ѡни же слышавше, и совѣстїю Ѡбличаеми, исхождахъ – Они же, услышав, уличаемые своей совестью, разошлись (Ин. 8,9).

ѠБЛИЧѢНІЕ – 1: вид, проявление, доказательство, ἐλεγχος: (см. ѠБЛИЧАТИ, 1): Ѡсть же вѣра, оуповаемихъ исвѣщенїе, вещей Ѡбличенїе невидимыхъ – Вера же есть основание [ὑπόστασις] ожидаемого, доказательство (выявление) невидимого (Евр. 11,1); 2: свидетельство, ответ, доказательство, μαρτυρία: И быхъ ѡко человекъ не слышай, и не имѣй во оустѣхъ своихъ Ѡбличенїа – И был я как человек не слышащий и не имеющий ответа в устах своих (Пс.37,15); 3: упрек, укор, обличение: И ѡнѣмѣши, и не вѣдеш имѣ въ мѣжа Ѡбличенїа – И онемеешь ты, и не будешь им обличителем (Иез. 3,26); Въ рѣцѣ же жреца да бѣдетъ вода Ѡбличенїа сѣа – И в руке священника да будет эта обличающая вода проклятия (Числ. 5,18); 4: пренебрежение: Вѣдѣ прїемиетъ наша часть, ѡже вы во Ѡбличенїе не прїити – Опасность угрожает нашему ремеслу прийти в пренебрежение (Деян. 19,27); 5: наставление: Ѡбличенїа во нечестивомъ раны ѡмѣ – Ибо наставления для нечестивого – как язвы (Притч. 9,11).

ѠБОЖИТИ (ѠБОЖѢ), **ѠБОЖАТИ** (ѠБОЖАЮ) – сделать причастным Божеству: Тварь оумнївѣ, человекѣ Ѡбожи – Просветив творение, человека сделал причастным Божеству (К.Пр.(Маюм)); Ѡбожаетъ дѣхъ, оумъ же питаетъ страннѡ – Дух приобщает Божеству и ум таинственно питает (Млв.). Маниемъ неоскѣднымъ Ѡ вѣа Ѡбожаеми стѣтотѣрпцы (Окт. гл. 7, ср., К.Кр., п 5).

ѠБОЖАТИСА – становиться причастным Богу.

ѠБОИТИ (ѠБОИДѢ) – окружать, нападать со всех сторон (син.: ѠБСТАТИ, ѠДЕРЖАТИ): Ѡвышедше Ѡбыдоша мѣ, и именемъ гднїемъ противлѣхса имъ (Утр.).

ѠВОНАНИЕ – запах, аромат, ѡсрї: Ѡдѣйсѣ, Ѡвонанїе хрѣтова блѣговханїа (Ак.Б.М.).

ѠБРАДОВАТИ (ѠБРАДѢЮ) – приветствовать • **ѠБРАДОВАНАА** (μεγαλειότητων) – именование Богородицы; в другом переводе – **БЛАГОДАТНАА**: Ѡдѣйсѣ ѡбрѣдованнаа (Ак.Б.М.).

ѠБРАЗНО – прообразовательно: Авраамъ сподобисѣ Ѡбразно воспрїати ѣдинственнаго гда въ трїехъ ὑпостѣсѣхъ, пресвѣщенна, мѣжескннн же зрѣки – Авраам сподобился увидеть прообразовательно единого Бога в трех ипостасях в облике мужей (Окт. гл.3, Нед. К.Тр., п.6).

ѠБРАЗЪ – 1: внешний вид, морфѣ: И еаше іѡсифъ дѡбрь ѡбразомъ и красенъ вздромъ сѣлѡ (Быт 39,6). Имѣшн ѡбразъ блѣгочестїа, силы же ѡгѡ Ѡвѣргшннѣ – Имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиися (II Тим. 3,5); Ѡстествѣа израстн зндїтелеа въ рабнѣ ѡбразѣ – Произрастила Творца природы в [внешнем] образе раба (ἐν δουλοῦ μορφῆ) (Мр. 16,12); По снхъ же двѣмѣ Ѡ ннхъ грдѣщема іавннѣ имѣемъ ѡбразомъ

идѣшема на село — После того двум из них, идущим к селению, явился в ином образе (Мр. 16,12); 2: прообраз, символ, ἀρχήτυπος, σύμβολον, τύπος: Два ѿ ἄγγελοι πίσιѣ пріѣмлющи, образы строеніа носить — Дева, принимающая пищу от ангела, несѣт символ домостроения (σύμβολα τῆς οἰκονομίας) (К.Введ. (Георг)); Богоуцъ оубо дѣдъ предъ сѣннымиѣ ковчѣгомъ скакаше играа людіе же вѣи стѣи, образовѣ събитіе зрѣше, веселѣмса вѣстевнѣ — Богоотец Давид перед подобным тени (т.е. прообразующим спасение) ковчѣгом плясал, ликуя, а мы, божий святой народ, увидев воплощение прообразов, будем божественно радоваться (Пасх. К.); радѣмса воскрѣніа образъ (ἀνασίσασεως τύπον) ѡблѣстѣющаа (Ак.Б.М.); образ, пример, τύπος, ὑποτύπωσις: Подражайте образъ, ѡбоже во мнѣ видѣсте — Подражайте образу (μιμῆσθε τὸν τύπον), который видели во мне (К.Вел.Чт., б); Кій тѣа образъ, іадо, предателѣа сѣсх содѣла; — Какой пример тебя, Иуда, сделал предателем Спасителю? (Утр. Вел.Пт.); За образъ хотѣшихъ вѣровати ѡмѣ въ жизнь вѣчнѣю — В пример тем, кто будет веровать в Него, к жизни вечной (1 Тим. 1,16); 4: образ (образ Божий в человеке): И рече вѣт: сотворимъ челоувѣка по образъ нашѣмъ и по подобію (Быт. 1,26); Оущѣдри падшій образъ — Помилуй [Твой] падший образ (т.е. человека) (К. 2 гл.); 5: изображение, εἰκόνα: И глагола ѡмѣ: чій образъ сѣи и написаніе; И глаголаша ѡмѣ: кесаревѣ — И говорит им: чье это изображение и надпись? и говорят Ему: кесарева. (Мф. 22,20-22) 6: средство, способ, τρόπος: И дѣждъ образъ прѣжде концѣа покѣлтиса тебѣ — И подай мне средство (способ) прежде смерти принести Тебе покаяние (Антиф. 2 гл.); 7: чин, сан, οὐχίμα: мнѣшескій образъ; 8: фигура красноречия, троп, τρόπος: И не презри моихъ ни словесъ, ниже ѡбразовѣ, ниже безсѣдіа — И не погнушайся словами моими и выражениями и дерзостью (Мл к прич.).

ѠБРАЗОВАНИЕ — образ, символ: Плотскими ѡбразованіи безплотныхъ силъ къ мысленномъ и невестественномъ возводіи оумѣ — Через плотские образы (материальные изображения) безплотных сил (мы) возводимся к духовному и нематериальному уму (Духу) (Утр.).

ѠБРАЗОВАТИ (ѠБРАЗѢЮ) — 1: прообразовать, προτύπω: Лѣствицѣа бо дрѣвле іаковъ тѣа ѡбразѣющію видѣвѣ, рече: степѣнь вѣаа сіа — Ибо Иаков в древности увидев лестницу, прообразующую Тебя (Богородицу), сказал: «Вот восхождение к Благу» (К.Бл.Б.(Ф.и Ин.Д.)); Тогда оубо ѡбразѣемое нынѣ же дѣйствѣемое — Тогда прообразуемое, ныне же действительное (К.Б.,п.8); 2: изображать, εἰκονίζω: Иже херувимы тайно ѡбразѣюще ... — Таинственно изображая (неся образ) Херувимов (Лит.Зл); 3: сообразоваться, подражать, уподобиться: Блгообразный бо совѣтникъ тебѣ рѣдшаго совѣтѣа ѡбразѣетъ — Ибо благообразный советник (Иосиф) сообразуется с замыслом (подражает замыслу) Родившего Тебя (Отца) (К.Вел.Сб.); Солнце вкѣпе и лѣна померкше, сѣсе, рабѡмъ блгообразнымиѣ ѡбразѡвахѣса, иже въ чѣрными ѡдѣжды ѡблѣчатѣа ... — И солнце, и луна померкла, Спаситель, уподобясь верным рабам, облачающимся в черные одежды ... (Утр.Вел.Сб.).

ѠБРАЩЕНИЕ — влечение: И къ мѣжъ твоѣмъ ѡбращѣніе твоѣ, и той тобою

(Евоѣ) ѡбладати вѣдетъ (Быт. 3,16); К тебѣ ѡбращеніе ѡгѡ, и ты тамъ ѡбладавши — Тебя (Каина) он (грех) влечет, но ты господствуй над ним (Быт. 4,7).

ѠВРОЩЕНІЕ — окрашивание, погружение в пурпурную краску: ἵκω ᾧ ᾧβροσσηῖα червленницы пречистаа, оумнаа багранница емануилева, внѣтръ во чреве твоѣмъ плѣтъ исткаса — Как от погружения в пурпурную краску, Пречистая, внутри, во чреве Твоем соткалась невещественная багряница, плоть Емануила (Вел.К., п.8).

ѠВРОЩЕТИ (ѠВРОЩѢ), ѠВРОЩАТИ (ѠВРОЩАЮ) — найти, застать, εὐρίσκειν: И блаженъ рабъ ѡгѡже ѡбращетъ; Недостѡнъ же пакѣ ѡгѡже ѡбращетъ оумывающа (Стих.Вел.лнд); И пришедъ ѡбрате ихъ пакѣ спашихъ (Мф. 26,23).

ѠВРОЩЕНІЕ — открытие, отыскание, εὐρεσις: Ѡбращеніе мощей.

ѠВРОЩАТЕЛЬ — изобретатель, ἐφευρετής: Горды, ѡбращатели славы — Горды, изобретательны на злое (Рим. 1,30).

ѠВСТОАТЕЛЬНЫЙ — окружающий (враждебно) со всех сторон (от ѠВСТАТИ, ѠВСТАТИ): Гордость всакъ ѡложше и оудѡбъ Ѡвстоательный грѣхъ ... — Всякую тяжесть (всякое бремя) свергнув с себя и легко окружающий (овладевающий нами) грех ... (τὴν εὐπερίστατον ἀμαρτίαν) (Евр.12,1); Ѡвстоательнаа нахожденіа и напасти вѣрю оумоли — Окружающие со всех сторон вторжения и бурю нападений усмири (О., гл. 1, Нед.повеч.,КПБ).

ѠВЗРЕВАТИСА — подвергаться буре (на море): ἵκω кораблецъ въ пѣчинѣ азъ ѡдинъ ѡвзреваяоа ѡ прегрѣшеній многихъ — Как малый корабль в пучине, я один подвергаюсь буре прегрешений моих (Троп. по 2 Каф.).

ѠВЗРЕВАЕМЫЙ — попавший в бурю: Кормчий ѡвзреваемыхъ, николае, радуйса — Кормчий попавших в бурю, радуйся, Николай (К.Ник.).

ѠВЗРАТИ (ѠВЗРАЮ) — 1: потерять силу, μωραίνω: Аще же сомы ѡвзретъ, чинъ ѡсолитса (Лк. 14,34); 2: лишить смысла, μωραίνω: Не ѡвзи ли вѣтъ премѣдрость міра сегѡ — Не лишил ли Бог смысла премудрость мира сего? (Веч. Вел.Пт.).

ѠВХОДИМЫЙ — предназначенный, роковой, νεμόμηνος: Ѡвходимое оуставила вси смѣрти неждержимое стремленіе — Ты остановила назначенное (нам) неуждержимое движение смерти (С Кан., 5 гл.).

ѠВЫЧАЙ — 1: нрав, ἥθος: Тлатъ ѡвычан благи бесѣды слы (1 Кор. 15,33); 2: природа, φύσις: Неждержанное стремленіекъ зла влечетъ мѡ дѣйствиемъ врага и ѡвычаемъ лѣкавымъ (Окт. гл. 1, Нед.повеч. КПБ, п.4); 3: обыкновение, εἰθός: И вниде по ѡвычаю своемъ, въ дѣнь свѣботный, въ сонмище (Лк. 4,16); 4: неписанный закон, правило, ἔθος, συνήθεια: По ѡвычаю священничества ключиса ѡмъ покладити .. — Как обыкновенно [было] у священников, досталось ему [Захарии] кадитъ (Лк.1,9); вѣтъ же ѡвычан вамъ, да ѡдинаго вамъ ѡпѣщѣ на пасѣхъ (Ин. 18,39); 5: образ действий: Во ѡгнаніе и возбраненіе слагов моего и лѣкаваго ѡвычал — Для изгнания и запрещения моего злого и дурного образа действий (П. Пр.); И гордымъ ѡвычаемъ (КАХ).

ѠВЫЧНЫЙ — знакомый, близкий: Ѡна же сладикѣ и ѡвычный хртѡвъ

ωφθηῖνши гласъ ... – Она же (Магдалина), узнавши сладостный и знакомый голос Христа ... (Син.Пасхи).

ῬΕΒΥΧΝΩ – постоянно, всегда: Ἰᾶκω не погѣбилъ ῆσι нѣсъ со беззаконьми нашими, но человекѡлюбествовалъ ῆси ῬΕΒΥΧΝΩ (Млв.).

ῬΕΨΗΝΙΕ – причастность, приобщение κοινωνία, просфора: Ῥεψήνια человекѡское сщество ... δῆα Ῥεψήνιεμъ – Восполнял человекѡское существо ... приобщением Духа (КБГ (Ин.Д.)).

ῬΕΨΗΤΕΛΝΗΙ – способный к соучастию, щедрый, κοινωνικός: Δα οὐδωλάτῃ Ῥεψητελνῆι δῆσι нѣшеλ влѣи въ сосѣдѣхъ – Пусть будет достаточно еляя соучастия в сосудах души нашей (Двун. Вел. Вт. (Маюм)).

ῬΕΨᾶΤΗ (ῬΕΨᾶΜΙΟ), ῬΕΨΗΝᾶΤΗ (ῬΕΨΗΝᾶΙΟ) 1: охватывать кругом, хранить: Премѣдрый Ῥεψᾶμῆι γᾶ (Кан 1 гл); 2: напасть, захватить, καταλαμβάνω: Ἦ ἡ σῶτῆρ во тῆ σῶτῆρσῃ, ἡ τῆ δὲ ἔγδ не Ῥεψᾶτῃ (Ин. 1,5); Ῥεψᾶша мᾶ ἰᾶκω лѣвъ готѡвъ на лѡвъ (Пс. 16,2); Ἦ δῆλωжатῃ врази твой ὀстрѡтъ ω тебѣ, ἡ Ῥεψᾶδῃτῃ τᾶ ἡ Ῥεψᾶμῆτῃ τᾶ Ῥεψᾶδῃ 3: снять, обобрать (плоды), συλλέγω: Ῥᾶδῃ Ῥεψᾶμῆιωτῃ ω τέρνῃα γρῶзды, ἡ ἡ Ῥεψᾶ см(оквы) – Разве собирают с тернов виноград или с репейника смоквы? (Мф. 7,16); Престѣпѣвъ пѣрвѣю зᾶповѣдῃ дрѣвие пѣрвоздᾶнный ω сᾶдᾶ смѣртῃ Ῥεψᾶμῃ – Нарушив в древности первую заповедь, первозданный (Адам) с древа снял (как плод) смерть (О., гл.2, Ср.утр.,К.Кр.); Дрѣво жизни Ῥεψᾶти въ рай, ᾶдᾶмῃ возврᾶнѣнῃ вῃстῃ – Адаму в рай запрещено было снять плод с древа жизни (О., гл.5, чтв. повеч. КПБ, п.1).

ῬΕΨᾶΤΙΕ – руки, сложенные так, чтобы что-то держать на них • На Ῥεψᾶτῃαхъ – на руках: Ἰᾶκω ἡμῆλᾶ ῆси на стῃхъ твоῃхъ Ῥεψᾶτῃαхъ сῃна всῃхъ вῃга (Час 1).

ῬΕΨᾶΖᾶΝΙΕ повязка, пластырь. См. ῬΕΨᾶΖᾶΤΗ: Нижѣ зῆлῃе, нижѣ Ῥεψᾶζᾶνῃе ἡсцῆлῃи ἡхъ, но слово твоѣ γᾶν, ἡсцῆлᾶющее всᾶ (Прем. 16,13).

ῬΕΨᾶΖᾶΤΗ (ῬΕΨᾶΖᾶ) – обвязывать: ἡсцῆлᾶлῃи сокρᾶшῆнῃиμᾶ сῆрдῆцῆмᾶ, ἡ Ῥεψᾶζᾶлῃи сокρᾶшῆнῃиμᾶ ἡхъ – Исцеляющий сокρᾶшение сῆрдῆцῆмᾶ и обвязывающий (врачующий) их скорби (Ин. 11,44); Ἦ ἡзῃде οὐμῆрῃи, Ῥεψᾶζᾶнῃ (δεδεμῆνος) ρῆκᾶма ἡ ногᾶма οὐκρῆемῃ – И вышел умерший, обвязанный по рукам и ногам пеленами (Ин. 11,44).

ῬΕΨᾶΣΗΤΗ – повесить, χρεαωνῆσι: Δα Ῥεψᾶσῃтῃа жῆрновῃ δῆсῆлῃскῃи вῃи ῆγῃω – Чтобы повесили мельничный жернов на шее его (Мф. 18,6).

ῬΕΨᾶΣῆΝῆИИ – готовящийся к принятию веры, но еще не крещеный, κατηχουμένος (от ῬΕΨᾶΣῆΤΗ – преподавать основы христианского учения): Прῃзри на ρᾶбῃы твоᾶ Ῥεψᾶсῃнῃиμᾶ ... ἡ спῃдῃбῃи ᾶ во вῃрῆма вῃагопῃлῃчῃное вᾶни пакнῃвῃтῃлᾶ, ῆσῃтᾶвлῆнῃиμᾶ γρῆхῃовῃ ἡ ῆдῆждῃы нῆтῃлῆнῃиμᾶ... (Лит.Зл).

ῬΕΨᾶΡᾶΤῆСᾶ (ῬΕΨᾶΡᾶЮСᾶ), ῬΕΨᾶΡᾶΤῆСᾶ (ῬΕΨᾶΡᾶСᾶ) –причинять или испытывать горечь: ᾶдῃ ... Ῥεψᾶрᾶтῃсᾶ, сῃртῃτῃ τᾶ дῃмῃе – Горько ... пришлось аду при встрече с тобой (Сл. Зл.) • Ῥεψᾶрᾶтῃсᾶ – быть суровым, обижать, πτῃχραίνω: Μῃζῃе, лῃубῃитῃ жῆны, вᾶша, ἡ не Ῥεψᾶрᾶтῃсᾶ къ нῃмῃ (Кол. 3,19);

ῬΕΨᾶΡᾶΤῆИ (ῬΕΨᾶΡᾶЖᾶ) – 1: окружать, захватывать со всех сторон: Врази

мои дѣшѣ мои ѡдержаша (Пс. 16,9); Ѳбывѡша мѧ тельцы мнози, юнцы тѣнни ѡдержаша мѧ (Пс. 21,13); 2: захватить, овладеть: ꙗко страхомъ велиимъ ѡдержими бѣхѣ (Лк. 8,37); 3: удержать: Великихъ безмѣстїи во глѣбинѣ низвѣдшисѧ, не ѡдержима была ѡси – Опустившисѧ до глубины великого бесчинства, ты (Мария Египетская) не была [им] удержана (Вел.К, Чтв.,п.4); 4: охватить умом: слово не ѡдержимо.

ѲДЪШЕВЛѢННЫЙ – понимаемый в духовном смысле (син. оумейи, мысленный, словесный): Ѳадѡшѣ рѣнѡ ѡдѡшевленное (Ак. Б.М.).

ѲЖИВЛѢТИ (ѲЖИВЛѢЮ) – оставлять в живых (см. ЖИВИТИ): Чтѡ ꙗко сотвористе вѣщѣ сїю и ѡживлѣете мѡжескїи полѧ – Что же вы делаете и оставляете в живых (младенцев) мужского пола? (Исх. 1,17).

ѲЗАРѢНІЕ – сияние, свет: Престѡвленныи рабѣ твоѡ своимъ просвѣтити ѡзарѣнїемъ (О., гл.4, Сб.утр., на стиховне стих. покойны).

ѲЗЛОБИТИ – 1: принести несчастье, обидеть, хакѡв: Всѣхъ ѡзлѡбити насѣ ꙗщѣиныхъ видимыхъ и невидимыхъ врагѣ – Всехъ врагов, видимых и невидимых, желающих причинить нам зло (Час б); ꙗко вѣдетъ сѣмѧ ѡгнѡ пришельцы въ землї чѣждеи, и порабѡтатъ ѡ, и ѡзлѡбатъ, лѣтъ четыреста – И потомство его будет пришельцами в чужой земле, и порабѡтят его, и будут обижать четыреста лет (Деян. 7,6); Ѳзлѡбленъ бѡхѣ и смирихѣсѧ до зѣла – Меня сокрушили и весьма унизили (Пс. 37,9); 2: смирить: Всѧкъ ѡвѣтъ и всѧка клѡтва соизѧ во ѡже ѡзлѡбити дѡшѣ .. – Всякий обет и всякий клятвенный зарок [который жена дает], чтобы смирить душу ... (Числ. 30,14).

ѲЗЛОБЛѢНІЕ – бедствие, несчастье, хакѡсїс: На моѡ лютое тѣлесѣ ѡзлѡблѣнїе (Посл. М.); Тѣлесное ѡблѣгчи ѡзлѡблѣнїе (Ак.Б.М.); Предварѡша мѧ въ дѣнь ѡзлѡблѣнїѧ моегѡ (Пс. 17,19); Сѣдмѣ днѣи да ꙗси въ нїю (в Пасху) ѡпрѣсноки, хлѣвъ ѡзлѡблѣнїѧ (Втор. 16,3).

ѲЗЛОБЛЕННЫЙ – бедственный, терпящий зло: Ѳ всѧкой дѡшї хрїстїанстѣи, скорѡвѣщей же и ѡзлѡбленнѣи ..(Веч.); ꙗко себѣ истѡщилъ ѡси понестїи и спастїи челоѡбическое ѡстѣствѡ ѡзлѡбленное – Ибо Ты уничижил Себя, чтобы понести и спасти бедствующую челоѡбическую природу (Екзп. 5 гл.).

ѲКАННЫЙ – несчастный, жалкий, бедственный (от ѲКАТИ – оплакивать, пророчить зло), тѡлѡпѡрос: Ѳканенъ ѡзѣ челоѡбкѣ: ктѡ мѧ избѡвитъ Ѳ тѣмѣ смѣрти сѣл – Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? (Рим. 7,24). Премѣдрѡсть во и наказанїе оунничжѡи ѡканенъ (Прем. 3,11).

ѲКЛЕВѢТАЕМЫЙ – обвиняемый (см. КЛЕВѢТАТИ, КЛЕВНТНИКЪ): Прѣжде дѡже ѡклевѢТАЕМЫЙ не ꙗмѡтъ прѣдѣ лицѣмъ клеѡвѣщѣиныхъ – Прежде чем обвиняемый будут иметь своих обвинителей налицо (Деян. 25,16).

ѲКЛЕВѢТАТИ (ѲКЛЕВѢЩѢ) – доносить, ябедничать на кого-либо, сѡхофѡвтѣѡ: Вопрошѡхѣ же ѡгнѡ и ѡнни глагѡлюще: и мѡи чтѡ сотворимъ; и речѣ къ нѣмѣ: никѡгѡже ѡбѡдите, ни ѡклеѡвѡтѡйте: и доѡвольни вѣдите ѡѡрѡки ѡшїими – Спрашивали Его и-воины: «А нам что делать?». И сказал им: «Ни на кого не доносите, никого не притесняйте и довольствуйтесь своим жалованием». (Лк. 3,14).

ѲКОРМѢТИ (ѲКОРМЛЮ), **ѲКОРМЛѢТИ** (ѲКОРМЛѢЮ) – стоять у кормила

(корабля), направить, κυβέρνῃσιν: **Ἐκорми** вѣдко слѣжителѣ тѣи молѣннѣи любящихъ тѣа — *Направь, Владыка, молитвы служителей Твоих, любящих Тебя (Мин. окт); Ты мене ѣкорми ко пристанищѣ твоемѣ — Ты меня веди к пристани Твоей. Ἐкормила мою жизнь, волнами грѣхѣ ѣбѣреваемѣю присно (О., гл.1, чтв. утр., К.Ник., п. 6).*

Ἐкормленіе — руководство (кормчего) — *Волны мѣкѣ преплывшѣ, ѣкормленіемъ слова всехвалннѣи хрѣтѣвы страдальцы — Вы одолели волны мучений направляемые кормчим Словом, преславные мученики Христовы (О. гл. 5, Ср. утр. К.Кр., п. 1).*

Ἐкрасти — 1: обмануть: *ῥαδίσα, ты во наказала всеи ѣкрадннѣи оубѣмѣ — Радуйся, ибо Ты вразумила обманутых умом (Ак.Б.М.); 2: отнять, присвоить, украсть: *разбойниче поканіе ѣкраде рай — Покаяние разбойника присвоило себе рай (Ипак 1 гл).**

Ἐладенѣти (ѣладенѣю) — прийти в запущенное состояние (о земле): *Добрѣплодны, неплодныа дѣшѣи показѣющѣи, и ѣладенѣвшѣе ѣчищающѣи твоею молитвою — Ты делаешь плодовитыми бесплодные души, молитвой Твоей очищая запущенную землю (О, гл. 5, Вт. повеч, КПБ, п.3).*

Ἐмерзѣти — отвратиться, испытывать отвращение, возиться: *И разгнѣваса гѣростію гдѣ на люди свои, и ѣмерзѣи достоаннѣе свое — И разгневался Господь в ярости на свой народ, и возмущался наследием Своим (Пс 105,4).*

Ἐмрачѣти (ѣмрачѣ), ѣмрачѣти (ѣмрачѣю) — затмить, покрыть тьмой: *Лѣсть всю ѣмрачѣвъ, насѣ просвѣтилъ всеи — Затмив всякую ложь, дал нам свет (К. Преобр. (Маюм.)).*

Ἐпасно, ѣпаснѣ — внимательно, осторожно, тщательно, ἀκριβῶς: *Блюдѣте оубѣ, какѣво ѣпасно хѣдите — Итак, смотрите, чтобы ходить (жить, поступать) осторожно (Еф. 5,15); Дѣма же ѣпасно испытѣвъ, и вѣрѣ прѣимъ ѣсаженіемъ — Фома же, тщательно испытѣвъ, уверовал через прикосновение (Синакс. Фом. Нед).*

Ἐпасный — осторожный, бдительный, искусный: *Гдѣ ѣсть пѣлатова кѣстѣдѣа, и ѣпасно оубтѣрждѣніе — Где же стража Пилатова и бдительная охрана? (Стих.Веч.Нед.Мир.).*

Ἐписати — 1: ограничить, заключить: *Въ грѣсѣи заключѣнъ ѣписанною плѣтїю твоею, неѣписанныи хрѣтѣе воскресѣ всеи (К.Фом.нед) • (см. неѣписанныи); 2: представлять.*

Ἐплѣтъ — 1: охранная стена, ограда, φράγμος: *Разорилъ всеи всѣа ѣплѣты ѣгѣво (Пс. 88,41); 2: забор: *Насади виноградѣ, и ѣплѣтомъ ѣградѣи ѣгѣво (Мф. 21,33).**

Ἐполчѣтисѣа — 1: вооружаться, выходить на битву: *Ἐполчѣтѣса аггѣль гдѣнъ ѣкрестѣ боащихѣса ѣгѣво, и изѣавитѣ ихѣ (Пс. 33,8); 2: размещаться лагерем: *И возведѣ валаамѣ ѣчи свои, оубзрѣ иسرائѣла ѣполчѣвшѣса по племенѣмъ (Числ. 24,2); 3: ополчаться, идти войной: *И сѣ ѣгѣптѣне ѣполчѣшѣса въ слѣдѣ ихѣ (Исх 14).***

Продолжение следует

STUDIA POLONICA. К 60-летию Виктора Александровича Хорева.
М., 1992, 205 с.

Подготовленный сектором истории славянских литератур ИСБ РАН (редколлегия: Б. Ф. Стахеев, О. Р. Медведева, В. В. Мочалова) сборник полонистических работ, выпуск которого был приурочен к 60-летию д-ра филол. наук, ведущего специалиста в области польской литературы XX в. В. А. Хорева, включает статьи его коллег и учеников. Проблематика сборника достаточно широка и разнообразна — поэтому материал в нем расположен соответственно трем тематическим разделам:

I — История. Этнография. История культуры (хронологически он охватывает XVI — XIX вв.);

II — Анализ художественного текста (XIX — XX вв.);

III — Проблемы литературных связей: контакты — типология — перевод (XVII — XX вв.).

В I разделе Н. И. Толстой освещает темы славянской прародины и русского бражничества на материале «Tractatus de duabus Sarmatiis» Матвея Меховского и других иностранных хронистов-путешественников; Б. Н. Флоря проследживает изменения семантики термина «охол» в русских источниках первой половины XVII в.; Л. В. Заборовский анализирует мало исследованные источники XVII в., посвященные внутренней и международной жизни Речи Посполитой; С. М. Толстая комментирует стихотворный текст В. Потоцкого с этнографической точки зрения; И. И. Свирида исследует многоплановые русско-польские связи в художественной жизни XIX в.

Авторы II — литературоведческого — раздела представляют разнообразие подходов к анализу текста. Л. А. Софронова рассматривает «Баллади:у» Словацкого в перспективе одного из ведущих принципов романтической поэтики принципа цитаты; Д. С. Прокофьева проследживает в польской поэзии XIX в. функции мотива танца; монографический очерк

поэтического творчества отдельного художника содержится в статьях Н. А. Богомоловой (о Т. Мичиньском) и А. Базилевского (о Ст. Мисаковском); семантика русскоязычной лексики Ст. И. Виткевича анализируется В. В. Мочаловой в связи с его образом России; проблемам творчества В. Гомбровича посвящены работы О. Р. Медведевой, поставившей вопрос о взаимоотношении авангарда и пародии на материале его драмы «Ивонна, принцесса Бургундская», и М. И. Лекомцевой, исследовавшей метаморфозы зеленого леса в «Фердзурке».

В III разделе литературные связи представлены в их многообразии, отраженном в подзаголовке. Дискуссионная проблема перевода польских стихов Симеона Полоцкого на церковнославянский — в центре внимания теоретика и практика перевода А. А. Илюшина; типологические сопоставления элементов поэтики Норвида и Цветаевой как (нео)романтиков проведены в статье Вяч. Вс. Иванова; в свою очередь на «контактных» связях, отраженных в архивных материалах, сосредоточено внимание В. Н. Василенко (автографы Норвида в фондах Украины, Литвы и России) и Т. П. Агапкиной (Я. Ивашкевич и советская культура; проблемы рецепции и влияния) (Ст. Шибышевский и русская модернистская проза) исследует Е. З. Цыбенко; в сравнительном плане освещается польская и русская литература «военного» (А. В. Липатов) и «деревенского» тематического направления.

Вобрав в себя столь многоплановую проблематику, сборник в целом отражает современное состояние российской полонистики, отдельные ее направления и методологические подходы, и может представлять интерес для славистов различного профиля.

По вопросам приобретения сборника можно обращаться в сектор истории славянских литератур ИСБ РАН (117334 Москва, Ленинский пр-т, 32 А).

ПОТТХОФФ в. Данте в России. К восприятию Италии в русской литературе от романтизма до символизма

В области русско-европейских духовных и особенно литературных взаимоотношений по сей день бесспорно не хватает сравнительного описания русско-итальянских литературных и культурных связей

с заката романтизма до второго десятилетия XX в., — говорится в предисловии к этому изданию. Поэтому исходный замысел автора и сводился к созданию такого очерка, отвечающего современному состоянию

исследований в области рецепции. Такая работа даст возможность учесть особую роль Италии в становлении русского культурного сознания при рассмотрении темы «Россия и Европа», при обсуждении истории русской литературы и культуры. Предварительные исследования выявили основное направление рецепции: с одной стороны — русский символизм, с другой — Данте. Утверждение об особом отношении находит свое обоснование в источниках, в форме представления определенной «переключки», в обнаружении параллельных рядов в истории литературы. В этой связи работа содержит и особую целевую установку — на изучение итальянской рецепции вообще и темы Италии, в частности.

Избирательное сродство русских символов с Данте указывает на действенность более

ранней предрасположенности. Историко-филологическое описание учитывает это, особенно в виду отсутствия источниковедческих работ. Обусловленная этим общая концепция соответствует представлениям о преемственности между символическим романтизмом и романтическим символизмом в определении Веллека и исходит при этом из точки зрения на возникновение и развитие.

Исследование проведено преимущественно на материале источников. Отчасти неожиданное богатство во многих случаях неизвестных и неопубликованных материалов обусловило диапазон и соответственно более библиографическое расположение материала, как и выделение отдельных частей работы. Некоторые из них публиковались и в других изданиях до выхода этой книги.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

- Acta Baltico-Slavica. XX. Wrocław, 1991, 373 s.
- Alek-Kowalski T.* Społeczne uwarunkowania organizacji nauki współczesnej. Wrocław, 1992, 197 s.
- American bibliography of Slavic and East European studies for.. 1959, 1960—1961, 1966—1967. Bloomington, 1960—1972.
- Autor i jego wcielenia: Szkice o roli autora w literaturze (Pod red. *Kuźmy E., Lalaka M.*) Szczecin, 1991, 281 s.
- Axer J.* Filolog w teatrze. Warszawa, 1991, 222 s.
- Baltisches historisches Ortslexikon (Hrsg. von *Feldman H., Mühlen H.*). Köln — Wien — Böhmlau. 1990. T. 2. Lettland (Südvland u. Kurland).
- Banaszak M.*, ks. Historia kościoła katolickiego: 1. starożytność. Warszawa, 1986, 325 s.
- Beiträge zur Baltistik und Slawistik (Ernst—Moritz—Arndt—Univ. Greifswald. Inst. für Slawistik). Greifswald, 1992, 102 S.
- Belić D., Bilbija D.* Srbija i Slovenija. Beograd, 1989, 360 s.
- Beranova M.* Slovane. Praha, 1988, 305 s.
- Bibliografia historii polskiej za rok 1987. Wrocław, 1991, 441 s.
- Bibliografia slovenskej histórie: 1942—1944. S doplukami za roky 1939—1941. Sv. Martin, 1943, 122 s.
- Czaja A.* Lata wielkich nadziei: Walka o reformne państwa polskiego w drugiej połowie XVIII w. Warszawa, 1992, 283 s.
- Danilewicz-Zielińska M.* Szkice o literaturze emigracyjnej. Wrocław etc., 1992. 460 s.
- Dilo Jana Amose Komenskeho ve fonděch Státní vědecké knihovny v Brně a Moravských klášterních knihoven: Rukopisy a staré tisky, 1611—1800 (Sest. *Vobr J.*). Brno, 1992, 17 9s., portr.
- Dominiszak H.* Granica wschodnia Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1919—1939. Warszawa, 1992, 288 s., m., 8 ark. il.
- Doroszewski W.* O kulturze słowa: Wybór porad językowych (Wybór, oprac. i przedmowa *Dubisz S.*). Warszawa, 1991, 239 s.
- Drewnowski T.* Walka o oddech: O piarstwie Tadeusza Różewicza. Warszawa, 1990, 352 s., 8 ark. il.
- Dymmel P.* Tradycja rękopiśmienna Roczników Jana Długosza: Studium analityczne ksiąg X—XII. Warszawa. 1992, 339 s.
- Encyklopedia staropolska (Opracowanie: *Brückner A.*; Materiaem il. opatrz.: *Estreicher K.*). Warszawa, 1990. T. 1. A—M; T. 2. N—Z.
- Fras Z.* Florian Ziemiałkowski (1817—1900). Wrocław, 1991, 227 s., il.
- Györfy K. G.* Kultúra és életforma a XVIII, századi Magyarországon: (Idegen utazók megfigyelsei). Budapest, 1991, 197 old. 65 l. ill.
- Kosman M.* Orze i pogon: Z dziejów polsko-litewskich XIV—XX w. Warszawa, 1992, 379 s.
- Knezević A.* Naistarije slavensko filozofsko nazivlje. Zagreb, 1991, 324 s.
- Kren J.* Konfliktni společenstvi: Češi a nemci, 1780—1918. Praha, 1990, 508 s.
- Kučera M.* Slovensko v dobách stredovekých. Bratislava, 1991, 316 s.
- Łempicki S.* Wiek złoty i czasy romantyzmu w Polsce. Warszawa, 1992, 914 s.
- Linguistica Silesiana. Kielce, 1991. V. 13, 156 s.
- Lipski A., Łęcki K.* Perspektywy socjologii kultury artystycznej. Warszawa, 1992. 383 s.
- Listy Jána Kollára (Pripravił *Ambrus J.*) Martin, 1991, 1. 1816—1839, 460 s.
- Literary studies in Poland — Etudes littéraires en Pologne. 14. Problems of the theory of literature. Warszawa, 1991, 129 s.
- Minichreiter K.* Starčevačka kultura u sjevernoj Hrvatskoj. Zagreb, 1992, 104 s.
- Piotrosicz A.* Wielkopolskie słownictwo regionalne w prozie współczesnych pisarzy poznańskich: Rzeczowniki — Poznań, 1991, 151 s.
- Polskie państwo podziemne i wojsko polskie w latach 1944—1945. Warszawa, 1991, 175 s.
- Proceedings of the XVII International congress of onomastic sciences, Helsinki, 13—18 August 1990. Helsinki 1990. V. 1—2.
- Puzynina J.* Język wartości. Warszawa, 1992, 267 s.
- Rit ascimento italiano letterario e mondo slavo. Roma, 1986, 157 p.
- Rusycystyczne studia literaturoznawcze. Katowice, 1991, 120 s.
- Rybář C.* Das jüdische Prag: Glossen zur Geschichte und Kultur. Praha, 1991, 330 s.
- Savel I.* Arheoloska topografija Slovenije. Ljubljana, 1991, 90 s.
- Ślósarska J.* Rozum, transcendencja i zło w literaturze. Warszawa, 1992, 256 s.

- Slovenská Republika v číslech. 1990. Bratislava, 1990.
- Słownik staropolski (Kom. red. *Urbańczyk S.*) Kraków, 1991. T. 10. Z. 4(64) Wjechać—wronie.
- Spółeczeństwo Polski średniowiecznej: Zbiór studiów. Warszawa, 1992. T. 5. 314 s.
- Statkowska E.* Rodzina języków zachodniosłowiańskich. Warszawa, 1992, 406 s., 16 ark. il.
- Tešitelová M.* Quantitative linguistics. Praha, 1992, 253 s.
- The origins of backwardness in Eastern Europe: Economics and politics from the Middle Ages until the early XXth century. Berkeley, 1989, 260 p.
- Tyszkiesicz L. A.* Słowianie w historiografii wczesnego średniowiecza od połowy VI do połowy VII wieku. Wrocław, 1991, 215 s.
- Vana Z.* Svet slovanských bohu a demonu. Praha, 1990.

CONTENTS

DISCUSSION

<i>Petruhin V. Ja.</i> On the Discussion about the Beginning of the Slavic Ethnic History . . .	3
<i>Vasiljev M. A.</i> The Slavs and the Ants: On the Problems of the Processes of the Ethnic Origin and the Early Ethnic History of the Slavs	7
<i>Cheshko S. V.</i> The Ethnic History of the Slavs from the Point of View of the Problems of Ethnology	15
<i>Ivanov S. A.</i> The Slavic Ethnicity as a Problem of Methodology	23

ARTICLES

<i>Avenarius A.</i> The Early Slavs in the Basis of the Middle Danube: the Autochthonal Theory in the Light of the Modern Investigation	27
<i>Florya B. N.</i> The Historical Fate of Rus' and the Ethnic Conscience of the Eastern Slavs in the XII—XV centuries (on the Problem of the Origin of the Eastern Slavic Nationalities)	42
<i>Evzlin M.</i> The Mythological Structure of the Crime and Insanity in the Novel by A. S. Pushkin "The Queen of Spades"	67

COMMUNICATION

<i>Oryol V.</i> From the Comments on "The List of Peoples" (Genesis 10)	81

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Aksyonova E. P., Vasiljev M. A.</i> The Problems of the Origin of the Slavs and Their Branches in the Academic Discussions in the 1930—1940-ies	86

MATERIALS TO THE MANUAL OF CHURCH-SLAVIC

<i>Pletneva A. A.</i> Noun (continuation)	105
<i>Sedakova O. A.</i> Church-Slavic-Russian paronyms (continuation)	117

NOTES OF BOOKS

<i>Studia Polonica.</i> On the 60-th Anniversary of Birth of V. A. Horyev	124
<i>Potthoff V.</i> Dante in Russia. Towards the Apprehension of Italy in the Russian Literature beginning with the Romanticism up to the Symbolism	124
The new books	126

Технический редактор *В. М. Пахомова*

Сдано в набор 11.12.92   Подписано к печати 29.01.93   Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать   Усл. печ. 10,4 л.   Усл.-кр.-отт. 12,4   Уч.-изд. л. 12,8   Бум. л. 4,0
Тираж 1161 экз.   Зак. 3588.   Цена 8 р. 60 к.

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Телефоны 938-01-20, 938-08-09

Московская типография № 2 ВО «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН

предлагает читателям

БОЛГАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ПРЕДВОЗРОЖДЕНЧЕСКОГО ПЕРИОДА. Сб. статей. 8,6 печ. л. Составитель и отв. редактор Е. И. ДЕМИНА. М., 1992. Цена 24 р.

Книга содержит исследования по морфологии, синтаксису и лексике болгарского литературного языка на переломном этапе его развития (XVII—XVIII вв.), выполненные на материале новоболгарских дамаскинов, широко отразивших живую народную речь своего времени. Включенный в контекст характерной для данного периода тенденции к демократизации культуры и письменности этот материал подтверждает целесообразность выделения Предвозрожденческого периода в истории болгарского литературного языка.